Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Костромской государственный университет

Научно-просветительский центр им. И. А. Дедкова

Кострома.
Genius Loci

Альманах

Рецензируемое научное издание

Выпуск 4

Кострома
КГУ
2021

ББК 63.3(2)632я43
К725

Печатается по решению редакционно-издательского совета КГУ

Рецензент:
кафедра философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин
Костромской государственной сельскохозяйственной академии
(зав. кафедрой канд. полит. наук, доц. *И. Д. Лопатин*)

К725 Кострома. Genus Loci : альманах / [сост. и отв. ред. А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2021. – Вып. 4. – 135 с.
ISBN 978-5-8285-1163-1

Содержание четвертого выпуска альманаха Genius Loci составили материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Русская культура в контексте социокультурной глобализации: диалектика глобального и локального» (Дедковские чтения), которая прошла в Костромском государственном университете 23–24 апреля 2021 года. Свои материалы для публикации в альманахе предоставили ученые и исследователи из Костромского государственного университета, Костромской государственной сельскохозяйственной академии, Военной академии РХБЗ им. С. К. Тимошенко, Костромской областной универсальной научной библиотеки, Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Ивановского государственного университета, Вятского государственного университета, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Пермского государственного национального исследовательского университета, Культурного центра «Дом Станислава Лесневского» в Тараканово (Московская обл.), Всероссийского института кинематографии им. С. А. Герасимова, а также ряда других учебных, образовательных и культурных заведений и организаций.

Альманах адресован культурологам, историкам, философам, филологам, краеведам, музейным и библиотечным работникам, педагогам и воспитателям, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется проблемами коммуникации, дискурса, связей с общественностью, взаимодействия власти и общества в социокультурной истории современной России.

ББК 63.3(2)632я43

ISBN 978-5-8285-1163-1

16+

© Костромской государственный университет, оформление, 2021
© Зайцев А. В., составление, 2021

ꕥ

Раздел 1

Провинциальный мир и его место в глобальной культуре (Игорь Дедков как Genius Loci)

УДК 82.09(470.317)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК В ПРОВИНЦИИ (ПРИМЕР ИГОРЯ ДЕДКОВА)

С. Л. Страшнов
sstrashnov@yandex.ru

Устанавливается, как повлияла и как сказалась тридцатилетняя жизнь в Костроме на творчестве Дедкова. В статье даются характеристики его гражданских и эстетических взглядов, жанрово-стилевых особенностей литературно-критических выступлений.

И. А. Дедков, провинция, столица, реалистическая литература и эстетика, критика, публицистика, позиция.

Вектор пути в исполнении людей выдающихся чуть ли не каноничен – по французской пословице: «Поэты рождаются в провинции, а умирают в Париже». Официальная биография Игоря Александровича Дедкова вполне этому правилу соответствует: 11 апреля 1934, Смоленск – 27 декабря 1994, Москва. Зато биография духовная сложилась почти противоположно: у некоренного, но все же москвича, выпускника МГУ она состоялась в течение тридцатилетней костромской жизнедеятельности.

Поначалу Дедков чувствовал себя на периферии, как «*в „затянувшейся командировке“*» (курсив издателя. – *С. С.*) [2, с. 52], однако отношение к окружающему постепенно и неуклонно оформлялось в принципы и функции просветительского долга, позволяющие вспомнить про устремления народнические: «Ты знаешь, а другие не знают, и значит, ты должен… Он умеет, а они не умеют, и он спешит… Ему открыто, а им – нет, и он идет…» [4, с. 120]. Тем более что вскоре об-

© Страшнов С. Л., 2021

наружилась ответная благодарная реакция: «читатели в анкетах пишут обо мне добрые слова» [2, с. 64]. Тогда и еще четырнадцать последующих лет Дедков служил – и весьма успешно как будто – в областной газете, хотя уже в этот период, похоже, осознавал, что журналистская профессия ему «не по характеру» [2, с. 552]. А варианты карьеры чиновничье-партийной, открывавшиеся уже в середине шестидесятых, он отвергал, как говорится, с порога. Все заманчивей становилась самая адекватная таланту и характеру судьба – писателя-мыслителя. Однако в наличных условиях возможности ее открытой реализации были пока весьма ограниченными. Одна из них – это литературно-художественная критика, которая в публикациях сотрудника «Северной правды» постепенно выходила на передний план.

Только ведь и это занятие не сулило положения комфортного. Особенно в трактовке самого И. Дедкова: «Иные современные писатели напрасно думают, что критика „состоит“ при них» [1, с. 3]. И не одни писатели, поскольку, по мнению диктовавшей политическую моду центральной власти, критика предусматривалась исключительно «в пределах самокритики <…> все остальное – происки врага» [2, с. 173]. Надо ли добавлять, что на местах такая установка исполнялась не просто с тщанием – с усердием вдохновенным?

Тем не менее Дедков даже на страницах двух областных изданий не выглядел аналитиком провинциальным. Уже в первой из заметных его рецензий, подготовленной в то время, пока репутация оставалась шаткой, речь шла о фильме испанском. Что могло тогда, в 1958 году, подтолкнуть вышколенное редакционное руководство к нарушению стандартов локальной партийно-советской прессы? Пожалуй, только сила интеллекта и блеск стиля юного автора. А затем последуют его отзывы о пьесах немецких и английских, о кино польском, венгерском, итальянском, японском... Дедков заставил с собой считаться, впечатляя убедительностью аргументов и смелостью оценок, проявляя широту и принципиальность.

Независимость критика стала еще очевиднее, когда он с конца шестидесятых годов не без осложнений, но пробился-таки к читателю всесоюзному, все чаще печатаясь в столичных газетах и самых солидных журналах. Впрочем, это обстоятельство вызывало в Костроме не только гордость за своего соседа, но и то повышенное рвение, с которым брались на вооружение доводы столичных противников Дедкова. Прежде всего препоны, положенные им по должностям, чинили партийные, а также другие органы, но ревностно встречали успехи и в родной, казалось бы, – писательской среде. Самых достойных представителей местной литературы он и оценивал соответственно – по достоинст-

ву (например, в ярославском сборнике 1981 года «Во все концы дорога далека»), о других статьи сочинял мучительно (см., к примеру: [2, с. 61]), но без снисхождений – неприкасаемых для этого критика не было нигде. А с некоторыми костромскими авторами и общаться было по-человечески неприятно, хотя до отъезда Игоря Александровича в Москву коммунальные дрязги в областной организации он сдерживал одним фактом присутствия. Вступление в нее, как случалось и случается обыкновенно, не принудило Дедкова изменить свою гражданскую тактику и практику, ослабить нравственную неуступчивость и эстетическую требовательность.

Однако все это требовало и массы дополнительных усилий. Идеалист по своей натуре, провинциальные нравы он, впрочем, не склонен был приукрашивать – прежде всего являемые в цензурно и по-иному опекаемых журналистике и культуре, а также в облике самой номенклатуры – того политического театра, приемы и гримасы которого Дедков прекрасно различал. Начальство на местах дистанционно ближе к населению, чем в столицах, а значит назойливее и бдительнее, что усугубляет зависимость от него служилой интеллигенции. Тем более что одолевала и элементарная бедность, наблюдаемая не в одной Костроме – еще и в Горьком, еще и в Казани, других поволжских городах. Неизбежны, казалось бы, в провинции и отставание от некоторых новых веяний, и узость обзора, и консерватизм. Всему этому хотелось противостоять. А в особенности тем пределам, которые самодурно устанавливали власти на местах, не считаясь даже с позволенным Москвой (в Костроме, к примеру, ограничивали показ фильма «Доживем до понедельника», а в Иванове и вовсе запрещали демонстрацию рязановского «Гаража»).

И все же провинциальный консерватизм И. Дедков воспринимал не только как угнетающий, но и как спасительный – избавляющий от наносного, временного, суетного (см., в частности: [2, с. 111]). Не случайно, прожив в отдалении от столицы двадцать два года, он признался и признал: «Наверное, Кострома и есть моя настоящая малая родина» [4, с. 56]. В ней прошла лучшая пора жизни – конечно же, по причине молодости, но и потому, что лица здесь были теплее, дома уютнее, а среди интеллигентов встречалось немало тех, кто воспитывался на образцах не подданнических – земских. Впрочем, Дедков так часто высказывался во славу глубинной России и так многообразно свой выбор обосновывал, что сейчас нет, думается, большой необходимости эти доводы перечислять как таковые – для нас гораздо важнее разобраться, насколько приблизившая критика к людям и природе провинция отразилась в характере его творчества.

И. Дедков немало размышлял о кино, о театре (по преимуществу областном), иногда – о живописи, но в основном – о литературе. И любимые его авторы тоже проживали на периферии: в Вологде, в Воронеже, в Курске, в Ростове-на-Дону, в Красноярске, в Кургане, в Иркутске… Наверное, Дедков намеренно подчеркивал земную принадлежность героев своих статей, поскольку воспринимал «книгу прежде всего как факт жизни» [2, с. 276], и ему было «скучно писать критику, ограничиваясь фиксированием каких-то формальных элементов литературоведческого толка» [2, с. 276]. Собственное творчество складывалось в русле «реальной» критики добролюбовского толка и еще критики публицистической, писательской. Осмысливая опыт А. Платонова, И. Дедков стремился вслед за ним «многое „договаривать“ за художника и добывать из распахнутых им „недр“ свои долговременные, влиятельные, необходимые обществу идеи» [6, с. 88], см. также признания программные [5, с. 5].

Из двух этих начал: предпочтения произведений суровых реалистов (видимо, поэтому не удостоился развернутой характеристики идейный сподвижник, но слишком причудливый по манере Ф. Искандер) и по-романтически утверждаемых высоких этических ценностей – и образовывался тот сплав, который представляла собой критическая проза Дедкова. Она отличалась формулировками прямыми, подчас даже прямолинейными, бесстрашными и недвусмысленными, где выражался протест, но чаще солидарность с товарищеским кругом, сочувствие земляку, союзнику, просто человеку. Да и, обращаясь к литературе, критик-публицист не столько разбирал, сколько вживался в тексты и замечал важное – из того, что у писателя затаено, но затаено с надеждой на понимание. Не потому ли и оказался Дедков столь созвучен и родствен талантливейшим авторам 1970–1980-х годов, воссоздававшим жизнь и в полноте, и в свете идеалов? Его способ толкования был таким, что они чувствовали в своем интерпретаторе родственную душу.

Статьи насыщались очерковостью, а иногда в очерки и вовсе перерастали. В них автор, обладавший замечательным чувством слова, о провинции высказывался уже не попутно – он пытливо ее изображал.

Одно из самых крупных собственно писательских произведений – «Пейзаж с домом и окрестностями» – наполнено любовью к ближнему, открывает поэзию в обыденном. Пафосность и здесь иногда как будто избыточна, но она искупается безукоризненной, отвечавшей искренней натуре повествователя интонацией. А также обилием фигур из культурного прошлого и настоящего, упоминанием литературных и живописных образов, окрестных топонимов… Таково обратное влияние литературно-художественной критики, но таково и действие присущей про-

винциалам исторической памятливости, благодарного отношения к лучшим из предков и современников.

Взаимопроникновения прозы номинально критической и очерково-публицистической наблюдаются повсюду. Вот один из возможных примеров первой, посвященный Е. Носову: «В том давнем рассказе деревня предстала перед читателем не еще одной малой подробностью, деталью сельскохозяйственного механизма, а дорогой частицей издавна обжитого народом великого пространства, еще одним порожком огромного родного Дома» [1, с. 49]. А вот – и тоже не единственный – фрагмент из второй, посвященной Щелыкову, Кинешме, Костроме: «От великой натуральной „модели“: от жизни барских усадеб, сел, уездных и губернских городов, от постоялых дворов, трактиров, волжских пристаней, плохих дорог – Островский смог взять столько, что создал целый русский мир наново, уместив его драму в пять актов и представив на обозрение пеструю толпу ее героев, словно связанных веревочкой одной национальной судьбы» [4, с. 64]. Един стиль, потому что един взгляд на действительность и литературу. Границы между ними иногда для Дедкова стираются. Говоря о художественных произведениях, он вдруг чуть ли не забывается и не просто рассуждает о персонаже как о человеке, но человеком его внятно и называет (см., например: [1, с. 111 или 3, с. 22]). Отталкиваясь от непосредственных читательских чувств (про персонажей распутинского «Последнего срока» сказано: «Дети относятся к матери небезупречно, невзначай обижая ее, отталкивая **нас** (выделено мной. – *С. С.*) грубостью, бесцеремонностью, нарастающим равнодушием» [1, с. 143], критик уже и не анализирует образы, а проникает в их подоснову, чтобы выяснить, каковы, в первую очередь, «люди этого типа» [1, с. 177]. А если он с чем-то категорически не согласен, то также ведет, по наблюдению С. Чупринина, «спор не с литературой, будто бы искажающей действительность, а с самою действительностью, исказившейся или, лучше сказать, неуследимо переменившейся» [7, с. 140].

Но допустимы ли подобные смещения, в которых без труда можно разглядеть пренебрежение законами эстетики, касающимися непременной условности искусства? Научным аппаратом Игорь Александрович вполне владел и при необходимости весьма оригинально это демонстрировал («Кажется, нет ничего любезнее для трифоновского стиля, чем безличный глагол в прошедшем времени, говорящий о стихийности, анонимном могуществе, непостижимости, непредсказуемости налетающих, настигающих, все переиначивающих сил» [3, с. 68] или оттуда же: «У Трифонова – иное, ничего общего с остранением, но что-то похожее на „переименование“, „недоименование“ каких-то явлений жизни совершается и у него» [3, с. 74]). Кроме того, принадлежат ему и несколь-

ко терминологических справок в «Краткой литературной энциклопедии», то есть филологической отсталости и косности не наблюдалось, однако специальными понятиями Дедков никогда не злоупотреблял, и, как мы уже знаем, замкнутое в себе литературоведение представлялось ему скучным и тесным.

Не приемля искусства забытовленного, непреображенного (см.: [5, с. 263]), тем не менее он явно сдвигался в сторону эстетики реалистической – в сторону конкретики, даже документалистики – и с подозрением относился ко всяческой мифологизации, приветствовал «демонтаж фантастики и абсурда» [5, с. 299] – прежде всего фантастики из разряда «догматизма или произвола» [5, с. 300]. Он исповедовал и утверждал пафос неприкрытой правды и, возможно, оттого предпочитал не исследовать аспекты, а погружаться в целостные художественные миры, познавая их изнутри. И оттого же, вероятно, Дедков редко выступал с обозрениями, предполагающими вычерчивание тенденций. Органичный для него жанр – это литературно-критические портреты, причем тех, кто ему безусловно по-провинциальному близок и дорог, кому можно доверять и от кого исходит незримая поддержка.

Нельзя, правда, считать, что И. Дедков выглядел неким верхневолжским отшельником. И это чувствовалось не только в упомянутых уже кинотеатральных рецензиях: в некоторых объемных статьях он тоже непосредственно касался прозы и драматургии зарубежной, внимательно следил за литературным процессом в союзных республиках; а дневники показывают, насколько интересовало его происходящее в Польше, Чехословакии, Югославии… И отнюдь не по собственной воле до сорока лет не выезжал нерядовой член Союза журналистов за границу. И все же сформировала его личность и разнообразное творчество именно провинция. Однако такой вывод не должен восприниматься как сентиментально-идиллический, если сам Дедков не скрывал, что он и его жена-единомышленник Тамара Федоровна «стали такими, какие есть, благодаря Костроме и в то же время – вопреки ей» [6, с. 76]. Причем линия индивидуального сопротивления, нонконформизма не была исключительно вынужденной – она содержалась в составе цельного характера, гражданском и эстетическом кредо (см.: [4, с. 46; 5, с. 174]), ведь недаром, когда в ходе «перестройки» разрешили выступать против многого, литературно-критическая активность Дедкова снизилась. Так что провинция не только подпитывала.

Однако и возражал он, живя там, не одному окружающему. Многое из неприемлемого угнездилось как раз на столичных высотах, в центре застоя, откуда расползался «меркантильный или скептический современный дух» [3, с. 349]. Художественно он воплощался в нравствен-

ной ущербности, фальши либо в тотальной расслабленной ироничности. И хотя Дедков предвидел последствия собственных ниспровергающих выступлений, предупреждать об опасности было для критика не менее важно, чем поддерживать соратников. Энергично оспаривая восхищенный хор тогдашней окололитературной тусовки, он обнаруживал в персонажах Ю. Бондарева, Р. Киреева, В. Гусева, А. Афанасьева и других нарциссизм, пустословие, высокомерие, духовную незрелость, непорядочность. Зорко различал И. Дедков и лишь намечавшиеся у агрессивного А. Проханова технократические, глобалистские атаки на сокровенное. Однако неверно предполагать, что решающим признаком оказывалась прописка. Адрес «московской школы», куда относили Киреева и компанию, не мешал солидаризироваться с «московскими» же повестями Ю. Трифонова. Так что дело не в оцениваемой среде, а в позиции – ее определенности и нелицеприятности.

Собственную выношенную точку зрения И. Дедков всегда старался защищать и отстаивал умело. Это, пожалуй, более всего прочего, выдвигало его к середине 1980-х годов в ранг одного из ведущих российских литературных критиков, а для костромичей бесспорным властителем дум он стал гораздо раньше. Лидер общественного мнения – роль просветительская, и Дедков исполнял ее сполна. Провинциальная жизнь обогатила личность и деятельность демократизмом, желанием отдавать и не столько учить, сколько учиться – познавая реальность, осваивая историческое наследие и повседневную практику. Вот почему даже черновая газетная работа оценивалась по прошествии лет с признательностью – она позволяла постоянно обращаться к дорогой аудитории скромных подвижников умственного труда.

Критиком в провинции – причем любым, а не только литературным – быть очень непросто. Нелегко зачастую приходилось и Дедкову. Конечно, его отношение к костромскому периоду менялось, особенно в последние, московские, годы жизни – становясь все ностальгичней и мягче. Но и прежде, видя в провинции противоречия, учитывая конфликты и компромиссы, делая оговорки, релятивно-фаталистическую диалектику продолжения достоинств, двух сторон одной медали Игорь Александрович не принимал. Видимо, и поэтому его гражданская и творческая деятельность здесь – не просто один из случаев, вариантов, способов, а наглядный и впечатляющий пример. В не самых благоприятных условиях он сумел «себя поставить, а, главное, сохранить» [6, с. 61].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дедков И. Возвращение к себе: Литературно-критические статьи. – М. : Современник. 1978. – 319 с.
2. Дедков И. Дневник: 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда. 2005. – 792 с.

3. Дедков И. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых – восьмидесятых. – М. : Советский писатель. 1986. – 392 с.
4. Дедков И. Наше живое время: Книга воспоминаний, статей и интервью. – М. : Изд-во Моск. ун-та. 2013. – 320 с.
5. Дедков И. Обновленное зрение: Из шестидесятых – в восьмидесятые. – М. : Искусство. 1989. – 318 с.
6. Дедков И. Эта земля и это небо: очерки, заметки, интервью, дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 годов. – Кострома : Костромаиздат. 2005. – 432 с.
7. Чупринин С. Критика – это критики: Проблемы и портреты. – М. : Советский писатель. 1988. – 320 с.

A LITERARY CRITIC IN THE PROVINCE (IGOR DEDKOV'S EXAMPLE)

S. L. Strashnov

The way a thirty-year life in Kostroma has influenced and affected the work of Dedkov is being established. The article provides characteristics of his civil and aesthetic views, genre and style features of literary-critical performances.

I. A. Dedkov, province, capital, realistic literature and aesthetics, criticism, journalism, position.

УДК 82:330.82

И. А. ДЕДКОВ И КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА

С. А. Яковлев
sayakovlev@yandex.ru

В статье на материале статей и дневниковых записей И. А. Дедкова (1934–1994) анализируются причины провала реформ 90-х годов и кризиса либерального движения в России.

Либералы, перестройка, реформы 90-х годов, свобода, справедливость, И. Дедков, М. Ходорковский, делиберализация, будущее России.

За два с небольшим десятилетия тезис о кризисе либерализма обрел в России широчайшую популярность и стал фактически «общим местом» – причем применительно не только к российским, но и к мировым реалиям. Об этом как о свершившемся факте твердят чуть ли не все, от руководителей государства до рядовых обывателей. И если политиков определенного толка можно в какой-то мере подозревать в стремлении выдать желаемое за действительное, то поток событий, убедительно работающих на этот тезис, и сама общественная атмосфера, пронизанная антилиберализмом и провоцирующая власть на радикальные развороты

© Яковлев С. А., 2021

к ограничению гражданских прав и свобод, не оставляют уже никаких сомнений.

Не буду здесь расширять суждения о кризисе либерализма на весь мир – для этого у меня нет ни достоверных знаний, ни разумных оснований. За минувшие два века история либерального движения знавала периоды побед и поражений, увлечений и разочарований. И если сегодня на Западе стали осторожнее относиться к некоторым аспектам неолиберального экономического курса, это не говорит о всеобъемлющем кризисе или отрицании непреходящих либеральных ценностей. Задача настоящей статьи – оценить причины, которые привели к массовой дискредитации этих ценностей среди российского населения, которому еще не так давно они были совсем не чужды.

Чтобы разобраться в этом, естественно обратиться к творческому наследию И. А. Дедкова. И не только потому, что оно служит своего рода нравственным камертоном. (В минувшие после ухода Дедкова годы, особенно в кризисные периоды, мне всегда важно было представить, как бы он отреагировал на то или иное общественное явление: серьезно, ответственно, порой саркастически, со своей неподражаемой печальной иронией.) Дедков был, пожалуй, единственным из отечественных мыслителей второй половины XX века, соединявшим, по расхожим представлениям, несоединимое. Скажем, трезвое понимание особенностей своей страны, ее сложной истории, ее быта и нравов – с безоговорочным уважением к личности и правам каждого человека, в ней живущего, каких бы взглядов он ни придерживался и какую бы ступеньку на социальной лестнице ни занимал. Или требование социальной справедливости, приверженность к социалистической морали – с императивом свободы частной жизни и борьбой с государством, неизменно пытающимся эту свободу отнять. Или категорическое неприятие национальной спеси, ксенофобии, религиозной и этнической вражды – с трогательным вниманием к самобытным чертам разных народностей.

В годы перемен наша страна не была обделена либералами, но едва ли кто из них, теоретиков и практиков, лучше Дедкова сознавал, какой именно либерализм может быть принят и привит на русской почве. А потому он, свидетель и активный участник событий 80-х – начала 90-х годов, оставил убедительный и исчерпывающий анализ процесса, начинавшегося как освободительный, с его блужданиями, обманами и самообманами, ложными путями и закономерным нерадостным финалом. И хотя прошло немало времени, давние оценки и предостережения Дедкова проливают свет на сегодняшние события и долго еще, видимо, сохранят актуальность.

Ключевое слово для публицистики, да и в целом творчества Дедкова на протяжении всей его литературной деятельности – «убеждения». «Чтобы было за что расстреливать», – как признавался он в анкете еще в студенческие годы [5].

О том, насколько трудно и болезненно проходило их становление в ранней молодости, выпавшей на годы «оттепели» и разоблачения культа Сталина, Дедков впоследствии поминал в автобиографических заметках, давая понять, что с тех самых пор он своих убеждений не менял. В перманентных условиях жизни «на исчезающе малом пространстве последней свободы» [2, с. 62] либерализм был, не мог не быть одной из первейших составляющих этих убеждений. Свобода у Дедкова часто выступает синонимом жизни, попросту от нее неотделима. Возьму на себя смелость предположить, что его приверженность свободе – скажем, в вопросах взаимоотношений народа и власти в России, применительно к ненавистным ему в любых обличьях деспотизму и диктату – была даже более последовательной и глубокой, чем у его современников, отличавшихся шумным фрондерством и гордо именовавших себя либералами. Хотя, без сомнения, одной только либеральной идеологией мировоззрение принципиально «внепартийного», обладавшего широчайшим кругозором мыслителя не исчерпывалось.

Чтобы не быть в оценках дедковского либерализма голословным, пройдусь бегло по некоторым его высказываниям на темы наиболее характерные, не утратившие остроты и в наши дни.

В апреле 1985 года в письме к белорусскому писателю Анатолю Сидоревичу Дедков откликается на упреки, что будто бы он в книге о Василе Быкове мало уделяет внимания национальным, собственно белорусским чертам творчества: «…Быков был для меня нашим общим писателем, русско-белорусским или белорусско-русским, и даже более того – писателем в ряду мировой литературы, часть общечеловеческой сегодняшней культуры, пусть и воспринимаемой в ее ближайшей к нам части, если можно так сказать». И добавляет: «…национальные гордость, достоинство, честь, возрождение национальной культуры и все с этим связанное не нуждаются в расколе на „наших“ и „не наших“, на „чистых“ и „не чистых“» [4, с. 200–201].

Это один из многочисленных выпадов критика против национализма, в защиту общечеловеческих ценностей.

Другой показательный критерий – отношение к государству и роли, какую ему надлежит играть в жизни человека и общества. В той же переписке (в письме от июля 1987 года) Дедков определяет современное ему государство (тогда СССР) как «зло»: «Государство, остающееся вне критики, как государство, стремится без конца расширять свои

владения за счет частной жизни граждан, за счет их прав и возможностей. Отсюда – бесцеремонность в обращении, произвольные установления и т. п.» [4, с. 216].

Мысль не случайная, она не однажды возникает, с разных сторон рассматривается в эти годы в дневниковых записях. «Сколько же человек бывает свободным? Девять месяцев в чреве матери? Наше государство амбициозно и вездесуще; ему хочется присутствовать в жизни человека как можно больше и неотвратимее, чтобы человек не переставал ощущать, как государство двумя железными пальцами держит его за голову, поворачивая туда-сюда… Национализм – как умственная болезнь, „патриотизм“ – один из симптомов» [1, с. 478]. «Государство занимает очень много места; ему не мешало бы потесниться; людям хочется дышать свободнее» [1, с. 486]. «Оно хочет быть главным в человеческой жизни, а надо бы ему держаться поскромнее, „позастенчивее“, не лезть в душу и судьбу человека с такой безапелляционной убежденностью в своем праве» [1, с. 487].

В сущности, на той же либеральной – рожденной «оттепельными» годами – основе базировалось осуждение Дедковым сталинского периода советской истории и связанных с ним репрессий. В 1987 году, с надеждой и тревогой размышляя об идущих в стране переменах, он напишет в дневнике знаменательную фразу: «отношение к сталинскому прошлому – это отношение к настоящему и будущему» [1, с. 497]. И проблема, как хорошо понимал Дедков, не только в обеспечении широкой гласности, которая, вскрыв злодеяния минувших лет, будто бы автоматически заставит людей содрогнуться (как рассчитывали в ту пору многие), то есть не только во внешних условиях, – «ведь даже для того, чтобы содрогнуться, тоже нужна какая-то первоначальная свобода» [2, с. 98].

Что же выделяет Игоря Дедкова из немалой когорты «шестидесятников», сверстников и единомышленников, принявших в конце концов либерализм в качестве едва ли не новой религии? Что отвратило его от более молодых либералов, чьими руками совершались радикальные преобразования в 1990-е годы? В чем природа конфликта, заставившего Дедкова почти с теми же категоричностью и яростью отвергнуть плоды, казалось бы, долгожданной свободы (или того, что было названо свободой), с какими он отвергал сталинский террор?

В поиске ответов попробую оттолкнуться от одного сугубо эстетического суждения критика, не имеющего, на первый взгляд, отношения ни к общественным реалиям, ни тем более к либерализму.

Размышляя однажды на рубеже 60–70-х годов об экранизациях романов Достоевского, Дедков попытался объяснить разочарования, неизбежно возникающие у зрителя при просмотре пырьевских «Братьев

Карамазовых». Можно сразу и бесповоротно отвергнуть вариант Пырьева, замечал он. Для этого достаточно перечитать роман и понять, что художники эти не равнозначны, а точнее – не сравнимы вообще [3, с. 244]. Но мы знаем, рассуждал критик, что философия великих романов вообще не поддается экранизациям. «И еще мы знаем, что путь от «Бедных людей», от «Записок из мертвого дома» – к «Братьям Карамазовым» – это одно дело, и совсем другое дело – путь к тем же «Братьям Карамазовым» от идиллических, имеющих мало точек соприкосновения с жизнью народа «Свинарки и пастуха» и «Кубанских казаков». …Пырьев лишь прикоснулся к миру Достоевского, к его *свободному, ни от чего не зависящему поиску истины*» (курсив мой. – *С. Я.*) [3, с. 190–191].

Это не значило, что Пырьев создал что-то заведомо слабое и халтурное. Напротив, Дедков тут же отмечал отдельные удачи фильма, включая превосходную игру некоторых актеров. Это значило, что фильм имел «мало точек соприкосновения с жизнью народа».

Переводя отсюда взгляд на наш предмет, можно сказать: идеи либерализма, привнесенные в 80-е годы прошлого века в Россию (вместе с самим словом) извне, из опыта других стран, да еще адаптированные недавними членами КПСС в привычно догматическом, директивном ключе, – они тоже имели мало точек соприкосновения с жизнью народа, с представлениями, опытом и традициями, выстраданными населением России на протяжении веков.

Партии в мире (начиная с античности) складывались естественным образом, как результат формирования интересов больших групп населения в условиях демократии. Политическое развитие «догоняющей» России шло несколько иным путем. Партийные идеи, программы, да и сами наименования партий традиционно приходили на русскую почву со стороны, распространяемые и пропагандируемые узким кругом европейски просвещенной интеллигенции. Эти идеи либо не имели поддержки в широких массах, либо воспринимались превратно, в примитивно-утилитарном смысле, искажаясь до неузнаваемости и перевоплощаясь порой на практике в нечто противоположное (так случилось, в частности, с марксизмом). Да и сами адепты партийных идеологий, усердствовавшие в пропаганде, не всегда отличались образованностью и серьезным пониманием стоящих за той или иной партией общественных процессов. А большинство из них, давно оторвавшись от «почвы», не знали и своего народа, зачастую откровенно презирали его за «отсталость» и пренебрегали его жизненными интересами во имя торжества «прогрессивных идей». Довершало дело многовековое подавление в России демократических начал, когда при всем желании невозможно было выявить партийные предпочтения больших групп населения – для этого просто не существовало ни условий, ни инструментов.

Результатом стала номинальная, «лозунговая» партийность, исторически беспочвенная, мало связанная с реальными настроениями и нуждами людей, но при этом – в силу горячности неофитов и всеобщего недопонимания – отличавшаяся особым ожесточением и беспощадностью в борьбе с оппонентами.

На эту специфику развития России (как мы теперь знаем, трагическую по своим последствиям) русские мыслители обращали внимание еще в первые десятилетия XIX века. «Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. <…> Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода», – писал П. Я. Чаадаев [7, с. 35–36]. А сравнивая политические процессы в России и на Западе, констатировал: «Все политические революции были там, в сущности, духовными революциями: *люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние*» (курсив мой. – *С. Я.*) [7, с. 45].

Речь шла, по сути, о приоритете нравственных основ жизни. Можно вспомнить хотя бы, как впоследствии толковалось и разрабатывалось понятие «истины» в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого: в неразрывной связи с народной этикой, в рамках всеобщих согласия и взаимопонимания. Беда России в том, что у нас – что в XIX, что в XX, что в XXI веке – эту органическую истину мало кто искал, а правящие и интеллектуальные круги полагались в основном на заимствованные рецепты, усвоенные поверхностно, пытаясь принудительно лечить застарелые недуги средствами, может, и превосходными, но от каких-то других болезней.

В таком контексте противопоставление Дедковым «свободного, ни от чего не зависящего поиска истины» у Достоевского потугам интерпретаторов писателя, живущих в умышленном, расчерченном по готовым лекалам мире, обретает особенный смысл. Оно проецируется на все стороны жизни современной Дедкову России конца XX века, и прежде всего на политические перемены 80-х – начала 90-х годов.

«До [августа 1991 года] – я еще на что-то надеялся и голосовал вместе с большинством, – писал Дедков в дневнике летом 1992 года, – но очень быстро я понял, как убога предлагаемая нам демократия, как примитивно поставлена задача реставрации капиталистического миропорядка. <…> Многие, наверное, поняли теперь, что было пережито в России в семнадцатом-восемнадцатом году: тогда гнули страну в одну сторону, теперь – в противоположную. Если б эта страна была где-то в стороне, а мы бы все сидели и смотрели: вот построят новый дом за-

тейники-кудесники, и мы все вселимся и будем жить, да куда там – это все из нас строят, из живого человеческого материала, из наших судеб и нашего времени, наших уходящих лет» [1, с. 547]. «Народ, общество начинают чувствовать, что над ними совершается новое насилие, что у них отбирают лучшее из того, что было достигнуто, а худшее продолжает воспроизводиться в едва обновленных, а то и наглых формах. Кроме того, становится очевидным, что т. н. реформы оказались для большинства народа неожиданностью…» [1, с. 550].

Последние оставшиеся до ухода из жизни (в декабре 1994-го) месяцы Дедкова не покидает ощущение надвигающейся на страну катастрофы. «Родина никогда не казалась мне безобразной, она как дом, где все родное – и бедное, и неказистое, и обтрепанное. Тяжело от другого – от нового насилия над людьми, которых с новым энтузиазмом и новой самоуверенностью волокут, подгоняют к новым сияющим вершинам» [1, с. 560]. С долгожданными реформами произошли удручающие превращения («деспотизм настолько хитер и жизнестоек, что способен поставить себе на службу любые мнимости, в том числе демократические» [2, с. 98]); на очереди – угроза самому существованию России «как России». Пресловутый кризис либерализма (собственно, уже развернувшийся на глазах Дедкова) оборачивался системным кризисом, несовместимым с жизнью страны. «Когда я думаю о будущем, в которое нас тащат всякие „демроссы“ и тот же Ельцин с Гайдаром и дружками, то я радуюсь, что я его не увижу. Впрочем, в то, что у них получится эта подгонка под стандарт, я не верю. Сильно не верю, но возможность допускаю. Ставка на худшие, приобретательско-потребительские, качества человека надежнее, чем ставка на его лучшие и чистые силы» [1, с. 562].

И первое, и второе предчувствие оказались вещими: проект реформаторов 90-х годов в целом действительно потерпел провал, но его одиозные черты не канули в лету, а заложили основу позднейшего гибридного режима, сделавшего окончательную ставку на худшие качества человека.

Любопытно, что Дедков, до конца не изменяя либеральным в своей основе убеждениям, старался термин «либерализм» не употреблять, предпочитая ему более укорененные в русском политическом лексиконе «свободу» и «демократию». А однажды даже саркастически поставил «либерализацию» в один ряд с агрессивно входившими в моду никчемными заимствованиями вроде «презентации», «шоу-бизнеса» или «парадиз-коктейля», чтобы нагляднее показать, каким глумлением обернулась на деле безответственная игра словами для рядовых граждан, большинства населения страны [2, с. 77–78].

О закономерном крахе либеральных иллюзий в России 90-х годов первым, как ни парадоксально, во всеуслышание заявил Михаил Ходор-

ковский – один из главных бенефициаров тех лет, в немыслимо короткий срок превратившийся из районного комсомольского вожака в нефтяного магната и долларового миллиардера. Его статья, написанная в тюремном заключении (где автор к тому времени оказался) и опубликованная 29 марта 2004 года газетой «Ведомости», недвусмысленно называлась «Кризис либерализма в России».

Поскольку выводы опального олигарха содержали запоздалые подтверждения многого из того, о чем еще в самом начале 90-х предупреждал, можно сказать – кричал почти никем не услышанный тогда Дедков, здесь имеет смысл о них напомнить.

«Русский либерализм, – писал Ходорковский, – потерпел поражение потому, что пытался игнорировать, во-первых, некоторые важные национально-исторические особенности развития России, во-вторых, жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа. И смертельно боялся говорить правду.

Я не хочу сказать, что Чубайс, Гайдар и их единомышленники ставили перед собой цель обмануть Россию. Многие из либералов первого ельцинского призыва были людьми, искренне убежденными в исторической правоте либерализма, в необходимости „либеральной революции“ в усталой стране, практически не знавшей прелестей свободы. Но к этой самой революции либералы, внезапно получившие власть, подошли излишне поверхностно, если не сказать легкомысленно. Они думали об условиях жизни и труда для 10 % россиян, готовых к решительным жизненным переменам в условиях отказа от государственного патернализма. А забыли – про 90 %. Трагические же провалы своей политики прикрывали чаще всего обманом» [6].

Дедков в свое время писал, что теоретики революций и тотальных шоковых реформ исходят «из того, что люди в своем большинстве забывчивы, доверчивы, воспитаны в послушании, страхе и долготерпении»; а следовательно, «саму их память, убеждения, привычки, привязанности, нравственные правила можно рассматривать как величины неустойчивые, сомнительные, а при мощном идеологическом облучении быстро преобразуемые или даже совсем упраздняемые» [2, с. 48].

Ходорковский, знакомый с нравами пришедшей в 90-х годах к власти «либеральной» команды изнутри, из самой, можно сказать, ее сердцевины, спустя десятилетие свидетельствует фактически о том же, нимало не церемонясь в оценке своих соратников: «Они всегда говорили – не слушая возражений, – что с российским народом можно поступать как угодно. Что „в этой стране“ все решает элита, а о простом люде и думать не надо. Любую чушь, любую наглость, любую ложь он, этот народ, примет из рук начальства как манну небесную» [6].

Дедков в начале 90-х сокрушался о девальвации слов, в том числе важнейших понятий, веками служивших людям ориентирами на жизненном пути. «Наше общее несчастье, что мы вываляны в словах, как в перьях. Они перестают что-то значить». Не миновала этой беды и сама «свобода», которая сгодилась лишь «на оправдание блуда, наглости, насилия, хамства, цинизма, агрессивной безответственности» [1, с. 591]. Ходорковский и здесь вторит без обиняков: «„Свобода слова“, „свобода мысли“, „свобода совести“ стремительно превращаются в словосочетания-паразиты. Не только народ, но и большинство тех, кого принято считать элитой, устало отмахиваются от них: дескать, все ясно, очередной конфликт олигархов с президентом, чума на оба ваши дома…» [6].

«Откуда у них это чувство превосходства? – проронит Дедков перед смертью в дневнике про своих прежних единомышленников. – Будто они больше знают, понимают, видят? Трутся в коридорах власти, ждут в передних, ловят слухи, сплетни, жмутся к тем, кто сегодня сильнее и выше» [1, с. 591]. А Ходорковский – со своим, обновленным за прошедшие годы опытом – словно отвечает на эти вопросы: «Их страх перед тысячелетним прошлым, сдобренный укоренившейся в 90-е гг. могучей привычкой к бытовому комфорту. Закрепленная на генетическом уровне сервильность. Готовность забыть про Конституцию ради очередной порции севрюжины с хреном. Таким был русский либерал, таким он и остался» [6].

Либералы, по словам Ходорковского, лгали не только населению своей страны, – они не были честны и последовательны даже по отношению к декларируемым ценностям либерализма: «Например, либералы говорили про свободу слова – но при этом делали все возможное для установления финансового и административного контроля над медиапространством для использования этого магического пространства в собственных целях. Чаще всего подобные действия оправдывались „угрозой коммунизма“, ради нейтрализации которой позволено было все. А о том, что сама „красно-коричневая чума“ сильна постольку, поскольку либеральное руководство забыло про свой народ, про его подлинные проблемы, не говорилось ни слова» [6].

Можно только поблагодарить автора за последнее принципиально важное уточнение, расставляющее приоритеты и последовательность в роковой цепочке глубинной делиберализации (по оценке ряда исследователей – фашизации) России, начавшейся в 90-е и ускоренно продолжающейся в наши дни.

И еще – за полные надежды и веры слова, под которыми, думаю, подписался бы и Дедков: «Да, все так. И тем не менее либерализм в России не может умереть. Потому что жажда свободы останется одним из самых главных инстинктов человека – хоть русского, хоть ки-

тайского, хоть лапландского. Да, это сладкое слово „свобода“ многозначно. Но дух, который в нем присутствует, неистребим, неискореним. Дух титана Прометея, подарившего огонь людям. Дух Иисуса Христа, говорившего, как право имеющий, а не как книжники и фарисеи» [6].

Жизнь народа, взыскующего свободы, всегда уравновешена, по Дедкову, нравственным чувством. И в этом отношении народ настолько же «либерален», насколько «консервативен». Человеческие убеждения, считал Дедков, меняются нелегко, их нельзя разом сформировать каким-нибудь новым указанием сверху. Он оговаривался, что не имеет в виду циничное приспособление к очередным идеологическим требованиям, но и в этом случае – не может быть никакой уверенности, «повернется ли вслед за туловищем и щелкнувшими каблуками с той же покорностью духовное существо человека» [2, с. 49]. Оторванным от реальности радикальным реформаторам хотелось бы думать, «что все вокруг, вблизи и вдали, жители бесчисленных городов, городков и деревень России, всяких там Буев да Кадуев, Торжков да Козельсков, тоже живут и чувствуют как бы сначала и заново, словно вчера родившись, являя собой нечто вожделенное для смелого социального экспериментатора: свободное поприще и пространство, белейший холст, чистое поле, прикнопленный лист ватмана. Вот и наноси свой чертеж, да потверже, пожирнее, неизгладимее – прямо по живому, вздрагивающему, чтобы до печенок доставало…» [2, с. 47]. Однако при такой деспотической ломке привычного народного уклада (независимо от того, насколько привлекательно именуется и выглядит навязываемый проект) сопротивление неизбежно. Иногда оно носит иррациональные, изумляющие экспериментаторов формы. Дедков не раз поминал в дневнике печально знаменитую выходку одного из тогдашних «властителей дум», когда в 1993 году, после расстрела Белого дома и разгона советских органов власти, люди отвернулись от окружения «либерального» Ельцина и предпочли протестное голосование за партию Жириновского: «Юра Карякин, возгласивший: „Россия, ты сдурела!“, давний мой знакомец (или приятель), что ты знаешь о России, когда ты в последний раз ее видел?» [1, с. 591]. Причины оппозиционных настроений реформаторы (неважно, лицемерные или искренне заблуждающиеся) искали в дремучей отсталости людей, их личном неблагополучии или враждебном влиянии. Им даже не приходило в голову, что на самом деле протест вырастал «из попранного чувства справедливости и правды» [2, с. 49].

По статьям, эссе, заметкам Дедкова можно восстановить черты, характеризующие, на его взгляд, народное представление о свободе. Оно неотделимо от «справедливости и равных человеческих возможностей» [1, с. 221]. В перестроечном леволиберальном дискурсе второй

половины 80-х годов «свобода» и «справедливость» шли рука об руку, никто и не пытался их противопоставлять. Как не думали (точнее будет сказать: не осмеливались) открыто отвергать социалистический путь развития. «Мы несколько лет выслушивали и сами произносили прекрасные слова о свободе и справедливости, наивно предполагая, что смысл их одинаков для большинства произносящих и внимающих, – писал Дедков в 1992 году. – Но смысл вкладывался разный» [2, с. 69]. Впрочем, едва ли это стало для него неожиданностью: сам он еще за пять лет до этого пророчески предсказал, что наступает «время решающее: или социализм будет возрожден в нашей стране, или – похоронен на долгие десятилетия или навсегда» [1, с. 497].

Идеологическому мифу советской поры, замечал Дедков, противостояла жизнь. «Не та, что в газетах, по радио, на экранах, в речах начальства, в романах, а другая, никуда не пропадавшая, оттесненная, отодвинутая, как бы невидимая. Она мешала и раздражала своим несовершенством, разрушала столь совершенный миф». Эра свободы и гласности сняла преграды, не дававшие этой жизни прорваться наружу. Но скоро обнаружилось, что свобода была нужна ее глашатаям для чего-то другого – для целей не высоких, а низких, не общих, а сугубо частных и корыстных. Новый миф не замедлил явиться. И страна оказалась там же, где была.

«Жизнь неугодна, когда она не совпадает с мифами» [1, с. 578].

Близость к провинциальной, «глубинной» России, творческая включенность в историю русской мысли, личный нравственный опыт придавали либерализму Дедкова особенную, «заземленную», «почвенную» окраску. (После начальственных упражнений с «суверенной демократией» не грех поиронизировать и над воображаемым «почвенным либерализмом», но речь в данном случае о другом – о сторонах и оттенках одного и того же движения, исторически приемлемых для страны на определенном этапе ее развития.) Уникальность положения Дедкова еще и в том, что он занимал при этом отчетливые социал-демократические позиции, являясь, наверное, единственным в России приверженцем либеральных ценностей одновременно на левом и на «почвенном» флангах. Это воспринималось недалекими недоброжелателями как «сидение между двух стульев», что не раз принуждало мыслителя к твердым отповедям: «Не с теми я и не с другими: ни с «демократами» властвующими, ни с патриотами антисемитствующими, ни с коммунистами, зовущими за черту 85-го года, ни с теми, кто предал рядовых членов этой несчастной, обманутой, запутавшейся партии… Где-то же есть еще путь, да не один» [1, с. 549]. Между тем именно это универсальное качество дедковского мировосприятия открывает перспективы для снятия острых социальных и политических противоречий, прекращения для-

щейся у нас уже три десятка лет холодной гражданской войны, подлинной либерализации страны.

Споры о минувших реформах, о судьбе либерализма, о будущем России не утихают и будут, видимо, только нарастать. Тем ценней и поучительней свидетельства о превращениях либеральных идей и начинаний 80-х – 90-х годов прошлого века, представленные в работах Дедкова той поры, – в динамике, с ясным обозначением поворотных точек и опрометчивых шагов, в драматичном столкновении стойкости и приспособленчества, человеческой порядочности и предательства тех или иных участников событий.

Как, по Дедкову, отношение к сталинскому прошлому, так и отношение к 90-м годам определяет на сегодня наше настоящее и будущее. Ведомая ограниченными и алчными людьми, случайно и неожиданно для самих себя оказавшимися у руля, Россия тогда взяла фальстарт, устремилась в ошибочном, гибельном для себя направлении. Текущая наша действительность вдвойне печальна, но важно понимать, что она – во многом результат былых ошибок. Хотя бы для того, чтобы не повторить те же ошибки, если стране представится новый шанс демократического возрождения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с.
2. Дедков И. А. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. – М. : АИРО - XX, 1995. – 156 с.
3. Дедков И. А. Эта земля и это небо: очерки, заметки, интервью, дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994 годов / сост. Т. Ф. Дедкова ; отв. ред. Н. В. Муренин. – Кострома : Костромаиздат, 2005. – 432 с.
4. Сидоревич А. Письма русского интеллигента // Нёман. – 2000. – № 11. – С. 198–239.
5. Смирнов К. Игорь Дедков: «Кланяюсь Московскому университету» // Новая газета. – 2020. – 13 января. – URL: https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/20/83243-igor-dedkov-klanyayus-moskovskomu-universitetu (дата обращения: 6.06.2021).
6. Ходорковский М. Кризис либерализма в России // Ведомости. 29 марта 2004 г. URL: https://www.bankfax.ru/news/23320 (дата обращения: 6.06.2021).
7. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. – М. : Современник, 1987. – 367 с.

I. A. DEDKOV AND LIBERALISM CRISIS

S. A. Yakovlev

The article analyzes the reasons for the failure of the reforms of the 90s and the crisis of the liberal movement in Russia based on the articles and diary entries of I. A. Dedkov (1934–1994).

Liberals, perestroika, reforms of the 90s, freedom, justice, I. Dedkov, M. Khodorkovsky, deliberalization, the future of Russia.

УДК 140

ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛИ И СРЕДСТВ В ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ И. А. ДЕДКОВА

А. В. Зайцев
aleksandr-kostroma@mail.ru

В статье анализируются взгляды И. А. Дедкова на соотношение цели и средств на пути к высокому общественному идеалу. Проведенное исследование раскрывает гуманистическую онтологию его мировоззрения.

Цель, средства, гуманизм, философия, литература, марксизм, сталинизм, экзистенциализм.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Проблема соотношения цели и средств восходит к деятельности иезуитов, выработавших собственную систему моральных ценностей, названную ими «приспособительной» (accomodativa). Такой подход предоставлял широкие возможности для произвольного истолкования базовых морально-нравственных норм и ценностей христианства. Эта теоретическая интерпретация религиозной морали нужна была иезуитам для того, чтобы, в зависимости от обстоятельств, было возможно и морально приемлемо совершать – во имя «высшей цели» – любые преступление. Именно такая инструментализация морали в дальнейшем получила воплощение в приписываемой иезуитам максиме: «цель оправдывает средства».

Дальнейшее развитие данный принцип получил в творчестве Н. Макиавелли. В разработке теории и практики политической деятельности он стоял на утилитарно-прагматических позициях, обеспечивающих извлечение из политического аморализма (разделения сфер политики и морали) наибольшей выгоды и пользы. Следуя принципу «цель оправдывает средства», Н. Макиавелли решительно отстаивал смелость и решительность, уверенность и гибкость, силу и хитрость в достижении желаемого практического результата.

В русском революционном движении второй половины XIX века последовательным сторонником иезуитского принципа «цель оправдывает средства» был С. Г. Нечаев. Как он писал в своем печально знаменитом «Катехизисе революционера», для настоящего революционера существует только одна цель – «наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя». «Нравственно для него все, что способствует торжеству революции, – утверждает этот апостол революции. – Безнравственно и преступно все, что мешает ему» [16, с. 244].

© Зайцев А. В., 2021

Другой дореволюционный революционный критик и журналист В. А. Зайцев в статье «Новая нравственность» так констатировал появление новой революционной морали: «Как первый проповедник христианской морали, бывшей при нем тоже новой, провозглашал: „Кто не за нас, тот против нас!“ – так и новая нравственность берет за основание правило: „Благо есть то, что служит революции или вредит старому порядку, зло есть то, что вредит революции или служит старому порядку“» [13][1]. Схожие с этими взгляды высказывались П. Н. Ткачевым [18, с. 95–98], М. А. Бакуниным [4, с. 543–545 и след.], а затем эти (а)моральные принципы в борьбе с самодержавием были использованы в практике террористической деятельности наиболее радикальными представителями «Народной воли» [26, с. 43].

Несмотря на то что Ф. М. Достоевский в своем глубоко провиденциальном романе «Бесы», а также в ряде других поздних литературных и публицистических произведениях («Идиот», «Дневник писателя») глубоко осмыслил и осудил подобные методы революционной борьбы, на этом функционирование принципа «цель оправдывает средства» в отечественной истории и культуре завершено не было. Своеобразная рецепция доминирования великой и благородной (по своему замыслу) цели над аморальными и бесчеловечными средствами и методами ее достижения произошла в большевизме. Причем как в дореволюционный, так и в постреволюционный периоды деятельности РСДРП – ВКП(б) – КПСС.

Об интересе к теории и практике революционной деятельности С. Г. Нечаева со стороны В. И. Ленина свидетельствуют воспоминания его соратника В. Д. Бонч-Бруевича. По его словам, В. И. Ленин «придавал большое значение Ткачеву», «которого он предлагал всем и каждому читать, изучать» [1, с. 18]. А над страницами прокламаций и статей Нечаева так он и вовсе подолгу задумывался и заявлял о том, что, якобы, вот «какой ловкий трюк проделали реакционеры с Нечаевым, с легкой рукой Достоевского и его омерзительного, но гениального романа «Бесы», когда даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции обладал такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись» [1, с. 18].

В С. Г. Нечаеве, как утверждал соратник вождя мирового пролетариата, В. И. Ленина, прежде всего, привлекали «талант организатора», умение вести конспиративную работу и облекать свои мысли в «потря-

[1] Впервые опубликовано: «Общее дело» (Женева). 1882. № 47.

сающие формулировки», а также желание полностью уничтожить правящую династию и всякое упоминание о ней во время богослужения в русской православной церкви. «„Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать“, – неоднократно говорил Владимир Ильич» [1, с. 18].

Вряд ли такое внимание к политическому аморализму С. Г. Нечаева со стороны В. И. Ленина можно считать случайным. Нечаевщина более чем очевидно, с нашей точки зрения, отразилась в его знаменитой речи на III съезде комсомола, где В. И. Ленин высказался, чуть ли не дословно, как говорили его предшественники-аморалисты, отрицавшие мораль и нравственность в сфере политики: «Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества... Коммунистическая нравственность… служит этой борьбе… против всякой эксплуатации…» [20, с. 311]. В своей знаменитой речи В. И. Ленин подчеркнул, что для него общечеловеческая нравственность, то есть нравственность как бы «взятая вне человеческого общества, не существует; это обман», а коммунистическая, то есть классовая, «нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» [20, с. 310].

В одном из томов многотомного свода воспоминаний о В. И. Ленине зафиксирована его фраза, сказанная им накануне разгона Учредительного собрания в январе 1918 г.: «Морали в политике нет, а есть только целесообразность» [21, с. 166]. Сущность политической целесообразности состоит в том, что для достижения поставленной цели должны предприниматься любые усилия, способствующие ее реализации. В том числе аморальные с точки зрения общечеловеческой нравственности, но абсолютно допустимые в контексте какой-либо иной, более узкой, системы моральных ценностей. К примеру, с точки зрения революционной морали, классовой, пролетарской или даже криминально-уголовной «нравственности», допускающей (санкционирующей) применение любых средств принуждения по отношению к своим оппонентам (врагам, противникам).

Такой подход предельно откровенно раскрыт в статье Л. Д. Троцкого «Их мораль и наша» [25, с. 216–217 и след.]. Данная работа, призванная доказать отход И. В. Сталина от марксистско-ленинской концепции морали и нравственности, в действительности стала одной из важнейших в контексте дискуссий о соотношении цели и средств в политике, подтвердив доктринальную приверженность и И. В. Сталина, и Л. Д. Троцкого традиционному классовому истолкованию морально-нравственных ценностей. Как совершенно справедливо пишет А. А. Гу-

сейнов, Л. Д. Троцкий в этом вопросе исходит из базового для марксизма-ленинизма тезиса о том, что нельзя применять одинаковые моральные категории к действиям революционеров и реакционеров, то есть «к „нам“ и к „ним“. Ведь „нам“, в отличие от „них“, дозволено делать то, что категорически запрещено „им“, „мы“ убиваем – хорошо, „они“ убивают – плохо» [2, с. 265]. В результате граница, отделяющая добро от зла, совпадает с линиями, разделяющими социум на противоборствующие классы. Этика сливается с политикой. Морально (как и политически) оправданными признаются любые средства, используемые для ускорения общественного прогресса и торжества коммунизма. Огромные человеческие жертвы, понесенные в процессе достижения этого идеала, признаются не только исторически неизбежными, но и морально оправданными движением к великой цели.

Так, например, с точки зрения захвата заложников или совершения террористического акта, морально-нравственная оценка этих действий, с точки зрения коммунистической морали и нравственности, возможна лишь на основе классового критерия. Если это совершают сторонники исторического прогресса и торжества коммунизма – то это благо, если противники прогресса и коммунизма – это зло. Если убивают, расстреливают, терроризируют, репрессируют, ссылают, осуждают, без реальной вины, на многолетние сроки лишения свободы или высылают из страны представителей состоятельных слоев общества: правящей верхушки, буржуазии, землевладельцев, интеллигенции, – это справедливо и морально оправданно. Если жертвами политического режима становятся неимущие слои общества: рабочие, сельские пролетарии, бедняки, революционеры – это преступление против человечности. Первое, по логике В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого и их единомышленников, способствует торжеству коммунизма как высшей цели общественного прогресса. Второе – тормозит, мешает, противоречит поступательному движению к научно обоснованному классиками марксизма-ленинизма идеалу.

С такой позицией категорически не был согласен журналист, публицист, литературный и театральный критик Игорь Александрович Дедков (1934–1994 гг.).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Еще во время учебы на факультете журналистики Московского государственного университета им. М. Ломоносова И. А. Дедков живо интересовался современными политическими процессами и философскими проблемами, вопросами марксизма и теории построения социализма и коммунизма, читал доступные ему научные источники, книги, журналы и статьи. Разоблачение преступлений сталинизма в докладе

Н. С. Хрущева на XX съезде партии он глубоко воспринял как личную трагедию и, являясь по своей мировоззренческой ориентации представителем советско-российского гуманизма, всегда отстаивал приоритет выбора средств на пути построения общества социальной справедливости.

Идеи гуманизма проникали в мировоззрение И. А. Дедкова вместе с экзистенциальными идеями русской классической литературы, отечественной философии и западноевропейского экзистенциализма, все более и более вытесняя прежние сталинистские представления о «казарменном коммунизме» как главной цели общественного прогресса и, якобы, оправданности и закономерности огромных человеческих жертв на пути его достижения.

Этот важнейший для мировоззрения и личной моральной философии И. А. Дедкова гуманистический тренд проявился еще на студенческой скамье и продолжал функционирование на протяжении всей его жизни и творчества, проявляясь в литературно-критических статьях, мемуарах, дневниках, письмах, личных беседах с окружающими людьми в повседневной жизни. Так, едва закончив обучение на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 24-летний молодой человек в одной из своих дневниковых записей (лето 1957 г.) вполне четко формулирует свое личное истолкование диалектики цели и средств ее достижения [11, с. 12].

При этом И. А. Дедков отталкивается от литературного образа бескомпромиссного, прямолинейного и мужественного борца с бандитизмом В. Малыгина из повести П. Ф. Нилина «Жестокость», который готов, не задумываясь, «жертвовать человеком ради организации» [3, с. 21]. Для него такая позиция глубоко неприемлема. Но это всего лишь литературный персонаж. В реальной жизни и сам И. А. Дедков попал в схожую ситуацию, когда его, после весенних студенческих волнений 1957 года на факультете журналистики, которыми он по сути дела руководил, вызвали для «проработки» на заседание комитета ВЛКСМ МГУ и где, по словам самого И. А. Дедкова, замсекретаря комитета комсомола Г. Попандопуло поставил его по сути дела в аналогичную ситуацию: «пожертвовать» собой ради комсомольской организации курса, которую И. А. Дедков в то время возглавлял.

«Несколько лет назад, – пишет в Дневнике Игорь Александрович, – я был близок к таким идеям». Однако такой антигуманный подход к человеку для него впоследствии стал неприемлем. Поэтому, ссылаясь на Д. Неру (пока еще не на Э. Бернштейна!), он задумывается и размышляет о выборе адекватных «средств, ведущих к миру справедливости». По его мнению, вполне возможно «соглашаться в цели и не соглашаться в методах ее достижения» [3, с. 21]. Ведь если быть нераз-

борчивым в выборе средств, то вместо общества «социальной солидарности» «можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный» [3, с. 21]. В подобном государстве «не будет уважения к рядовым людям» и «они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в воздухе» [3, с. 21]. Так, на основе литературных источников и своего личного опыта И. А. Дедков самостоятельно концептуализирует сложнейшую теоретическую проблему морально-нравственной философии и экзистенциального выбора.

И если на раннем этапе жизни и деятельности И. А. Дедков еще не пользуется бернштейновской формулировкой о соотношении цели и средств, то в дальнейшем он ее начинает употреблять осознанно, солидаризируясь не с К. Марксом, а его идеологическим противником. «Стократ руганная формула «Движение – все, конечная цель – ничто», наверное, справедлива», – откровенно заявляет он в одном из интервью и конкретизирует свою позицию следующими аргументами: «Зачем нам сейчас расчерчивать свое будущее, конструировать и регламентировать то, что впереди? Будущее вырастает из настоящего, поэтому заняться бы всем устройством настоящего» [19, с. 116].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Рецепция экзистенциально-гуманистических идей и представлений очень четко прослеживается в его литературно-критическом анализе текстов современных ему дореволюционных и советских авторов. К примеру, это хорошо видно на основе использования И. А. Дедковым знаменитого пассажа из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» о «слезинке ребенка». А точнее, об утверждении мысли о том, что когда идея «высшей гармонии» превращается в «ад», то «не стоит она слезинки... замученного ребенка» [10, с. 223]. Так, к примеру, «о слезинке ребенка», с прямой ссылкой на Ивана Карамазова, И. А. Дедков упоминает в дневниковой записи от 23 июля 1968 года (во время ввода советских войск на территорию Чехословакии), где им приводится цитата из В. Белинского по книге «Толстой и Ницше» русского предтечи западного экзистенциализма Л. Шестова [3, с. 108]. «Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови» [3, с. 107]. В связи с этим стоит обратить внимание на следующее утверждение одного из российских исследователей отечественной версии западного экзистенциализма. «Источниками русского литературного экзистенциализма послужили в первую очередь Достоевский и Толстой (в особенности в истолковании Льва Шестова), а также непосредственно сама философия Шестова, Ницше, в определенной степени В. В. Розанов и, с определен-

ными оговорками, Н. А. Бердяев» [17, с. 131]. С трудами всех этих авторов был очень хорошо знаком И. А. Дедков.

Подразумевая бесценность и уникальности жизни жертв сталинского режима, загубленных во имя великой цели построения социализма и коммунизма, И. А. Дедков так писал в «Дневнике» с позиций своего личного выстраданного экзистенциализма: «Как нам представить себе и понять отчаяние и муку тех, кто не дожил, кто так навсегда и остался в тех великих временах со своей единственной, бесцеремонно оборванной жизнью. И еще – …те неискупимые слезы, которые никогда не будут забыты… Достоевский знал, что те слезинки не искупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все претензии, все возвышение человеческое, все самовосхваление власти и преобразователей русской жизни – ничего не значат» [3, с. 227]. Такая гуманистическая интенция – как творческий метод познания и осмысления исторического прошлого и настоящего – проявлялась не только в интимных дневниковых записях, но и в исследованиях и литературно-критических статьях И. А. Дедкова. Кстати, схожую мировоззренческую позицию в вопросе о диалектике средств и цели занимал Ж.-П. Сартр, осуждавший аморализм в политике Л. Д. Троцкого [22, с. 540 и след.].

В предисловии к книге В. О. Богомолова «Эта незабытая далекая война» И. А. Дедков в очередной раз использует полюбившееся ему словосочетание из романа Ф. М. Достоевского о «слезинке ребенка» (то есть о страдании невинного человека, особенно ребенка, ради достижения каких-либо «высоких» трансцендентальных целей) в анализе повести этого автора под названием «Иван». Иван Буслов – это двенадцатилетний мальчик, которому на войне приходится рисковать своей жизнью наравне со взрослыми офицерами и солдатами. «Повесть построена так, – пишет литературный критик, – что мы видим Ивана глазами молодого старшего лейтенанта Гальцева. Это добрые и внимательные глаза. Им хорошо открыто главное: трагическая судьба детской жизни в дни войны. Когда-то Ф. М. Достоевский писал о неискупимых слезинках ребенка. В истории Ивана Буслова нет слез, но страдания его тоже из неискупимых» [4].

В другой работе, посвященной исследованию военной прозы все того же В. О. Богомолова, И. А. Дедков вновь использует базовый для его мировоззренческой позиции концепт о «неискупимой слезинке ребенка». По мнению литературного критика, этот писатель, как он пишет в статье «Момент истины (Владимир Богомолов)», «кажется, постоянно помнит о ничем не искупаемой слезинке ребенка» [20, с. 222]. И далее: «Именно дети посреди войны, ставшей для миллионов работой, бытом, самой жизнью (другой может и не быть), вдруг напоминают

о масштабах развернувшейся, разведшейся трагедии, об истинных, но попранных ценностях человеческого существования» [5, с. 222].

В романе «В августе сорок четвертого» уже на первых страницах В. О. Богомолов выводит образ «мальчонки примерно двух с половиной лет, беловолосого, с стирано-перестираной рубашонке», из которой «выглядывала необычайно маленькая багровая культя». И отнюдь не сентиментальный, видавший виды разведчик Алехин, насмотревшийся на войне на многие ее ужасы, буквально обомлел «при виде этого крошечного калеки, с такой подкупающей улыбкой смотревшего ему в глаза» [5, с. 221]. «Мысль об этом конкретном физически изуродованном войной мальчишке, а также обо всех других страдающих, ни в чем не повинных детях, попавших в непонятную и странную „передрягу“, живет в героях В. Богомолова неотступно, – пишет И. А. Дедков. – Их работа, их профессионализм оказываются, прежде всего, средством для возмездия и возвращения всем нормальной естественной жизни» [5, с. 223].

И. А. Дедков, можно сказать, буквально насквозь пропитан гуманистическими идеями Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и других русских дореволюционных писателей и философов предэкзистенциальной направленности. «Правители, которых можно желать, – пишет в своем „Дневнике“ И. А. Дедков, – должны были бы согласовывать свои нравственные, этические принципы (рекомендуемые народу) с принципами и идеалами русской классической литературы, потому что в ней, более чем в чем-то ином, выразилась национальная философия, национальный идеал или, лучше сказать, истина русской жизни. Иначе образуется (образовался) разрыв между тем и другим, и первое не выдерживает сопоставления… Избежать его можно, лишь запретив русскую классическую литературу, что невозможно» [3, с. 121].

Гуманизм И. А. Дедкова связан не только с ценностями русской классической литературы и русской философии, но и с философическими традициями, идущими от антропоцентризма софистов («человек есть мера всех вещей»), от гуманизма И. Канта («человек (личность) – цель сама по себе»), а также от философов-экзистенциалистов («экзистенциализм – это гуманизм»). Это вполне определенно вытекает хотя бы из следующей аксиологически заряженной фразы, вкрапленной И. А. Дедковым в строки его литературной статьи «О живой невыдуманной России»: «Истинное значение всего, что слывет ценным, единственно необходимым, „универсальным“, проверяется через человека: от человека ведется всему счет… Человеком, его сбывшимися и несбывшимися возможностями, его судьбой все измеряется…» [6, с. 24].

В литературном творчестве Ю. В. Трифонова критика более всего привлекала его историческая повесть «Нетерпение», посвященная пла-

менному революционеру-народовольцу А. И. Желябову, который как бы сознательно подгоняет плавный и неспешный ход истории, ускоряя ее и направляя, в меру своих сил и возможностей, к заветной цели: построению свободного гуманного общества без эксплуатации и угнетения. Для этого он не гнушается никакими средствами, в том числе политическими убийствами.

В статье под названием «Вечерний раскоп, или В поисках утраченного» И. А. Дедков латентно проводит едва уловимые параллели с печально завершившимся сталинским экспериментом форсированного скачка в светлое коммунистическое будущее, с одной стороны, и «нетерпением» народовольцев, с другой, с их террористическими актами, максимализмом и «подстегиванием истории» в надежде, что достижение великой цели оправдает человеческие жертвы, понесенные для ее торжества [7].

Данная статья в авторской редакции была опубликована в 1988 году в сборнике статей «Обновленное зрение: из шестидесятых в восьмидесятые» И. А. Дедкова, куда вошли ранее, по тем или причинам, либо вовсе не публиковавшиеся его статьи, либо увидевшие свет, но со значительными сокращениями и изменениями. Хотя эта работа была написана еще в 1979 году, а затем направлена в журнал «Вопросы литературы». Судьбу статьи И. А. Дедков обсуждал по телефону сначала с заместителем главного редактора Л. И. Лазаревым, а затем и лично и с главным редактором, и с его заместителем [12, с. 243, 246]. Однако эта публикация в данном издании так и не вышла в свет. В связи с этим 6 октября 1979 г. Игорь Александрович с горечью записал в «Дневнике»: «Девятая книжка «Вопросов литературы» оказалась без моей статьи о Ю. Трифонове» [3, с. 264]. И далее: «Очень жаль мне этой статьи. Когда писал ее, отодвинул все прочее… было интересно и кое-что удалось сказать, сказать по-своему и вообще сказать…» [3, с. 264]. Еще ранее ее автор признался себе самому: он всерьез опасался за судьбу этой статьи, потому что она у него получилась «открытей обычного, т. е. незащищена» [3, с. 242].

Дело в том, что И. А. Дедков, привыкший проводить свои альтернативные убеждения и политические взгляды в косвенной, иносказательной форме, чуть ли не с помощью «эзопова языка», был настроен реалистично и вполне ожидал такого исхода из-за опасений, что внутренняя редакционная цензура может заметить едва скрытые им параллели между «нетерпением» народовольцев и нетерпеливостью «подстегивателей» форсированного строительства коммунизма в одной отдельно взятой стране. Так и вышло: «Настроение мое, – признается критик, – ход мыслей литературные стражники все-таки уловили» [3, с. 264].

В конце 1982 года И. А. Дедков попытался опубликовать свою «старую работу о Трифонове» в журнале «Октябрь». Однако и этой публикации не было суждено состояться [3, с. 357, 702]. И лишь в 1985 году статья в несколько иной редакции и в сокращенном варианте была напечатана в журнале «Новый мир» под названием «Вертикали» Юрия Трифонова» [8]. В связи с этой публикацией в «Дневнике» И. А. Дедкова 28 апреля 1985 года говорится о сделанном им сокращении «статьи о Трифонове для «Нового мира», выполненном по рекомендации издания. При этом все данные ему в редакции журнала «пожелания» по корректировке текста «носили исключительно идеологический характер» [3, с. 449].

Спустя год, в несколько расширенном варианте, все эта же работа вошла в состав дедковского сборника литературно-критических статей «Живое лицо времени: очерки прозы шестидесятых-семидесятых» [9]. И уже потом, еще спустя два года, – в самый разгар перестройки – она вышла в окончательном (а может быть, изначальном) неподцензурном варианте в уже упомянутой нами книге «Из шестидесятых в восьмидесятые» под другим, уже упоминавшимся нами названием: «Вечерний раскоп, или В поисках утраченного» (правда, почему-то в конце текста дату ее написания автор почему-то обозначил 1984-м, а не 1979 годом) [7]. «Раскоп», по мысли автора, это углубление, попытка проникнуть в суть, понять то, что не видно или незаметно на поверхности, то, что скрыто в то время даже от очень внимательного и образованного читателя идеологическими наслоениями, штампами и клише советской пропаганды.

Несомненно, что этой статье, в целом посвященной обзору творчества Ю. В. Трифонова, образу пламенного борца с самодержавием – А. И. Желябову, – И. А. Дедков отводил особо важную роль в контексте своей литературно-критической деятельности. По мнению литературного критика, автор историко-документальной повести «Нетерпение» был глубоко убежден, что его герои исходят в своих практических действиях из собственной аксиомы о том, что «человек рожден участвовать в истории, в определении настоящего и будущего своей страны, рожден сознательным „делателем“ истории, а не ее послушным податливым материалом» [7, с. 126]. Однако «историческая необходимость вызревает и реализуется медленно» [7, с. 126]. А на практические попытки со стороны народовольцев (а если шире – как это и хотел, но в то время не мог сказать И. А. Дедков, – всех революционеров вообще, включая соратников В. И. Ленина) ускорить ход истории – «затрачивается уйма сил, талантов, жизней». То есть достижение желаемой для ускорителей истории цели обходится обществу слишком дорогой ценой.

Такой подход к обращению с историей и человеческими судьбами не совместим с гуманистической природой мировоззрения И. А. Дедкова. В своем творчестве и жизненной позиции литературный критик достаточно четко разводил народовольцев, жертвовавших собой, и тех, кто, как И. В. Сталин и его окружение, жертвовали другими, то есть людьми, превращая их в подсобное средство для избранной ими великой цели. «Жертвовать можно собой, – писал в марте 1979 г. при работе над рукописью вышеуказанной статьи И. А. Дедков, – но не другими. Начни жертвовать другими – во имя революции, справедливости, искусства, осуществления таланта, – кончится это чем-нибудь отвратительным» [3. с. 242].

В одном из своих последних интервью (1990 г.) И. А. Дедков выразил эту же мысль еще более ясно, предельно четко и открыто: «Герои Трифонова, „первомартовцы“, отличались от так называемых „революционеров“ послереволюционного времени тем, что жертвовали прежде всего собой, а те – великим множеством других» [19, с. 113]. В это время ему уже можно было не опасаться вмешательства со стороны внешней цензуры или «литературных стражников» внутри самих средств массовой информации. И, не скрываясь за полунамеками и недоговоренностями, выражать свою личную мировоззренческую позицию и гуманистические идеалы вполне свободно, открыто и честно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оставаясь глубоким гуманистом, И. А. Дедков то и дело в своих мыслях возвращается к неискупимым жертвам революции и сталинского террора, к «бесцеремонно» (выражение И. А. Дедкова) загубленным ради так и не достигнутой великой цели: «Как представить себе судьбы семей, жен, матерей, братьев и сестер, но более всего – детей! – вот где знание, – пишет Игорь Александрович в далеком 1978 году в своем «Дневнике», – вот где самое страшное, вот где те неискупимые слезы, которые никогда не будут забыты… Достоевский знал, что те слезинки неискупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все надутые претензии, все возвышение человеческое, все самовосхваление власти и преобразователей русской жизни – ничего не значат» [3, с. 227].

Философско-этическая сторона мировоззрения И. А. Дедкова [12, с. 19–21] почти целиком совпадает с нравственно-мировоззренческой программой Ф. М. Достоевского, провозгласившего самоценность человеческого существования и недопустимость использования личности как средства достижения самого гармоничного и совершенного в своем идеале общества [14, 15]. В свою очередь, Ю. В. Трифонов, создавая повесть «Нетерпение», в литературно-художественной форме продемонстрировал, как «историческое нетерпение», сопряженное со стрем-

лением во что бы то ни стало осчастливить народ, «ведет к одному из вариантов воплощения идеи великого инквизитора, в основе которой лежит непримиримое противоречие между гуманной целью и антигуманными средствами ее достижения» [24, с. 319]. И. А. Дедков в контексте анализа творчества Ю. В. Трифонова продемонстрировал (в неявной, скрытой, подцензурной форме) родственность методологии действия героев и антигероев этого писателя с теорией и практикой большевизма, не гнушавшегося иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Что было органически неприемлемо для гуманистического миропонимания И. А. Дедкова.

Таким образом, гуманистический подход к диалектике цели и средств общественного развития выступает как главная доминанта мировоззрения И. А. Дедкова. Такая жизненная позиция составляет неизменную константу его миросозерцания. И когда на смену одним идеологемам или социально-философским представлениям приходили другие, гуманизм не вытеснялся из лона мироощущений критика, а оставался и сохранялся в его первозданном виде. Так было в мировоззрении и «раннего», и «зрелого», и даже «позднего» И. А. Дедкова, пережившего незадолго до своей смерти в 1994 году очередной крах надежд, а, по сути дела, иллюзий, на возможность развития реального хода истории в ее гуманистическом векторе и антропоцентрическом измерении.

И. А. Дедков с энтузиазмом встретил горбачевскую перестройку и, отработав более тридцати лет в костромской провинции, в 1987 г. переехал в Москву. Здесь он сначала занял должность политического обозревателя журнала «Коммунист» (впоследствии переименованного в «Свободную мысль»), а затем стал заместителем плавного редактора этого издания. Однако события августа 1991 г., а затем осени 1993 г., с последующим запретом КПСС и радикальными экономическими реформами, вызвали у него все более усиливавшееся неприятие. На практике оказалось, как впоследствии констатировал сам И. А. Дедков, что долгожданная «свобода более всего оказалась нужна для «целей» не высоких, а низких» [3, с. 578]. Эта долгожданная свобода, которую так искренне продвигал в своей творческой деятельности И. А. Дедков, по его же собственному признанию, «оказалась двуликим Янусом: она повернулась блудливой мордой к большинству народа» [3, с. 591].

«Теперь же мы оказались там же, где и были, – замечает осенью 1993 г. Игорь Александрович. – То есть вроде бы совсем не там, не в царстве коммунистического рабства, а в стране буржуазной свободы, но, в сущности, там же» [3, с. 578]. Впрочем, данное обстоятельство ничуть не девальвирует в мировоззрении критика самоценности человеческой личности, гуманизма, справедливости, не сведения сущности чело-

века к простому средству для достижения великих исторических свершений и идеалов. Гуманистическая диалектика И. А. Дедкова проистекает из самоочевидного для него тезиса о том, что благая цель может быть достигнута только благими методами. Использование аморальных средств даже самую высокую и заманчивую цель неизбежно трансформирует в ее полную – отнюдь не диалектическую – противоположность. Это теоретическое положение, подтвержденное исторической практикой, было для И. А. Дедкова абсолютной истиной, мучительно выстраданной и осмысленной в процессе его личной жизни и творческой деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бонч-Бруевич В. Ленин о художественной литературе // 30 дней. – 1934. – №1. – С. 15–19.
2. Гусейнов А. А. Этика Троцкого // Этическая мысль : научно-публицист. чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. – М. : Республика, 1992. – С. 264–285.
3. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994 / сост, послесл., прим. и указатель имен Т. Ф. Дедкова ; предисл. А. Турков ; прилож. Л. Аннинский, О. Лацис, С. Лесневский. – М. : Прогресс-Плеяда. 2005. – 792 с.
4. Дедков И. Эта незабытая далекая война (Предисловие) // В. О. Богомолов. Иван, Зося. Повести. – М. : Детская литература. 2001. – С. 5–8. – То же: URL: https:// myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html (дата обращения: 30. 01.2021.)
5. Дедков И. А. «Момент истины» (Владимир Богомолов) // И. А. Дедков. Возвращение к себе. Литературно-критические статьи. – М. : Современник, 1978. – С. 210–225.
6. Дедков И. А. О живой, невыдуманной России… // И. А. Дедков. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых – восьмидесятых. – М. : Сов. писатель. 1986. – С. 6–46.
7. Дедков И. А. Вечерний раскоп, или В поисках утраченного // И. А. Дедков. Обновленное зрение: из шестидесятых в восьмидесятые. – М. : Искусство, 1988. – С. 119–160.
8. Дедков И. А. «Вертикали» Юрия Трифонова // Новый мир. – 1985. – № 8. – С. 220–235.
9. Дедков И. А. «Вертикали» Юрия Трифонова // Живое лицо времени: Очерки прозы шестидесятых – семидесятых. – М. : Советский писатель. – 1986. – С. 47–93.
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. XIV. – Л. : Наука, 1976. – 624 с.
11. Зайцев А. В. И. А. Дедков: сентябрь пятьдесят седьмого // Кострома. Genius Loci : альманах / [сост. и отв. редактор А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – Вып. 3. – С. 11–15.
12. Зайцев А. В. К вопросу об источниках гуманистического мировоззрения Игоря Дедкова // Кострома. Genius Loci : альманах / [сост. и отв. редактор А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – Вып. 3. – С. 16–31.
13. Зайцев В. А. Новая нравственность. – URL: http://az.lib.ru/z/zajcew_w_a/text_1882_novaya_nravstvennost.shtml (дата обращения: 20.02.2021).

14. Зябликов А. В. Российская художественная интеллигенция в поисках политической идентичности. 1889–1909. Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2015. – 188 с.
15. Политическое мировосприятие художника (В. В. Розанов, А. П. Чехов, П. А. Флоренский). – Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2005. – 131 с.
16. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. – М. : Археографический центр, 1997. – С. 244–248.
17. Кибальник С. А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. – 2005. – № 19. – С. 131–139.
18. Козьми Б. П. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. – М. : Новый мир, 1922. – 208 с.
19. «Куплен» в 1956-м (Критик Игорь Дедков беседует с корреспондентом «Литературной газеты» Брониславой Тарощиной // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. – С. 116–118.
20. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи : речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи // Ленин В. И. Полное собр. соч. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 41. – С. 298–318.
21. Мстиславский Д. С. Записи о Ленине // Воспоминания о В. И. Ленине : в 10 т. – Т. 5. – М. : Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; Политиздат, 1990. – С. 161–168.
22. Сартр Ж-П. Проблема цели и средства в политике (Из «Тетрадей по морали») // Этическая мысль: Научн.-публицист. чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. – М. : Республика, 1992. – С. 251–263.
23. Страда В. Терроризм и гуманизм в русском революционном движении // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. –М. : Археографический центр, 1997. – С. 517–560.
24. Сухих О. С. От великого инквизитора к «народной воле» (переосмысление философской проблематики произведений Ф. М. Достоевского в романе Ю. В. Трифонова «Нетерпение») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 3(1). – С. 314–320.
25. Троцкий Л. Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова // Этическая мысль: Научно-публицист. чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. – М. : Республика, 1992. – С. 212–263.
26. Шашкова А. Ю. Революция и террор: к вопросу об отношении революционных народников 60–70-х гг. XIX в. к террору как методу деятельности революционной партии // Известия Алтайского государственного университета. – 1998. – № 3(7). – С. 38–43.

DIALECTICS OF PURPOSE AND MEANS IN LIFE, CREATIVITY AND WORLD VIEW I. A. DEDKOVA

A. V. Zaitsev

The article analyzes the views of I.A. Dedkov on the ratio of ends and means on the way to a high social ideal. The conducted research reveals the humanistic ontology of his worldview.

End, means, humanism, philosophy, literature, Marxism, Stalinism, existentialism.

УДК 82-6

ПЕРЕПИСКА ИГОРЯ ДЕДКОВА И СТАНИСЛАВА ЛЕСНЕВСКОГО: К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОДНОГО ПИСЬМА

И. В. Аведова
aja2003@yandex.ru

В статье решается задача определения даты одного из писем И. А. Дедкова к С. С. Лесневскому; рассматривается, как отражен в этом эпистолярном документе социальный фон, современный участникам переписки.

И. А. Дедков, С. С. Лесневский, переписка, литературная жизнь СССР второй половины XX века, датировка эпистолярных документов.

Материалом для написания статьи стали письма Игоря Дедкова к его лучшему другу-литературоведу, исследователю биографии и творчества А. Блока, инициатору восстановления блоковского Шахматова Станиславу Лесневскому (1930–2014). Письма И. Дедкова, как и весь архив С. Лесневского, хранятся в Культурном центре «Дом Станислава Лесневского» в деревне Тараканово Московской области, где находится одна из усадеб Государственного мемориального музея-заповедника Д. И. Менделеева и А. А. Блока[1].

В архиве С. Лесневского хранится около 80 писем и открыток от И. Дедкова. Из них самое раннее по времени написано, судя по контексту, не позднее 29 ноября 1962 г. Последняя по времени корреспонденция И. Дедкова, сохранившаяся в архиве С. Лесневского, – это поздравительная открытка с Новым годом, отправленная в декабре 1987 г. из Костромы, куда Дедков уезжал на несколько дней (в это время критик уже работал в редакции журнала «Коммунист», в Москве).

Объект нашего исследования – письмо И. Дедкова к С. Лесневскому, которое не было датировано и сохранилось в архиве Лесневского без конверта, то есть установить дату по почтовому штампу невозможно.

Определить год, когда письмо было написано, и конкретизировать дату в пределах одного месяца удалось, поскольку в письме Дедковым упоминаются (в зашифрованной, иносказательной форме) три значимых литературных события.

Упоминание Дедковым двух из этих событий – его отклики на публикации в литературно-художественном журнале «Байкал» (Улан-Удэ, Бурятия). Дедков пишет: «…центр русской общ.[ественной] мысли переместился в Улан-Удэ, где на русском и бурятском пишет известный всем автор, чей я давний поклонник. Читал ли ты „Байкал“? Мы раздо-

© Аведова И. В., 2021

были два номера, более – пока нет. Автора надо бы отправить в места, из коих он по недоразумению и преступлению вышел. Не решит ли так ученый совет при хане Батые?»[2].

Вот упоминание второго «литературного факта»: «…герои Стругацких в том же бурятском органе – очень неплохие братья, судя по сочинению»[3].

Из контекста ясно, что речь идет о двух публикациях в журнале «Байкал», которые произвели на Дедкова большое впечатление; пишет он об этих публикациях иносказательно, можно сказать, «зашифрованно», в первом случае не называя даже имени автора. Упоминание некой публикации братьев Стругацких в журнале «Байкал» («в том же бурятском органе») позволяет утверждать, что речь идет об известном литературном событии 1968 года, ставшем, говоря нынешним языком, «литературным скандалом». В № 1 и 2 журнала за 1968 год была впервые опубликована одна из частей повести братьев А. и Э. Стругацких «Улитка на склоне» [5, с. 35–72, 40–71], а также, со вступительной заметкой К. Чуковского, главы из книги А. Белинкова о Юрии Олеше «Сдача и гибель советского интеллигента» [2, с. 103–109, 100–111]. Именно с публикацией Белинкова, имя которого Дедков даже не называет, связана «иносказательность», зашифрованность его отзыва. Критик, разумеется, понимал, что, благодаря смелости редакции, на исходе «оттепели» в печать прошло произведение, не соответствующее канонам советской литературы.

Детали «скандала» известны, за прошедшие десятилетия об этом событии написано немало: как пишет С. Чупринин, публикацию книги писателя и литературоведа А. Белинкова (1921–1970) в журнале «Байкал» «разгромили» в советской прессе, редакция этого печатного органа была переформирована (6, с. 1091]. В письме к Лесневскому, в зашифрованной реплике («ученый совет при хане Батые» и пр.) Дедков выражает свое отношение к тексту Белинкова и к гражданской позиции этого писателя, используя «чужое слово», – словно бы излагая, не без скрытого сарказма, точку зрения «охранителей», тех, кто воспринимал творчество и убеждения Белинкова как «преступные»: «Автора надо бы отправить в места, из коих он по недоразумению и преступлению вышел». В то время, когда Дедков пишет это письмо, А. Белинков, ранее (в 1944-м) осужденный за «контрреволюционную деятельность» и прошедший лагеря, уже амнистирован (1956) и более десяти лет активно работает как литератор и преподаватель. В подтексте процитированной фразы Дедкова – его восхищение тем, что «крамольная», не соответствующая принятым в советской литературе нормам проза Белинкова все же появилась в печати.

«Не решит ли так ученый совет при хане Батые?» – еще одно иносказание, также ироничное. Можно увидеть перекличку эвфемизма «хан

Батый» с иносказательным образом из стихотворения Б. Окуджавы «Союз друзей» («Поднявший меч на наш союз…»): «Пока безумный наш султан / сулит дорогу нам к острогу/ возьмемся за руки, друзья…» (в смягченном варианте: «…сулит нам дальнюю дорогу»). Стихотворение, созданное в 1967 году, относительно незадолго до того, как было написано письмо Дедкова, было посвящено Окуджавой писателю Ф. Светову, который занимался правозащитной деятельностью. Вот как трактует строки Окуджавы и, в частности, иносказательный образ «безумный наш султан» литературовед В. М. Есипов, рассказывая в предисловии составленной им книги о Б. Балтере о реакции властей на открытые письма в поддержку инакомыслящих в 1960-е гг.: «Была… угроза высылки всех подписантов коллективного письма из Москвы. На эту угрозу, якобы исходившую от самого Брежнева (верховного властителя страны в те годы), откликнулся Булат Окуджава известной песней, получившей впоследствии название «Старинной студенческой» [3, с. 7].

Итак, в рассматриваемом нами письме Дедкова идет речь о № 1 и 2 журнала «Байкал» за 1968 г. В этом году журнал «Байкал» выходил шесть раз. Первый номер был подписан к печати 1 февраля 1968 г., второй – 12 марта 1968 г. Как можно заключить из мемуарного очерка, написанного В. Бараевым (заместителем главного редактора журнала в 1968 г.), первый номер вышел из печати не позднее 13 марта: «13 марта 1968 г. я привез в Москву сто экземпляров „Байкала“ № 1» [1]. Соответственно, № 2 пришел к читателю где-то в начале мая. В своей книге «Оттепель. События: 1953–1968» С. И. Чупринин пишет, что «разгромные» отклики на публикации повести Белинкова в журнале «Байкал» вышли в «Литературной газете» 15 мая и 5 июня [6, с. 1091]. Ни один из этих откликов не упоминается в письме Дедкова. Однако Дедков в своих письмах Лесневскому всегда отзывался на каждую значимую для него публикацию в «Литгазете». Следовательно, можно предположить, что письмо написано не позднее 15 мая.

Предположение подтверждает и то, что, судя по тексту письма, Дедков еще не знает об отъезде А. Белинкова из СССР (а только «пророчит» писателю возвращение в лагеря в своем иносказательном отклике на публикацию в «Байкале»). Как пишет С. Чупринин, когда вышли «разгромные» статьи, А. Белинков уже находился за границей [6, с. 1127].

Уточнить дату письма позволило «зашифрованное» упоминание Дедкова еще об одном событии литературной жизни. «С каким баллом прошел Балтер?»[4], спрашивает Дедков в письме. Упоминание имени писателя Бориса Балтера (1919–1974) в контексте письма 1968 года, написанного, предположительно, не позднее 15 мая, позволяет сделать вывод, что этой иносказательной, рифмованной в стиле поэтов-«шестиде-

сятников» (ассонансная рифма) репликой Дедков отозвался на сообщение Лесневского в предыдущем письме о партсобрании в редакции «Юности», где «разбирали» Балтера.

В 1968 году Б. Балтер подписал коллективное письмо в защиту диссидентов Ю. Галанскова и А. Гинзбурга. Согласно «правилам», принятым в советском государстве, партийная ячейка редакции журнала «Юность», в которой Балтер (как и Лесневский) состоял, должна была рассмотреть этот его «проступок». По итогам голосования на собрании Балтеру был объявлен строгий выговор. Однако 20 июня 1968 года на бюро Фрунзенского райкома писатель все же был исключен из партии [6, с. 1126].

Собрание в «Юности» состоялось 6 мая 1968 г. Эту дату сообщает В. Есипов, который опубликовал протокол собрания [3, с. 262–276]. Таким образом, можно предположить, что рассматриваемое нами письмо Дедкова написано не раньше 6 мая, не позднее 15 мая 1968 г.

Однако в самых первых строках письма И. Дедков рассказывает еще об одном событии литературной жизни, на этот раз «региональном». «Был в Саратове – пыльном, жарком, великом, глухом. Заседала редколлегия, и были писатели всея Волги…»[5]. Согласно данным, полученным нами в информационно-библиографическом отделе Саратовской областной универсальной научной библиотеки, единственным событием в период с мая по июль 1968 г., сходным по описанию с тем, о котором пишет Дедков, было выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР. На этой встрече обсуждалась работа журналов «Волга» (Саратов), «Дон» (Ростов-на-Дону) и «Подъем» (Воронеж). Заседание состоялось 9 июля 1968 г., о чем 10 июля сообщила саратовская областная газета «Коммунист». Между тем Дедков говорит в письме о встрече, на которой были лишь «писатели всея Волги», и речь идет у него о заседании редколлегии «Волги», а не секретариата правления Союза писателей, в котором критик в 1968 г. еще не состоял.

Что касается упоминания Дедковым в письме жары в Саратове, по данным Геоинформационной системы «Метеоизмерения онлайн», в период с 8 по 16 мая 1968 г. максимальная температура воздуха в Саратове достигала 26–29 градусов выше ноля (средние температуры в это время – 19–22 градуса)[6]. И мы все же склонны считать, что рассматриваемое письмо написано в мае, – до «разгромных» публикаций в «Литгазете». К тому же в письме Дедков отзывается на сообщение друга о собрании в «Юности», которое состоялось 6 мая, – вряд ли он стал бы это делать спустя два месяца, да и письмо Лесневского, думается, было написано им сразу после этого драматичного эпизода.

Читая письмо И. Дедкова сегодня, спустя более полувека, мы понимаем, какой напряженный, драматичный социальный фон стоит за

его строками, посвященными текущим литературным событиям. В письме отражено время, которое стремительно движется к дате, когда Игорь Дедков написал в дневнике: «Исторический день. Войска введены в Чехословакию. Нам стыдно, но мы беспомощны. Таких, как мы, никто не спрашивает» [4, с. 109].

Переписка Игоря Дедкова и Станислава Лесневского, ярких участников литературной жизни своего времени, людей с активной гражданской позицией, то есть подлинных интеллигентов, разумеется, не могла не отображать социум, а также взгляды обоих друзей на окружающее – от пустых продуктовых прилавков в Костроме 70-х до важнейших событий литературной и общественной жизни страны и мира. Как и «Дневник» Дедкова, его письма к Лесневскому ценны, в частности, тем, что показывают, как один из лучших литературных критиков своего времени воспринимал происходящее вокруг.

Из переписки друзей мы также узнаем, что они читали, что хотели бы прочесть, но не было возможности; об их отношении к прочитанному. Анализ переписки в части восприятия ее участниками прочитанных книг позволяет отметить черты, общие для личности интеллигента тех лет. На примере рассматриваемого нами письма 1968 г. такой, общей для советской интеллигенции, чертой является особый интерес к литературным событиям, которые не соответствовали «утвержденным» канонам советской литературы.

Переписка Игоря Дедкова и Станислава Лесневского дает большие возможности для исследования восприятия литературного процесса советского времени. Так, одной из тем будущего исследования может стать изучение взгляда И. Дедкова на произведения литераторов-«шестидесятников», опубликованные в советской печати. Письма 1960–70-х гг. содержат по этой теме достаточно материала, анализ которого позволит сделать важные, а в чем-то и неожиданные наблюдения и выводы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здание Культурного центра «Дом Станислава Лесневского» (или Библиотеки Лесневского, как еще называют эту частную библиотеку-музей) было построено (2017) сестрой литературоведа, журналистом и общественным деятелем И. С. Лесневской в память о брате. На землю блоковского Подмосковья, согласно прижизненной воле С. Лесневского, была передана его домашняя библиотека и архив.

[2] Письмо И. Дедкова к С. Лесневскому, без даты // Архив Культурного центра «Дом Станислава Лесневского» в Тараканове.

[3] Письмо И. Дедкова к С. Лесневскому без даты // Там же.

[4] Письмо И. Дедкова к С. Лесневскому, без даты // Там же.

[5] Письмо И. Дедкова к С. Лесневскому, без даты // Там же.

[6] Геоинформационная система «Метеоизмерения онлайн». URL: http://thermo.karelia.ru (дата обращения: 19.05.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бараев В. Последние залпы по шестидесятникам // Литературная Россия. – 2012. – № 13. – 13 марта. – URL: https://litrossia.ru/item/5668-oldarchive (дата обращения: 14.05.2021).
2. Белинков А. В. Поэт и толстяк (из книги «Юрий Олеша») // Байкал. – 1968. – № 1. – С. 103–109; № 2. – С. 100–111.
3. Борис Балтер: «Судьей между нами может быть только время». К столетию со дня рождения / сост. В. М. Есипов. – М. : Зебра Е : Галактика, 2019. – 288 с.
4. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с.
5. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Улитка на склоне. Фантастическая повесть // Байкал. – 1968. – № 1. – С. 35–72; № 2 – С. 40–71.
6. Чупринин С. И. Оттепель. События: 1953–1968. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 1192 с.

CORRESPONDECE IGOR DEDKOV AND STANISLAV LESNEVSKY: TO THE QUESTION OF DATING OF ONE LETTER

I. V. Avedova

The article deals with dating an I. A. Dedkov's letter to S. S. Lesnevskij; it also examines how the social background contemporary to the correspondents is mirrored in this epistolary document.

I. A. Dedkov, S. S. Lesnevskij, correspondence, literary life of the USSR in the second half of the XX-th century, epistolary documents dating.

ꕥ

Раздел 2

Русская культура в контексте социокультурной глобализации

УДК 1:3:94(47+57)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА В СССР В 1985–1991 гг.

В. Ю. Яковлев
yakovlevv51@mail.ru

В статье анализируется взаимосвязь процессов глобализации и перестройки, содержание и результаты «нового политического мышления» М. С. Горбачева.
Глобализация, перестройка в СССР, М. С. Горбачев, новое политическое мышление, общечеловеческие ценности, «общеевропейский дом», распад СССР.

Исследуя причины распада СССР, остаются неосмысленными вопросы, почему произошло саморазрушение страны. Имеющиеся в литературе простые ответы, что социалистическая система изжила себя, а советская плановая экономика была в кризисном состоянии, нельзя признать удовлетворительными. В системном характере факторов, способствовавших самоликвидации советского общества, одним из главных является вопрос, почему вертикаль власти во главе с руководством страны по существу отказалась от власти. Что двигало М. С. Горбачевым и возглавляемым им ЦК КПСС, партийной номенклатурой, когда уничтожалась социальная база власти всего правящего класса и его верхнего социального слоя. Сегодня очевидно, что с разрушением советских социальных институтов старая элита утратила власть, престижный социальный статус, материальные привилегии, так как постсоветская система иерархия строится уже на иных ценностях и критериях. Однако в ретроспективном объяснении без ответа остается вопрос, почему в руководстве страны собрался суицидальный клуб людей, нацеленных на самороспуск КПСС – организационно-политической основы своей власти, которая являлась цементирующей основой государства.

© Яковлев В. Ю., 2021

Говоря о распаде СССР, речь в данном случае идет не о том, чтобы лишний раз разбередить незаживающую духовную рану, названную В. В. Путиным «величайшей геополитической катастрофой XX века». Это актуально в связи с тем, что разрушительный процесс перестройки, начатый в 1987–1991 гг., еще не закончен, и постсоветский корабль современной России идет по существу в его фарватере.

Перестройка оказала всемирное тектоническое воздействие на весь мировой процесс современности. Это связано с тем, что биполярный мир, состоящий из двух центров силы – капиталистического под управлением США и социалистического под эгидой СССР, стал однополярным. Глобализация как «конец истории» (Ф. Фукуяма), триумф посткапитализма и победа западных ценностей, завершение политического, военного и мировоззренческого противостояния СССР и США стало возможно после того, как одна из сторон идеологического противостояния вышла из холодной войны и перестала видеть в противоположной стороне своего врага. Делалось это под хорошие слова о правах человека, приоритете общечеловеческих ценностей, целостности мирового сообщества, разоружении, за ширмой которых ставились иные цели.

Говоря о глобализации, следует различать две стороны этого процесса, сознательно отождествляемые в философии политики. Во-первых, производственно-технологический процесс, связанный с развитием постиндустриального, информационного общества, которое характеризуется «теснотой мира», расширением трансграничных экономических, культурных взаимосвязей между странами в XXI веке. Во-вторых, камуфлируемый политкорректными эвфемизмами либеральный идеологический процесс формирования нового «мирового порядка» с глобальным управлением из одного центра силы и влияния – модель однополярного мира во главе с США.

Первоначально в 70-е годы XX века сближение с Западом рассматривалось руководством СССР как элемент разрядки, сокращения бремени военных расходов, возможность усиления влияния страны в гуманитарной области. Процесс интеграции с западным миром шел по линии Римского клуба во главе с Аурелио Печчеи, трехсторонних комиссий, (неправительственной организации, состоящей из представителей элит Северной Америки, Западной Европы, Японии и Южной Кореи, созданной Советом по внешним связям США), Института Системных Исследований под руководством академика М. Г. Гвишиани и других организаций. При посредничестве этих институтов началось втягивание советской верхушки в целый ряд международных проектов с предложением заняться общими мировыми проблемами, связанными с экологией, разоружением, технологической средой, сферой гуманитарных ценностей.

В лексиконе глобалистской идеологии сформировалось несколько абстрактных концептов: «мировое правительство», «конвергенция экономических систем», «общечеловеческие ценности», «управляемое мировое сообщество», с общим посылом, обращенным к советской стороне: решать мировые проблемы независимо от принадлежности стран к разным политическим системам. До середины 80-х годов взаимный зондаж намерений и установок сторон шел на уровне концептуального дискурса. Со сменой политического руководства в СССР в 1985 г., приходом к власти нового поколения политической элиты во главе с М. С. Горбачевым, начался качественно иной этап, общим идейным трендом которого была идея «возвращения в мировое сообщество», стремление уйти от противостояния с Западом.

Почему распался Советский Союз после того, как началось его реформирование, названное общим термином «перестройка»? Целью данного исследования является анализ парадигмальных оснований идеологии «нового политического мышления» акторов перестройки, которая привела к распаду СССР, формированию однополярного мира под управлением США.

Стандартное объяснение причин распада включает в себя ряд гипотез и конкретных ответов, в контексте которых можно выделить различные подходы.

Первая гипотеза: социалистическая система не поддается реформированию, т.к. она себя изжила. Является ли эта гипотеза научно обоснованной? Безусловно, нет. Согласно принципу фальсификации гипотезы (К. Поппер), достаточно одного факта или контрпримера, который показывает, что гипотеза не является надежной, для отклонения выдвинутой гипотезы как индуктивного обобщения. Таким фактом является опыт социалистического строительства в Китае, во Вьетнаме, на Кубе, показывающий, что есть страны, которые не распались и не изменили общественно-политический характер системы.

Другая гипотеза состоит в том, что экономика СССР была неэффективная, были очереди у прилавков за дефицитными товарами, что привело к потере поддержки режима со стороны населения, рухнули цены на нефть, и все это в совокупности привело к развалу страны. Однако данный тезис также не выдерживает критики. А что с Китаем, экономика которого стала крупнейшей экономикой в мире? Нам могут возразить, что Китай пошел своим путем развития экономики, отличным от Советского Союза. Но что мешало руководству СССР сделать нечто подобное с учетом советского опыта развития народного хозяйства на основе развития научно-технического прогресса? Что касается цен на нефть, то они периодически падают, однако если каждое обрушение цен

на энергоресурсы ведет к распаду государства, то мы давно бы жили в архаическом обществе. Но этого, слава богу, не происходит. Реальных подтверждений того, что экономика страны находилась в системном кризисе накануне радикальных реформ 1987–1991 гг., не обнаружено. Это же подтвердил лауреат Нобелевской премии по экономике, американский ученый русского происхождения Василий Леонтьев, приезжавший в 1988 г. в СССР по приглашению советского руководства в качестве экономического эксперта по экономике.

Кризисные явления в экономике стали нарастать как снежный ком в результате политики реформаторов, способствовавшей либерализации внешнеторговой деятельности кооперативов и предприятий, экономической реформы 1987 г., ведущей к легализации теневого капитала, сокращению массового производства, перетоку средств государственных предприятий в карманы частных лиц и т. д.

Риторика о кризисе, катастрофе, тупиковом характере системы на самом деле является инструментом идеологического обоснования последствий катастрофической перестройки. Причиной распада страны был не кризис общественно-экономической системы, а политика реформаторов.

Чем руководствовались реформаторы? Чтобы попытаться дать ответ на поставленный вопрос, обратимся к доктринальным идеям «нового политического мышления» руководства СССР, которые были изложены М. С. Горбачевым в его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» [1]. Его основные принципы: признание целостности и неделимости мира; деидеологизация отношений между государствами; политическое урегулирование межгосударственных конфликтов; отказ от применения силы в решении международных проблем; приоритет общечеловеческих ценностей по отношению к классовым, идеологическим; соблюдение баланса интересов государств, ответственность мировых держав за решение глобальных проблем современности (новый мировой порядок).

Эти идеи не были новыми: они были выдвинуты ранее на концептуально-теоретическом уровне известными учеными и политическими деятелями (М. Ганди, А. Эйнштейн, Б. Рассел и др.). В отличие от них М. С. Горбачев сделал эти абстрактные идеи основой государственной внешней политики, которые предполагали отказ от холодной войны, деидеологизацию внешней политики, отказ от применения силы в решении международных проблем, признание невозможности решения политических проблем с помощью ядерного оружия, необходимость превращения военных блоков в политические организации.

Основные идеи доктрины «новое политическое мышление» были представлены мировому сообществу М. С. Горбачевым на Генеральной

Ассамблее ООН в 1988 г. Свое выступление он оценивал как «антифултон», имея в виду завершение «холодной войны», которая была развязана странами Запада против СССР после речи У. Черчилля 5 марта 1946 года в американском колледже в г. Фултоне. Если Черчилль начал эту войну, то М. С. Горбачев, как ему представлялось, ее завершил.

Изменение курса внешнеполитического лидерства СССР было не случайным. Это была не просто военная доктрина, а парадигмальная *концепция интеграции Советского Союза в мировую экономику*, которая предполагала не только громкие слова с высокой международной трибуны, но и практические дела, связанные с реформированием внутренней и внешней политики советского государства. Они включали в себя роспуск военной Организации Варшавского Договора, преобразование военных союзов в политические организации, разоружение, изменение в деятельности Совета экономической взаимопомощи, реформирование политической системы СССР. Во внутренней политике это предполагало создание многопартийной системы, рыночной экономики, радикальные изменения в идеологической сфере советского общества.

Другим направлением политики советского руководства стала концепция «*общеевропейского дома*», которая стала инструментом практической конкретизации доктрины «антифултон» нового внешнеполитического курса. Парадокс концепции заключался в том, что так называемый «общеевропейский дом», под которым подразумевалось интегрирование СССР в западную экономику, мог условно принять своих восточных соседей только после коренных трансформаций СССР на условиях Запада.

Важной вехой на этом пути стало подписание Советским Союзом 15 января 1989 года «Венской конвенции» представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), на основании которой страна фактически признавала приоритет международных институтов над внутренним законодательством СССР [2].

После подписания договора 20 января 1989 года М. С. Горбачев сообщил: «Интегрирование Советского Союза в мировую экономику принципиально вопрос решенный» [3]. На практике осталось обсудить лишь формы и детали такой интеграции.

6 июля 1989 г. М. С. Горбачев, выступая перед депутатами Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге, заявил, что «Общеевропейский дом» мы мыслим как конфедеративное сообщество, «в такой Европе мы видим собственное будущее» [4].

Интеграция в это правовое сообщество европейских государств на практике предполагала распад военного блока ОВД и экономического союза СЭВ, смену социально-политического строя в Советском Союзе

и трансформацию его государственности. Конкретным воплощением декларативных заявлений во внешнеполитической сфере стал советско-американский саммит президента США Д. Буша и М. С. Горбачева, прошедший 2–3 декабря 1989 г. на острове Мальте, на котором были достигнуты ключевые соглашения об объединении восточной и западной Германии, невмешательстве во внутриполитические процессы стран Восточной Европы, обсуждение возможности отделения Прибалтики. Таким образом, встреча стала важным фактором во всей последующей цепочке всемирно-исторических процессов, связанных с распадом ОВД, падением берлинской стены, объединением Германии, «поглощением» блоком НАТО стран Восточной Европы и прибалтийских государств, хотя по устным заверениям Д. Буша, не зафиксированным в юридическом акте, западный военный альянс не сдвинется на Восток ни «на дюйм» от своих границ.

Фактически это была сдача своих союзников по социалистическому лагерю, определившая скорый роспуск военной организации Варшавского договора и развал его центра – самого Советского Союза. Не случайно, оценивая результаты мальтийского саммита, дипломат А. А. Громыко называл его «советским Мюнхеном», имея в виду сравнение результатов саммита с последствиями Мюнхенского сговора 1938 г.

Во внутренней политике для достижения целей переустройства СССР по западным образцам требовалось проведение рыночной реформы экономики, приватизация государственной собственности, создание многопартийной политической системы, отказ от марксистской идеологии, превращение Советского Союза в конфедеративное государство.

Идеологическим стержнем перестройки была западноцентристская парадигма о существовании универсальной мировой цивилизации, предполагающая единственно «правильный» (западный) путь развития человеческого общества, с которого «свернула» Россия на советском этапе своего исторического развития (А. П. Бутенко, Т. И. Заславская, Е. Т. Гайдар). В такой парадигме единственно верным считался отход от социалистических принципов, переустройство общества по западным образцам, возврат на западный цивилизационный путь развития общества как единственно верный, соответствующий «естественной» эволюции человеческого общества.

Основным препятствием для «возврата» на правильный путь, суливший западный образ жизни, считалось советское идеократическое государство, в основе которого была система идеалов народовластия, и марксистско-ленинская идеология. Под девизами «Больше социализма!» и «Больше демократии!», которые транслировали официальные СМИ, с 1987 года началась концептуальная дискредитация марксист-

ской идеологии во всех социальных институтах советского общества, которая закончилась идеологическим поражением КПСС, ее самороспуском и развалом государства.

При этом за кулисами демократических лозунгов «прорабами перестройки» продвигались совсем другие цели и задачи. В своих воспоминаниях заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев признал публичный обман в СМИ в период перестройки: «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма… Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще» [5, с. 14].

В процессе идеологической трансформации общества активно участвовали и деятели более низкого ранга. Например, заведующий отделом Института экономики мировой социалистической системы АН СССР А. Н. Бутенко утверждал, что в СССР построен «казарменный псевдосоциализм», в котором разрушены «общечеловеческие» источники развития. Как о «феодальном социализме» писали о советской системе социологи О. И. Шкратан и В. В. Радаев (1990 г.). Общим посылом этих акторов перестройки было стремление избавиться от социалистического наследия, «тоталитарной» системы социально-политического устройства СССР.

Таким образом, процессы, ведущие к распаду страны, не были спонтанными. Политика реформаторов по радикальному социально-экономическому и идеологическому переустройству СССР для вхождения в западный мир объективно способствовала дезинтеграции и разрушению союзного государства. При этом смертельный удар был нанесен не просто по коммунизму как государственной идеологии СССР, а по всей вертикали власти, обеспечивающей жизнедеятельность общества, и в конечном итоге по самой России как исторически складывающемуся государству. Инициаторы перестройки концептуально полагали, что, разрушая «административно-командную систему», сдавая союзников в Восточной и Центральной Европе, они обеспечивают благоприятные условия для экономического сотрудничества с наиболее развитыми странами западного мира.

Однако распад Советского Союза объективно способствовал превращению биполярного мира в глобальный, основанный на доминировании западного альянса под управлением США. Дезинтеграция союзных республик способствовала эскалации межнациональных военных конфликтов на постсоветском пространстве. Оставшись без союзников по социалистическому лагерю, Советский Союз утратил влияние в меж-

дународных делах, вошел в фарватер внешней политики глобального Запада. Договариваясь с Дж. Бушем о выходе из Восточной Европы, М. С. Горбачев и другие инициаторы перестройки полагали, что они заключают договоры о широком сотрудничестве на равных. На деле политическое руководство СССР обмануло себя, потому что создало предпосылки для реального ослабления страны и усиления другого центра мировой политики в качестве глобальной сверхдержавы.

Исходные цели «нового политического мышления» оказались нереализованными. Вхождение в мировую цивилизацию оказалось мифом, прикрывающим господство либеральных ценностей и власть транснациональных корпораций. Политическое руководство страны исходило из ложных идеологических представлений и презумпций о благах рынка и западных ценностей, которые были транслированы в СМИ и общественном сознании общества, пассивно наблюдавшем за процессом разрушения основ советского государства.

Реальный процесс интеграции в западную экономику демонстрирует преимущество одной из сторон интеграции – системы капиталистического Запада, в структуре которого российской экономике отведена локальная ниша сырьевого придатка, экономически зависимого от финансово-производственной цепочки рынка и спроса со стороны покупателя. Переход к рынку в условиях глобальной постиндустриальной экономики привел не к росту производства, а к экономической стагнации, закрытию большинства отечественных предприятий, деиндустриализации, рецессии экономики и росту безработицы.

«Прорабы перестройки» и новая элита предполагали, что, отказавшись от советского проекта, они могут сотрудничать с американцами на равных. Но это предположение также оказалось мифом. Новые власти России после распада СССР не получили благожелательного отношения Запада, не приняты были в качестве своих на Западе. Более того, после событий на Украине США, Европейский союз и их сателлиты стали применять многочисленные санкции по отношению к России, ее гражданам и предприятиям. Тем не менее российская элита не отказывается от прежней парадигмы «вхождения» в Запад. Она продолжает по инерции идти в том же направлении, покупая там недвижимость, переезжая семьями, заявляя, что это не проект плохой, а исполнители.

Консолидированный Запад ставит ложную дихотомию перед российской элитой: или вхождение «по частям» на условиях Запада, или суверенитет России. И то, и другое одновременно не получится. Нереализуемость базовых целей перестройки требует осмысления – новой парадигмы политического мышления. Актуальная задача не в том, чтобы вписаться в западный элитный клуб ведущих капиталистических держав любой ценой (как было в 1991–2000 гг.) или на «достойных» осно-

ваниях (в 2001–2007 гг.), но в том, чтобы отстоять право России быть суверенной мировой державой со своими ценностями, идентичностью и формой социального развития. Преодолеть перестройку, в которой мы еще пребываем, можно только тогда, когда прозападный курс будет замещен на пророссийский и социально ориентированный. Политический маятник исчерпал силу движения в одну сторону и начал двигаться в другую – в сторону размежевания России с Западом. Процесс возрождения России начался, и его остановить невозможно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М. : Политиздат, 1987. – 270 с.
2. Итоговый документ Венской встречи 1989 г. представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемуся на основе положений Заключительного акта // Международные акты о правах человека : сб. док. – М. : НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 648–654.
3. Стуруа М. Стыковка, или «Трехсторонняя комиссия» интервьюирует перестройку // Известия. – 1989. – 20 января. – С. 1.
4. Визит М. С. Горбачёва в Совет Европы // Правда. – 1989. – 7 июля. – С. 1.
5. Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. – М. : Три века истории, 2001. – С. 5–32.

GLOBALIZATION AND PERESTROIKA IN THE USSR 1985–1991

V. Yu. Yakovlev

The article analyzes the relationship between the processes of globalization and restructuring, the content and results of the “new political thinking” of M. S. Gorbachev.

Globalization, Perestroika in the USSR, M. S. Gorbachev, new political thinking, universal human values, “common European home”, disintegration of the USSR.

УДК 379.8-053.81

ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

А. Э. Саликов
andrei.salikau@gmail.com

Автор раскрывает ряд тенденций культуротворчества европейской молодежи в контексте глобальных интеграционных процессов и актуальной социодинамики европейской культуры.

Молодежь, молодежная политика, социодинамика европейской культуры, социокультурная глобализация, культуротворчество.

© Саликов А. Э., 2021

Динамика культуротворческого процесса во многом обусловлена характером социокультурных процессов. Существенное влияние на характер культуротворчества молодежи оказывают глобальные интеграционные процессы. Процессы социокультурной глобализации способствуют расширению спектра межкультурного взаимодействия как на национально-культурном, так и на индивидуальном уровнях. В качестве характерных признаков глобализации выделяются высокая степень информационных возможностей, открытость национальных границ и межкультурная мобильность. Вместе с тем, актуальность приобретают проблемы активизации межкультурного взаимодействия, культурной экспансии, кризисных явлений на уровне индивидуальной и групповой идентичности, адаптации к новой культурной реальности и др. Усиление взаимозависимости социально-культурных систем детерминировало значительные изменения в культурной жизни молодых людей.

Эти и другие обстоятельства обусловили *цель статьи* – определить основные тенденции культуротворческого процесса европейской молодежи в контексте актуальной социодинамики европейской культуры и глобальных интеграционных процессов.

Раскрывая заявленную тему, мы будем исходить из того, «что культуротворческая деятельность складывается из активной познавательной деятельности субъекта, направленной на потребление ценностей культуры, деятельности, направленной на преобразование внутреннего духовного мира субъекта и деятельности, направленной на преобразование окружающей его социально-культурной среды» [1, с. 108].

Современная социокультурная среда характеризуется открытостью, плюралистичностью, имеет большой творческий потенциал, а современное социокультурное пространство объективно может стать пространством творческого развития и самореализации молодежи. Потенциальная открытость социально-культурных систем, в том числе и виртуализированных, способствует активной интеграции молодежи в глобальное культурное и информационное пространство.

Характер социокультурной динамики европейской культуры потенциально заключает возможности более полного раскрытия творческого потенциала молодежи. В европейских странах активизируется международное волонтерское движение (EVS – европейская волонтерская служба), расширяется участие молодежи в международных проектах и программах (например, через реализацию программы ERASMUS+), происходит активное освоение молодыми людьми культурного многообразия и осмысление различий социокультурных систем и др. Отмечается рост культурного многообразия, происходит трансформация содержания досуговой деятельности молодежи.

Социодинамика европейской культуры конца XX – начала XXI века оказывает существенное влияние на характер культуротворческого процесса в молодежной среде. Наиболее сущностными тенденциями европейской культуры в проекции на молодежную сферу стали рационализация ценностей, скептицизм, маргинализация, виртуализация, технологизация, мозаичность, формирование общеевропейской культурной идентичности, конформизм, рост темпов производства духовных и материальных форм культуры (массовизация) и увеличение масштабов их тиражирования, рост культурного многообразия и формирование плюралистической парадигмы европейской культуры.

Участие молодежи в культурной жизни включает два основных аспекта:

1. Молодые люди как пользователи и потребители, аудитория. Это, в основном, связано с участием молодежи в культурных мероприятиях и направлено на облегчение доступа молодых людей к инфраструктуре организаций сферы культуры (библиотеки, музеи, галереи, театры, концертные залы и т. д.).
2. Молодежь как активный участник и творец культуры и искусства. Политика, связанная с культурой и искусством, как часть досуга молодежи, включает мотивацию молодежи заниматься любительским художественным творчеством, раскрывать культурный потенциал в различных видах искусства [2, с. 9].

Среди основных тенденций развертывания глобальной культуры в их проекции на европейскую молодежь выделим следующие:

1. Расширились возможности создавать ориентированное на молодежь информационно-культурное пространство. Развитие молодежных сетевых коммуникаций фактически сформировали молодежный социокультурный дискурс. Происходит активизация процессов межкультурного взаимодействия в молодежной среде (культурный диалог, культурный полилог, межпоколенческий диалог). Динамично развивается область молодежных коммуникаций и молодежной информации, что приводит к расширению границ молодежного дискурса. Повышается скорость производства образцов культуры и масштабы их тиражирования, меняются условия и содержание культуротворческой деятельности. Современное состояние культурной сферы отличается доступностью самых разнообразных текстов культуры для молодежи. Молодые люди выступают как активные субъекты культуротворческого процесса. Глобальные тенденции проявляют себя в расширении пространства англоязычной коммуникации в среде европейской молодежи.

2. Процесс глобализации усилил тенденции коммерциализации и массовизации культуры. Расширились рамки производства медиапро-

дукции. Коммерциализация досуговой деятельности стала фактором развития молодежных креативных индустрий, в основном в сфере художественного творчества. Отмечается активное развитие культуры для молодых и общая демократизация молодежного стиля. Вместе с тем, в современной глобальной культуре заметно вырос уровень деструктивности. Усиливаются маргинальные проявления в молодежной среде, возникают деструктивные контркультуры. Отмечается распространение языка вражды и ненависти как в виртуальном пространстве, так и в повседневной жизни молодых людей.

3. Модифицируется содержание досуга молодых людей как реакция на открывающиеся возможности самореализации и творческого развития. Формируется новое разнообразие досуговых форм, связанных с активным использованием информационно-коммуникативных технологий. Возникают (часто спонтанно) виртуализированные пространства молодежной социально-культурной активности. Отмечается появление новых стилей и направлений молодежного художественного творчества.

Усиливается процесс урбанизации, в целом характерный для молодежи во всем мире. Этот процесс актуализировал развитие городской культуры, молодежной урабанистики, появление молодежных городских пространств, новых форм культурного выражения (городских фестивалей, опен эйров, «молодежных локаций» и др.).

4. Сформировалось цифровое измерение молодежного культуротворчества, которое представляет собой инновационную цифровую (виртуализированную) социокультурную активность, актуализированную в новых культурных явлениях, тенденциях и феноменах в молодежном измерении культуры, возникающих (часто спонтанно) вследствие активного использования ИКТ. Актуализация цифрового измерения молодежного культуротворчества происходит в цифровой молодежной работе («смарт-решения»); в открытой сетевой инфраструктуре молодежных цифровых коммуникаций, а также широком использовании цифровых медиа и «мессенджеров» в организационно-сетевых структурах; в субкультуре геймеров; в системах и технологиях искусственного интеллекта и их интеграции в молодежную среду; «цифровой» идентичности и цифровых компетенциях; в виртуализации молодежных мероприятий; развитии ориентированных на молодежную аудиторию образовательных (e-learning) платформ и образовательных ресурсов (например, МООС), в виртуализации художественной культуры (интернет-галереи искусств, виртуальные библиотеки, виртуальные экскурсии и т. д.); во включении в молодежные программы, проекты и мероприятия «цифрового» компонента для расширения доступа и участия молодежных субъектов; изменение статуса молодежи в системе цифрового взаимодействия

как активного производителя «молодежного контента»; развитие системы молодежной информации и консультирования [3, с. 22].

Существенными факторами активизации культуротворчества европейской молодежи в контексте актуальной социодинамики и глобальных интеграционных процессов в европейских странах являются следующие:

а) структурные социокультурные и политические трансформации в Европе конца XX – начала XXI века;

б) сочетание многовекторных, взаимозависимых и взаимосвязанных цивилизационных, общеевропейских, региональных и локальных процессов;

в) смена поколений молодежи (поколение Y на поколение Z);

г) динамическое развитие европейской молодежной политики и концепций социально-культурной активности европейской молодежи;

д) трансформация институционального взаимодействия молодежи на общеевропейском и национальном уровнях.

Эти и другие аспекты глобальной культуры оказывают существенное влияние на молодежь. Европейская молодежь по-своему отражает противоречивые глобальные интеграционные тенденции развития, а также социодинамику европейской культуры. Культуротворчество европейской молодежи актуализировано в следующих тенденциях:

а) в условиях современной мультикультурной динамики формы культуротворческой активности молодежи всех категорий молодежи европейских стран существенно трансформируются в содержательных, деятельностных, аксиологических, семиотических, институциональных, информационном измерениях;

б) отмечается демократизация и диверсификация культурных предпочтений молодых людей. Формируется открытая, плюралистическая, мультикультурная среда, в которой молодой человек реализует культурный потенциал, становясь активным субъектом культуротворческого процесса;

в) усложняется содержание культуротворческой активности молодежных субъектов и активно развивается инфраструктура творческой реализации молодежных инициатив и проектов;

г) расширяется сфера социально-культурной активности молодежи посредством внедрения инновационных методов и форм работы с молодыми людьми в сфере культуры и творчества;

д) активно развиваются интерактивные формы «цифрового» творчества молодежи, непосредственно или опосредованно связанные с использованием информационно-компьютерных технологий;

е) отмечается интернационализация творческого процесса на основе аксиологических оснований европейской культуры. Тенденцией

становится актуализация европейского историко-культурного наследия в молодежной социокультурной активности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Суртаев В. Я. Молодежь и культура / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры. – СПб. : [б. и.], 1999. – 223 с.
2. Access of young people to culture final report / Education, Audiovisual and Culture Executive Agency. – URL: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/edc2d7e3-e6e6-4802-a157-26f260a7f7a7 (date of access: 12.01.2020).
3. Саликов А. Э. Цифровое измерение молодежного культуротворчества: к постановке проблемы // Современная молодежь и общество : сб. науч. чт. Выпуск 9 / под науч. ред. И. И. Калачевой. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 18–24.

TRENDS OF CULTURE AND CREATIVITY OF EUROPEAN YOUTH IN THE CONTEXT OF GLOBAL INTEGRATION PROCESSES

A. E. Salikov

The author reveals a number of trends in the cultural creativity of European youth in the context of global integration processes and the current sociodynamics of European culture.
Youth, youth policy, European culture, socio-cultural globalization, cultural creativity.

УДК 172

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОНТИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. В. Ковалева
sweta.lana1968@yandex.ru

В статье рассматриваются характеристики процесса глобализации, которые носят двойственный характер: внешний, определенный законами, нормами, содержанием которых является общезначимое и универсальное знание (онтический аспект), и внутренний, определенный свободой как ответственностью, представленной совестью (онтологический аспект).
Глобализация, образование, свобода, онтический аспект, онтологический аспект, либерально-демократическая модель, нравственность, совесть, целостность.

Процессы глобализации, о которых ведут разговоры политики, ориентированные на внедрение классических либерально-демократических ценностей в сознание мирового населения планеты, коснулись и образовательной сферы социокультурного пространства. Особенностью либерально-демократических установок на общественно-полити-

© Ковалева С. В., 2021

ческое устройство является представление о человеке как гражданине, наделенном набором естественных прав на жизнь, здоровье, индивидуальный путь развития. Регламентировать отношения в социальной сфере, представляющей собой множество индивидов, обладающих универсальными естественными правами, возлагается на государство, которое, вводя внешние юридические законы, обеспечивает справедливость с помощью формальной договоренности. По мнению И. И. Евлампиева, такая договоренность осуществляется «эмпирически-рационалистической методологией», которая приводит к формированию «атомистической модели» государства [1, с. 129].

Классическая либерально-демократическая модель государства делает акцент на ограничение исключительно внешней свободы человека, которая характеризуется выбором тех или иных приоритетов в осуществлении собственного образа жизни, определенного стремлением к наиболее полному и комфортному удовлетворению психофизиологических потребностей [2, 3]. В границах данной общей стратегии внутренней политики государства отводится определенная роль и образовательной сфере, в которой главной ценностью считается знание. В силу того, что истоком либерально-демократической модели государства являются системы классического идеализма, то знание, существующее в форме идей, признается истинным только в том случае, если оно носит общезначимый, универсальный характер. Таковым характером обладает знание, формируемое естественнонаучными дисциплинами, основополагающей среди которых считается физика. Как известно, физические разработки на современном этапе развития науки используются во всех отраслях знания, в том числе и в биологии, и в медицине, в которых ученые применяют либо модели, либо методы, либо формулы физики.

Общезначимый характер знания определяет научную коммуникацию и межличностные отношения на основе норм и правил, которые внешним способом ограничивают процесс развития внутренних, личностных установок ученых. В исследованиях ученые не задаются вопросами этического характера, их мало волнует, *как* будет использовано открытое ими знание: во благо человечества или во вред. Другими словами, нравственно-смысловые аспекты научной деятельности не входят в компетенцию ученых, ибо объективного, общезначимого смысла не существует, как не существует и универсальной нравственной ответственности за то или иное открытие.

Именно по этой причине в современной образовательной политике идет постоянное сокращение часов по гуманитарным предметам, таким как философия, культурология, история. Да и программы преподавания этих дисциплин регулярно изменяются, выдвигаются требования по

формализации курса, в котором предполагается только информационно-познавательная трансляция знания, но отсутствует практическая ориентация на *понимание* этого знания, творческая личностная работа по созданию его смысла. Такое отвлеченное знание, не связанное с фундаментальными ценностно-нравственными основаниями личности, представляет собой некую целостность, образующую периферию мировоззрения человека. Обозначенную целостность М. М. Бахтин называет механической, поясняя, что ее «отдельные элементы соединены только в пространстве и времени внешней связью, а не проникнуты внутренним единством смысла. Части такого целого хотя и лежат рядом и соприкасаются друг с другом, но в себе они чужды друг другу» [4, с. 7]. Эта же характеристика относится и к знанию естественнонаучному. Все, что создано человеком в пространственно-временном континууме, остается разрозненным и внутренне не согласованным, разделенным на сегменты, соответствующие объектам, относительно которых формировалось конкретное знание. Представление о глобализации как процессе интеграции знания механистическим способом характеризует онтический аспект формирования сферы образования.

В связи с вышесказанным хотелось бы обратить внимание, что глобализационные процессы должны быть ориентированы на создание *внутренней* коммуникации между людьми, основанной на таких личностных ценностях, как понимание и ответственность. Формирование нравственности как чувственно-эмоционального фундамента, выступающего предпосылкой актуализации феноменов человеческого бытия, должно осуществляться не формальными образовательными программами, а практическим воспитанием. Эта проблема гармонизации внутреннего мира подрастающего поколения – задача, решение которой не может носить сиюминутный характер, а требует длительного времени. Тем более не сразу будут видны результаты этого процесса, однако становление основных экзистенциально-феноменальных качеств личности – это залог будущего развития благополучного общества, социально-культурной сферы, а также всех тех отраслей экономики, политики, бизнеса, от которых зависит независимость государства и стабильность межчеловеческих, межнациональных отношений.

Необходимо пояснить, что изначально человек в своей сущности, определенной актом самосознания, актом Я, выражен совокупностью феноменов, таких как свобода, совесть, вера, понимание, судьба, которые лишь потенциально характеризуют его личностное ядро [5]. По сути, феномены являются «семенами человечности» человека, как сказал американский философ-гуманист Пол Куртц, а в силу этого они носят нравственный характер. Для их развертывания, реализации необходимо

в процессе воспитания и образования использовать такие приемы, которые пробуждают в человеке онтологические основания, приобщающие его к бытию. К таковым относятся нравственные чувства соучастия, сопереживания, коренящиеся в сердце как центре сознания личности.

В качестве механизма актуализации нравственных чувств может служить принцип синестезии. В психологической практике синестезия – это феномен соощущений, дающийся от рождения не каждому человеку и проявляющийся в том, что информация, поступающая из окружающего мира и доступная с помощью одной чувственной модальности, вызывает в другой чувственной модальности отклик, создавая в сознании многогранный образ. В философии синестезия рассматривается как способ формирования единства сенсорных восприятий, которые, концентрируясь, подводятся усилием воли под чувства сопереживания и соучастия, пробуждая феномены бытия.

Здесь важно уяснить, что в единстве с чувственным потоком всегда формируется поток мыслящий. В частности, немецкий философ XVIII в. И. Кант обосновал, что внешние восприятия человека, его органы чувств синтезируются трансцендентальной, или, проще, рассудочной, логикой мышления, образуя представление чувственно доступного предмета, которое подводится под *понятие*. Обратим внимание, что в данном процессе синтез чувственных модальностей осуществляется *механически*, не требуя от человека творческих волевых усилий. Только при анализе восприятий, раскрывающих отдельные качества предмета, формируются суждения, умозаключения как конкретное содержание знания. Таким образом, рассмотренный механицизм определяет получение знаний и делает зависимым человека от объектов материального мира, относительно которых это знание получено.

Однако в XX в. российский ученый Л. Н. Роднов рассмотрел, что человек способен прилагать волевое усилие для того, чтобы чувственные модальности подвести под единство нравственного чувства, пробудив его в собственном сердце. Относительно чувства сопереживания, соучастия в целостный образ складываются не только сенсорные восприятия, но и все многообразие внутреннего мира: разного рода знания, эмоциональные состояния, ассоциации. Этим действием человек свободно разрывает свою связь с предметно-материальным миром, концентрируя себя и мотивируя свою деятельность на *понимание* иного. В единстве с нравственным чувством выступает мышление, которое утрачивает рассудочную форму (ибо нет необходимости в автоматическом синтезе внешней чувственности, ее действие снято нравственным чувством сопереживания) и приобретает разумную. Закон деятельности разумной (или имагинативной логики) обосновал Я. Э. Голосовкер – это

закон неисключенного третьего [6]. Сущность этого закона заключается в том, что формируемый из содержания внутреннего мира образ подводится под единство смысла, в результате создается *смыслообраз*. Таким образом, в результате деятельности разумности мышления актуализируется феномен *понимания*, содержанием которого является смыслообраз.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что первостепенной задачей педагогов является, прежде всего, формирование у подрастающего поколения способности нравственно чувствовать и разумно понимать другого человека, явления природы, жизненное событие, нестандартную ситуацию. Для реализации этой задачи целесообразно использовать тексты культуры, в качестве которых можно рассматривать любой объект искусства, состоящий из знаков, символов, согласованная совокупность которых передает какое-то содержание, заключающее смысл. В частности, знакомство с поэтическими строками творцов прошлого характеризует такую динамику внутреннего мира, которая пробуждает в сознании человека все потенциальные силы, способности, в том числе и феноменальные, формируя нравственно-духовную сферу как ядро личности. По сути, чтение поэтических текстов, основанное на сопереживании тому, что пишет автор, повторяет внутренний творческий путь поэта. Только создатель двигался от личностной глубины смысла к его воплощению в словах рифмы, а читатель – от поэтических строк вглубь своего сознания для создания личностного смыслообраза как содержания феномена понимания. Формирование внутренней коммуникации, объединенной поиском смысла, характеризует онтологический аспект глобализации в сфере образования.

О творческом пути автора, приводящего в гармонию стиха хаос внутреннего мира, писал немецкий поэт Р. М. Рильке: «Стихи ведь не то, что о них думают, не чувства (чувства приходят рано), стихи – это опыт. Ради единого стиха нужно повидать множество городов, людей и вещей, надо понять зверей, пережить полет птиц, ощутить тот жест, каким цветы раскрываются утром. Надо вспомнить… нечаянные встречи, и задолго чуемые разлуки, и до сих пор неопознанные дни детства, родителей, которых обижал непониманием, когда они несли тебе радость, детские болезни… и утра на море, и вообще море, моря, и ночи странствий, всеми звездами мчавшие мимо тебя в вышине, – но и этого еще мало. …Нужно научиться их прогонять, когда их много, и, набравшись терпения, ждать, когда они снова придут. Сами воспоминания ведь мало чего стоят. Вот когда они станут в тебе кровью, взглядом и жестом, безымянно срастутся с тобой, вот тогда в некий редкостный час встанет среди них первое слово стиха и от них отойдет» [7, с. 17].

Если поэт, создавая стихи, вкладывал в каждую строку опыт нравственных переживаний событий своей жизни, то ученик, студент, аспи-

рант (реципиент), знакомясь с его творчеством, относительно содержания произведения в стремлении его понять неизбежно начнет выстраивать свой собственный внутренний мир по законам архитектоники смысла автора. Но в силу того, что эта архитектоническая целостность будет возникать из ресурсов сознания реципиента, то в результате знакомства со стихотворением поэта актуализируется та грань смыслообраза, которая значима для ученика, студента, аспиранта. Такая творческая целостность, в которую включены все ресурсы сознания личности, основана на свободе, определяемой единством ответственности. Об этом слова М. М. Бахтина: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней». Единство искусства и жизни, выраженное ответственностью, предполагает и «вину друг за друга. Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов» [4, с. 8].

В качестве примера практической работы со студентами, ориентированной на актуализацию феномена понимания в их сознании, хотелось бы привести интерпретацию стихотворения Р. М. Рильке под названием «Творец» студенткой Е. А. Станкевич.

Р. М. Рильке:

«Не часто в жизни промчавшейся нежданно касался нас
тихонько к нам постучавшийся вечности творческий час;
как щемит и сжимается грудь, мы остались вдвоем:
„Ты мне другом единственным будь на пиру одиноком моем“» [8, с. 195].

Студентка пишет: «Первая мысль, посетившая мое сознание после прочтения стиха, что эти строчки посвящены уникальному состоянию, пребыванию души – вдохновению. „Вечности творческий час“… Как много этот час значит в жизни творческого человека, как от него все зависит, как меняется работа, ее смысл. Без стремления создать ничего невозможно! Или, наверно, возможно, но эта работа не принесет нам самим никаких плодов: ни теплоты в душе, ни чувства радости от проделанных трудов. Очень важно в жизни творческого человека пребывать в состоянии вдохновения, искать его повсюду, в самых банальных вещах, ситуациях. Это очень сложно. Все гениальное – в простом, я считаю, поэтому порой и бывает так сложно остановить свое внимание на каких-то простых, неброских вещах, но в них вся суть. „Нежданно касался нас тихонько к нам постучавшийся…“ – эти строки указывают о неожиданности „прихода“ этого удивительного состояния. Если оно посещает, то человека оно погружает с головой, сразу возникает милли-

он идей, и так хочется начать работу, но это невозможно, потому что оно пришло ведь неожиданно! Так происходит чаще всего, именно поэтому это так удивительно и никак не запланировано. Для художника важно иметь такого друга – вдохновение, музу творчества, а иначе это не искусство, а плановая штамповка работ. Настоящая творческая деятельность – это действительно пир, праздник, потому что погружаешься в нее полностью, всей душой. Но пир одинокий в силу того, что человек один на один с холстом или с листом бумаги. Он, казалось бы, один, но это приятное одиночество, когда ничто не мешает вложить все свои переживания в работу. Это очень ценно. Этому стоит учиться!».

Таким образом, процессы глобализации носят двойственный характер: внешний, определенный законами, нормами, содержанием которых является общезначимое и универсальное знание (онтический аспект), и внутренний, определенный свободой как ответственностью, которая носит нравственный характер, представленный виной (онтологический аспект). Либерально-демократическая модель западного образца ориентирована на внешне-собирательный уровень интеграции, которая является, по сути, механическим целым, состоящим из множества частей, между которыми нет онтологического единства и целостности. Однако этой модели есть альтернатива, которая основана на внутренней коммуникации, детерминированной творческой свободой, ответственностью, совестью. Безусловно, актуализировать эти феномены сознания человека трудно, и практически невозможно это сделать в условиях только образовательного процесса, обусловленного формальными стандартами, ориентированными на получение и усвоение общезначимых знаний, информации. Только воспитательный элемент, основанный на практике понимания текстов культуры в рамках преподавания цикла гуманитарных дисциплин, способен преобразовать сознание личности, осуществить создание внутренних духовно-нравственных связей, а на их основе общественной целостности, которая в современных условиях называется глобализацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евлампиев И. И., Куприянов В. А. Телеология против механицизма: две формы понимания общества и государства в русском либерализме // Философские науки. – 2016. – № 8. – С. 124–137.
2. Ковалева С. В., Волкова П. С. Правосознание: к вопросу о внешней и внутренней социальности // Национальное здоровье. – 2018. – № 4. – С. 124–127.
3. Ковалева С. В., Мастеров Д. В. Свобода и социальная гармония // Философия и культура. – 2017. – № 11. – С. 97–104.
4. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С.Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – Изд. 2-е. – М. : Искусство, 1986.– 404.

5. Ковалева С. В. Феноменальность акта Эго // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 7. – С. 93.
6. Голосовкер Я. Э. Логика мифа // Избранное: Логика мифа. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 499 с.
7. Рильке Р. М. Записки Мальте Лауридса Бригге. – М. : FreeFly, 2005.
8. Рильке Р. М. Творец // Предчувствие. – Харьков : ФОЛИО, 2009.

EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: ONTIC AND ONTOLOGICAL ASPECT

S. V. Kovaleva

The article examines the characteristics of the globalization process, which are of a dual nature: external, determined by laws, norms, the content of which is generally valid and universal knowledge (ontic aspect), and internal, determined by freedom as a responsibility represented by conscience (ontological aspect).
Globalization, education, freedom, ontic aspect, ontological aspect, liberal-democratic model, morality, conscience, integrity.

УДК 17+241

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ: ОПЫТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. А. Урюпина
marina-uryupina@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с пребыванием ограниченного контингента советских войск на территории Афганистана. Внедрение во внутренний конфликт, рассматриваемый в качестве гражданской войны, было обусловлено классово-идеологической моделью советского общества, по образцу которой необходимо было реорганизовать религиозно-средневековый уровень афганского населения.
Глобализация, классы, идеология, либерально-демократическая модель, Афганистан, религиозность, ислам, война, ограниченный контингент войск.

Проблемы глобализации, связанные с интеграцией всех сфер жизни общества, определенного различными государственно-политическими формами, являются актуальными в современном пространстве бытия человечества. Однако эти проблемы имеют свой исторический контекст, связанный с противостоянием и борьбой за лидерство двух идеологических систем, существовавших в середине – конце XX века. Речь идет об идеологии социализма, удаленной во времени целью развития которого являлась коммунистическая модель жизни, определенная лозунгом: «От каждого по способностям и каждому по потребностям», и идеологии либерально-демократического образца, целью кото-

© Урюпина М. А., 2021

рой было создание разнородного потребительского изобилия «здесь и сейчас». Противоборство двух мировых систем воплотилось во внешней политике двух сверхдержав того времени – СССР и США. В данной статье хотелось бы осветить ряд вопросов, связанных с особенностью ввода советских войск в Афганистан в 80-х г. прошлого века как процессе реализации борьбы за мировое господство системы социализма.

Как известно, государственная система СССР была построена на марксистско-ленинской идеологии о классовой борьбе, согласно которой существует только два социальных страта – класс трудящихся и класс буржуазии, господ. Противостояние между ними неизбежно, поскольку цели их существования прямо противоположны – буржуазия, ориентированная на улучшение собственной жизни, будет подавлять трудящихся социально-политическими средствами, вынуждая работать для создания сверхприбыли, распоряжение которой будет осуществляться бесконтрольно и неограниченно. Для избежания гражданских конфликтов необходимо уничтожить класс буржуазии (или хотя бы существенно его сократить) и построить новое социальное пространство, в котором все руководящие административно-политические посты будут занимать образованные пролетарии. Их способ жизни – ничего не иметь, «кроме собственных цепей» – является основой менталитета, классового мировоззрения, поэтому такие люди, управляя различными сферами государства, будут вначале «думать о Родине, а потом о себе».

Такая модель внутреннего государственного устройства, по сути, носит универсальный характер, потому что любое общество можно разделить на обозначенные категории. При этом какие-то уникальные формы существования народов всегда можно нивелировать, считать их погрешностями, которые умелой пропагандой сводятся на нет. Такое отвлеченное, идеологизированное представление о социальном устройстве существовало и в политических кругах СССР, и в массовом сознании населения, воспитанного за несколько десятилетий теорией и практикой марксизма-ленинизма.

Либерально-демократический образ был выражен идеологией массового потребительства, определяющей политику западных стран во главе с США. В условиях осуществления этого образа лежало представление о человеке, сформированное в материалистической философии французского и английского Просвещения. В системах ученых, принадлежащих к этому направлению, человек рассматривается как биосоциальное существо, имеющее определенный набор потребностей. Для наиболее полного их удовлетворения с целью сохранения стабильных социальных связей внутри страны необходимо создание Общественного договора, по которому управление передается государству, регламенти-

рующему весь комплекс возможных проблем. Такое понимание человека носит механистический характер, в котором либо вовсе не учитывается духовно-нравственный потенциал личности, либо этот потенциал сводится к формальной религиозности, управление которой опять-таки, согласно Общественному договору, возлагается на государство. Через контроль материальных ресурсов и обеспечение населения всевозможными потребительскими благами оно имеет возможность манипулировать массовым сознанием граждан, добиваясь от них поддержки той политики, которая выгодна представителям государственной власти.

Осуществление обозначенных выше социальных программ требовало от властей и той идеологической системы, и другой постоянного расширения влияния на иные государства для привлечения все новых и новых союзников, разделяющих соответствующие политике взгляды. В Демократической Республике Афганистан (ДРА), в течение XX века зарекомендовавшей себя в качестве добропорядочного соседа СССР, началась гражданская война, помимо прочих причин обусловленная желанием правящих кругов вывести «революционным скачком» население страны из бедности, безграмотности, соответствующих средневековым условиям существования, на уровень передовых стран. Обращение афганских революционных сил с просьбой ввести войска Советской армии на территорию Афганистана с целью уничтожения правящего режима Амина было поддержано правительством СССР. 25 декабря 1979 года произошел государственный переворот в ДРА с участием ограниченного контингента советских войск.

Официальная политика СССР объявила о том, что афганский народ добровольно принял решение – двигаться по пути строительства социализма, определенного марксистско-ленинской идеологией. Поддержка этого решения будет выражаться в совместной борьбе советского и афганского народа против власти моджахедов, которые, поддерживаемые империалистами США, стремятся сохранить население в бедности, в безграмотности, чтобы использовать их дешевый труд и ресурсы страны в целях капиталистического обогащения. Исходя из официальной версии ввода вооруженного контингента советских войск на территорию Афганистана, становится понятно, что поток первых военнослужащих, ступивших на территорию дружественной страны, был настроен оптимистично. По свидетельству Е. С. Сенявской, «в 1980 году советских солдат, положивших конец зверствам режима Амина, встречали цветами, и у них появлялось ощущение того, что им действительно рады» [1, с. 62].

Однако впоследствии стало очевидно, что идеологи-политики СССР неадекватно реальности оценили обстановку в дружественной стране и не учли религиозность основного населения, которая, опреде-

ленная исламским вероисповеданием, была переплетена с многовековыми народными традициями, характеризовавшими менталитет афганцев. При этом оказалось, что разделение общества на богатых моджахедов и бедных крестьян весьма условно и не играет существенной роли в характеристике отношений внутри страны. Как указывает И. С. Мавляутдинов, первостепенное значение в жизни любого мусульманина имеет его принадлежность к умме, через внутреннюю связь с которой с раннего детства формируется его личностная идентичность, выступающая онтологической основой мировоззрения. «Умма – это не только территориально локализованная община, – утверждает автор, – это глобальная общность людей, образ жизни которых управляется исламом, его ценностями, нормами и установками» [2, с. 34].

Таким образом, положение ограниченного контингента советских войск в ДРА оказалось двойственным. С одной стороны, военные, выступавшие на стороне правящей революционной партии, были «братьями», «классовыми союзниками» в борьбе против режима Амина и скрытно поддерживавших его американских империалистов, а с другой – являлись агрессором, вмешавшимся во внутренний конфликт – гражданскую войну, и тем самым способствовавшим консолидации разнородного афганского населения против себя как врага внешнего, идеологически посягнувшего на религиозное единство нации.

Как пишет Е. С. Сенявская, участие советских войск во внутреннем политическом конфликте привело к изменению его характера, потому что «противники центральной власти фактически объявили войну национально-освободительной и повели ее под религиозными знаменами. Факт появления чужеземных солдат исключительно свободолюбивым, независимым афганским народом был воспринят как иностранная интервенция. И чем активнее были советские военные операции в поддержку Кабульского правительства, тем сильнее возрастало сопротивление оппозиции, привлекавшей на свою сторону все более широкие слои населения» [1, с. 61]. Стремление официальной политической власти СССР оправдать пребывание ограниченного контингента войск идеологическими мотивами, тем самым расширив зону влияния социализма на Восток, оказалось несостоятельным, ибо религиозно-исламская целостность народа (и богатых его представителей, и бедных) имела фундаментальный характер. Политические и иные мотивы были внешними факторами, которые не укладывались в традиционно-исламскую парадигму афганцев и в силу этого отторгались всем обществом.

Уникальность ценностных установок мусульман определена особой социальной философией, основанной на Коране, в котором изложены принципы, характеризующие четкий порядок жизни и повседневно-

го бытия. Эти рациональные принципы, формирующие внутренние, личностные установки поведения человека, гармонично встроены в традиционный уклад, детерминированный национально-культурными особенностями быта. Однако, как пишет Е. С. Сенявская, афганцы открыты для новых предметов, техники, оружия, необходимых для удовлетворения насущных потребностей.

Возникает ощущение, что Афганистан – особая зона, живущая как бы в двух измерениях: по своему мировоззрению – это средневековье, а по уровню внешнего существования – цивилизованная страна. В своей книге автор приводит воспоминания рядового А. Г. Банникова, служившего в Афганистане в 1985–1986 гг.: «Конечно же, нашей первой точкой оказался базар. Мы словно попали в века минувшие: декхане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированные в стены, на корточках сидели то ли нищие, то ли хозяева этих магазинчиков... Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспорядочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи» [1, с. 63].

Можно сказать, что любое давление извне, ориентированное на изменение сознания афганцев-мусульман, стремление трансформировать основу их мировоззрения, созданную на базе исламского вероучения в единстве с традиционным культурным укладом жизни, обречено на провал [3]. Не важно, какими целями такое стремление мотивировано: будь то советской идеологией, основанной на классовой борьбе за счастье простого бедного народа и свержении с власти богатых, будь то либерально-демократической моделью современного образца, определенного принципами глобализации. Даже если с позиции виртуально-цифрового уровня XXI века такое мировоззрение оценивается как отсталое, средневековое, консервативное, оно укоренено в сознании многомиллиардного населения мира, поэтому является живым и деятельным, востребованным практикой их жизни. Перестроить его, изменить без воли каждого человека, исповедующего ислам, невозможно. Поэтому любые проекты глобализации: социалистически-идеологические или либерально-демократические – бездейственны.

Однако, как утверждает И. С. Мавляутдинов, договариваться представители мусульманского мира готовы, но на основе изменения внешних факторов, обусловливающих их бытование и существование на уровне житейской повседневности. Автор пишет, что «новые идеи или научные открытия принимаются исламом через поиск наиболее близкого им соответствия либо прямого подтверждения в собственном

культурном наследии, Коране и Сунне. Предлагается делать это постепенно, подстраивая культуры через смену поколений…» [2, с. 35]. Это важное условие вхождения представителей исламского мира в процессы глобализации заслуживает и понимания, и уважения.

Открытость новым возможностям, которые характеризуются информационно-компьютерной грамотностью, финансово-экономической компетентностью, медицинскими и образовательными проектами позволит предотвратить бедность, безграмотность, болезни. Безусловно, знание само по себе безотносительно к нравственным установкам личности, которые формируются воспитанием, традициями, культурой, религиозностью, однако оно поможет приспособиться к изменяющимся условиям цивилизации и занять в ней достойное место [4]. А для того чтобы новое знание гармонично встроилось в структуру архаичного мировоззрения, должно пройти время, смениться не одно поколение людей, прежде чем осознание необходимости интеграции станет достоянием большинства населения исламского мира.

Именно это главное условие вхождения любого, самобытного в своей национально-религиозной культуре, народа не учло советское правительство, принимая опрометчивое решение о вводе ограниченного контингента войск на территорию Афганистана. Стремление насильно сделать человека счастливым, а тем более целый народ, заведомо обречено на провал. В этом случае важно понимать, что универсальная модель организации общества является абстрактной и отвлеченной от основ уникальной и неповторимой в своей культуре жизни конкретного народа. Никакая революция не способна изменить сознание «здесь и сейчас», в момент настоящего на ограниченном пространстве бытия, но только длительный эволюционный путь, основанный на понимании необходимости глобальных изменений, имеющих значение в реальной жизни конкретных людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М. : Институт российской истории РАН, 1997. – 230 с.
2. Мавляутдинов И. С. Глобализация и ислам: противостояние и вовлечение // Вестник Вятского государственного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 3. – С. 33–39.
3. Ковалева С. В. Характеристика политической концепции свободы: двойственность и диалогичность // Кострома. Genus Loci : альманах / [сост. и отв. ред. А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – Вып. 3. – 2020. – С. 45–48.
4. Ковалева С. В., Мастеров Д. В. Свобода и социальная гармония // Философия и культура. – 2017. – № 11. – С. 97–104.

5. Ковалева С. В., Волкова П. С. Правосознание: к вопросу о внешней и внутренней социальности // Национальное здоровье. – 2018. – № 4. – С. 124–127.

WAR IN AFGHANISTAN: GLOBALIZATION EXPERIENCE

M. A. Uryupina

The article examines the problems associated with the presence of a limited contingent of Soviet troops on the territory of Afghanistan. The introduction into the internal conflict, considered as the Civil War, was due to the class-ideological model of Soviet society, following which it was necessary to reorganize the religious-medieval level of the Afghan population.

Globalization, classes, ideology, liberal-democratic model, Afghanistan, religiosity, Islam, war, limited contingent of troops.

УДК 101.3

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ

В. Н. Тарковский

wo-tark@yandex.ru

В статье анализируется природа и генезис современного философского мировоззрения как альтернативы религиозному и обыденному мировоззрениям. Рассматриваются процессы возникновения и преодоления кризиса мировоззрения в феноменологии и структурализме.

И. А. Дедков, кризис мировоззрения, современная философия, коммуникация, культура, судьба, идеология, мораль, перестройка.

Что вызывает у меня неподдельный интерес к дневниковым записям И. А. Дедков? Во-первых, автор из поколения моих родителей, образ жизни и ценности которых непосредственно связаны с переживаниями Отечественной войны («дети войны») и ее последствиями, участием в строительстве советского общества, а затем и в его перестройке. Мы наследники их духовной и материальной культуры. Во-вторых, моя уникальная сопричастность к его судьбе. И. А. Дедков после окончания университета приехал на службу в Кострому в 1957 году, а уехал в Москву в 1987. Вместе с семьей я после университета попал в Костромской технологический институт в 1989-м. Получается, что знаю Кострому, ее знаковые события и людей больше шестидесяти лет. Таким образом, судьба такого человека становится частью не только судьбы своего поколения, но и моей судьбы.

© Тарковский В. Н., 2021

Например: 27.08.87 состоялось открытие мемориальной доски в честь Алексея Митрофановича Стопани на здании лесомеханического техникума. Игорь Александрович вместе с вдовой – Марией Семеновной принимал непосредственное участие в мероприятии и передает характер разговора с ней [2, с. 499]. В нем Мария Семеновна объясняла Игорю Александровичу, что ими двигали личные мотивы, а не идеологические. Видя эту доску на улице Советской последние десять лет, ловлю себя на мысли, что бессознательно улыбаюсь. Это приятное ощущение связи времен и поколений, но еще больше нас связывают драматические главы нашей общей истории и культуры.

И. А. Дедков (1934–1994) пишет в дневнике 26.09.1991: «Иногда не могу понять, что со мной. Присоединиться бы к хору, проклинающему Ленина, революцию, Дзержинского и т. п., – к хору газетному, телевизионному, уличному, – а не могу. Давным-давно – в середине 60-х я думал про кровь революций и про то, что Россия и без Октября, с одним Февралем много бы достигла и была бы, стояла бы в мировой иерархии не ниже, чем советское государство. В самый раз бы подключиться к нынешним обличителям, а я вдруг думаю, что тогда все было так же непросто, как сейчас, и более того – во много раз сложнее, и чересчур легко воспринимать Дзержинского палачом и Ленина злодеем, вырывая их из обстоятельств и условий тех далеких дней, из их логики, невнятицы и т. п. Или кто-то из сегодняшних, обвиняющих, отлавливающих, прокурорствующих, гарантирован от втягивания в жестокость, от приспособления к ней? Боже, сколько героев, знающих как жить! Боже, где они были вчера? Боже, как неразвито, убого их воображение! Как грубо и бесцеремонно продолжают они худшее из опыта обличаемых своих предшественников!» [2, с. 535].

Двадцати восьми лет от роду, будучи базельским профессором, Ницше (1844–1900) писал, что есть времена великой опасности, когда появляются философы - когда колесо вращается все быстрее – они и искусство приходят на смену исчезающему мифу. То, что традиционный Китай называл «временем перемен».

Судьба людей, живущих в это время, имеет «мрачную и пессимистическую окраску». Причину такой «мрачности» он видит в неправильном понимании прогресса. Напомним, что идеология прогресса в социальной и политической жизни, взятая на вооружение западной цивилизацией, впервые была сформирована в эпоху Просвещения и до сих пор является ее краеугольным камнем.

«Время бежит вперед, а нам бы хотелось верить, что и все, что в нем, бежит также вперед, что развитие есть развитие поступательное. Такова видимость, соблазняющая даже самых рассудительных. Но де-

вятнадцатое столетие не есть движение вперед по сравнению с шестнадцатым; и немецкий дух в 1888 году есть шаг назад по сравнению с немецким духом в 1788-м. „Человечество“ не движется вперед, его и самого-то не существует. В общем аспекте оно напоминает огромную экспериментальную лабораторию, где кое-что, рассыпанное на протяжении всех времен и эпох, удается, и несказанно многое не удается, где нет никакого порядка, логики, связи и обязательности. Как можно не усмотреть, что возникновение христианства есть декадентское движение?.. Что немецкая Реформация есть вторичное появление в усиленной форме христианского варварства?.. Что революция разрушила инстинкт, влекший к великой организации общества?.. Человек не есть шаг вперед по отношению к животному; культурная неженка – выродок по сравнению с арабом или корсиканцем; китаец – тип удачный, а именно более устойчивый, чем европеец» [4, с. 56].

Каков механизм этого процесса с точки зрения современного философского мировоззрения?

Альфред Вебер (1868–1958), «дедушка» современной социальной философии, опираясь на структуралистский подход, рекомендовал: «В каждом культурно-социологическом анализе целесообразно различать сферы исторических процессов, а именно, проводить различие между общественным процессом, процессом цивилизации и движением культуры» [1, с. 8].

Альфред Щюц (1899–1959) – австрийский социолог, последователь Э. Гуссерля, создавая фундамент феноменологической социологии, сделал акцент на культуре. В социально-психологическом очерке «Чужак» (1944 г.) он предлагает модель объяснения кризиса мировоззрения как духовной способности на примере «взрослого индивида нашего времени и нашей цивилизации».

Основная причина такого положения вещей – человек вынужден в повседневной жизни (а в нашем случае речь идет о ее отражении в дневнике) опираться на негомогенное (обрывочное) знание. Оно (1) несвязно (жизненные планы, творческие, социальные роли и т. п.). (2) Обладает лишь частичной ясностью (избирательность в предпочтении). (3) «Вообще не свободно от противоречий» (нравственных, политических, экономических и т. п.) [5, с. 537]. Знание интерпретируется здесь с точки зрения прагматизма Уильяма Джемса (1842–1910).

Предполагается, что каждый человек, рожденный или воспитанный в группе, принимает заранее готовую стандартизированную схему культурного образца, вручаемую ему предками, учителями и авторитетами, как не подлежащее сомнению руководство для всех ситуаций, обычно возникающих в социальном мире. Это знание позволяет избе-

гать нежелательных последствий, достигать в любой ситуации минимальными усилиями наилучших ситуаций. Это описание генезиса обыденного мировоззрения или, например, «относительно естественного мировоззрения» по Максу Шелеру (1874–1928).

«Мышление-как-обычно» может поддерживаться «до тех пор, пока остаются истинными некоторые фундаментальные допущения:

(1) Жизнь «особенно социальная» продолжает оставаться такой же и прежнего опыта вполне достаточно для решения проблем.

(2) Мы можем полагаться на знание, переданное нам нашими родителями, учителями, властями, традициями, привычками и т. д.

Как только одно из этих допущений не выдерживает проверки, привычное мышление перестает работать. Возникает «кризис», который прерывает поток привычки и создает измененные состояния сознания и практики. «Или как мы могли бы сказать, мгновенно опрокидывает всю действующую систему релевантностей». Культурный образец перестает функционировать, то есть сфера его применимости ограничивается конкретной исторической ситуацией.

Речь идет не о кризисе среднего возраста или переходного периода, как в Википедии, а о кризисе, как минимум, поколения, этноса, а то и биологического вида в целом.

Современный вариант коммуникативного подхода, пришедшего на смену деятельностному подходу, например Никлоса Лумана (1927–1998), видит в культуре выученные коммуникативные паттерны. Они включают телевизоры, проколотые уши и носы, ругательства, обхождение с женщинами и прочее, все, что оказывает влияние на социальную сферу посредством языка (идеи). Социальная сфера и язык отражают реальность, в которой идеологии уже имплицированы (намекаются). Поэтому смена реальности это прежде смена идеологий. Тот же Альфред Вебер как несовместимые характеризовал идеологии («религии») буржуазную и советскую. Именно россиянам пришлось пройти такой Рубикон в 1993 и предшествующей ему перестройки. (Можно сравнить с современным противостоянием Россия – Запад.)

Н. Луман предполагает, что современные проблемы общества и прежде всего западного лежат в его идеологии. Фундаментом этой идеологии в отличие от других является «самоописание общества в его староевропейской традиции, т. е. греко-римско-христианским идейным наследием».

Начало кризиса было положено проблемой видения реальности. Мир состоит из видимых и невидимых вещей. Проблема бытия/небытия, выражаясь на традиционном философском языке. В европейской же традиции эта проблема начинает отсчет с введения в систему образования термина «онтология» в 1613 г.

После И. Канта различение вещь/метод познания закрывает прежнее доминирующее различение между бытием и небытием. Теперь можно принять существование некоторого вечного времени («Порядка») и преходящего времени («Судьбу»). Строгое знание = episteme; знание-мнение = doxa.

Современное мировоззрение, сформированное в рамках городской коммуникации, разделяет реальность на центр/периферия. Например: мы вынуждены определяться с предпочтением однополярного политического мира или многополярного?

Томас Манн (1875–1955) в эссе «Философия Ницше в свете нашего опыта» характеризовал Ф. Ницше как «зарвавшегося». Своим читателям он поясняет: «Слово «зарваться», употребляемое ныне для выражения понятий морального и духовного порядка, заимствовано из языка альпинистов, где оно обозначает такую ситуацию, когда уже невозможны ни восхождение, ни спуск, и альпиниста ожидает неминуемая гибель» [3, с. 297].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб. : Университетская книга, 1999. – 565 с.
2. Дедков И. А. Дневник 1953–1994. – М. : Прогресс – Плеяда, 2005. – 499 с.
3. Манн Т. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / пер. с нем. В. Бакусева и др. – Изд. 2-е. – М. : Культурная революция, 2014. – (Классики современности). – 368 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти : пер. с нем. – М. : АСТ, 2019. – 480 с.
5. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

THE FATHE OF A PERSON IN CULTURE

V. N. Tarkovsky

The article analyzes the nature and genesis of the modern philosophical worldview as an alternative to religious and everyday worldviews. The processes of the emergence and overcoming of the crisis of worldview in phenomenology and structuralism are considered.

I. A. Dedkov, M. K. Mamardashvili, modern philosophy, personality existentialism, phenomenology, morality, morals, perestroika.

УДК 811

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР КАК СРЕДСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСА ПОВСЕДНЕВНОСТИ)

О. Н. Путина
onputina@mail.ru

В статье обсуждается один из аспектов процесса языковой глобализации – функционирование дискурсивных маркеров английского языка в дискурсе повседневности русского языка.

Глобализация, английский язык, русский язык, дискурсивный маркер, функция, дискурс повседневности.

Потребность в глубоком научном осмыслении природы процесса глобализации с точки зрения лингвистики представляется особенно актуальной в XXI веке. Язык как средство коммуникации традиционно считается одним из основных индикаторов состояния общества в целом, поэтому любые общественные трансформации прежде всего фиксируются в языке.

Глобализация – это «сложный многомерный процесс, проявляющийся в экономической, политической, информационной и культурной универсалии, когда территориальность исчезает как организующий принцип социальной и культурной жизни» [6, с. 13].

Термин «глобализация» впервые появился в середине XX века в работах канадского философа и культуролога М. Маклюэна, который ввел понятие «глобальной деревни» (global village) и полагал, что развитие средств массовой информации может привести к стиранию времени и пространства. Он предсказал, что глобализация неизбежно вызовет культурную интеграцию, станет мощным орудием воздействия на национальные культуры и языки [1, с. 124]. Действительно, сегодня можно утверждать, что «мир вступил в эпоху коммуникативного сдвига (communicative shift), суть которого состоит в объективной необходимости национально-англоязычного билингвизма» [4, с. 84]. В силу определенных исторических причин именно английский язык выполняет сегодня функцию языка международного общения, своего рода «lingua franca» мирового сообщества эпохи глобализации.

Наше исследование касается *диалогического дискурса повседневности*. В отличие от других видов дискурса *диалогический дискурс повседневности* является наиболее частотным, характеризуется неинституциональными принципами объединения участников, локальностью целей, открытостью тематической структуры, наличием свободных психологических установок участников дискурса, первичностью коммуникативных стратегий и жанров речевого общения, а также особой интертекстуальной

© Путина О. Н., 2021

активностью и высоким уровнем вариативности [7, с. 51–52]. В качестве примера диалогического дискурса повседневности можно привести непринужденный разговор находящихся в достаточно близких отношениях людей (родственников, друзей, знакомых, коллег и т. д.), в котором оформляются и переоформляются социальные связи, отношения, чувства, мысли. В таком взаимодействии люди открыто демонстрируют черты характера, выражают свои убеждения, эмоции, влияют друг на друга.

Диалогический дискурс повседневности полиинтенционален и политематичен, рассматривается как тип речевого взаимодействия в различных коммуникативных контекстах. Дискурсивные маркеры функционируют как важные элементы такого рода дискурса. По мнению Е. Ю. Викторовой, дискурсивные маркеры являются классом слов с уникальными формальными и прагматическими возможностями, с высокой частотностью употребления и транскатегориальным характером. Единственный критерий их выделения – функционально-прагматический [3, с. 14–21]. Дискурсивные маркеры обладают следующими признаками: гетерогенностью, подвижностью, дифффузностью, функционально-прагматическим синкретизмом, полифункциональностью, универсальностью употребления, клишированностью и динамизмом.

Дискурсивные маркеры функционируют в разных языках, жанрах и типах дискурсов, и их прагматические функции актуализируются в контексте. Именно повседневная речь особенно богата дискурсивными маркерами, играющими важную роль в регулировании потока диалога и передачи взаимоотношений участников коммуникации. А. А. Кибрик добавляет когнитивный аспект в описание данных единиц: «дискурсивные слова – это специальные слова, помечающие структуру речи, ментальные процессы говорящего, отражающие контроль над ментальными процессами адресата и пр.» [8, с. 9].

Для иллюстрации влияния процесса глобализации приведем примеры функционирования дискурсивных маркеров *okay, wow, blahblahblah / окей, вау, бла бла бла* в английском и русском языках в диалогическом дискурсе повседневности.

В английском языке *Okay / OK* имеет следующие значения*: yes; all right; used to attract somebody's attention or to introduce a comment; used to check that somebody agrees with you or understands you; used to stop people arguing with you or criticizing you,* что может быть проиллюстрировано примерами:

– *Shall we go for a walk? –* ***OK****.*

– *The meeting's at 2,* ***OK****?*

– *I'll do it my way,* ***OK****?*

– ***OK****, so I was wrongI'm sorry* [9].

В русском языке *окей* – американское общеупотребительное выражение, ставшее международным, означает: *ладно; да; все в порядке; хорошо; правильно*. Из Америки оно распространилось по всему миру, используется для одобрения или подтверждения чего-либо; может означать: *модный, престижный, относящийся к высшему классу; есть!, идёт!, ладно!, хорошо!* В 2015 году оно стало самым употребляемым и известным в мире [5]. В русском языке существуют синонимы, а также близкие по смыслу слова и выражения к слову *«окей»: спасибочки, спасибо, ништяк, ладно, пожалуйста, нормалёк, лафа, ладушки, красота, славно, чудно, здорово, неплохо, замечательно, чудесно, обалденно, добротно, знатно, круто, покат, завал, тип-топ, нормально, неплохо, хоккей, отлично, в ажуре, в порядке, первоклассно, хорошо* [5], например:

– *Эммм, странный ты... ну,* ***окей****, я подойду* [2].

– *Но тяжело только в первый месяц, если выжил и не поехала крыша, значит* ***окей****, привыкнешь* [2].

– *А у тебя всё всегда* ***окей****, – тоже с издёвкой сказал я. – В кутузку уволокли – прекрасно, по морде дали – замечательно* [2].

В английском языке *wow* означает: *used to show that you are very surprised or impressed by somebody/something*, например:

– ***Wow****! You look terrific!* [9]

– *Oh,* ***wow****, like you've never done that before* [10].

– *Mommy, look what I made. – Oh,* ***wow*** [10].

– *Sal,* ***wow****, you'repregnant!* [10]

В русском языке есть аналог *вау* – англо-американское междометие, употребляемое при радости, удивлении, восторге (вроде русского *«ух ты!»)* [5].

Для *вау* синонимичными являются следующие слова и выражения*: блин, атас, просто класс, вот это да!, держите меня семеро, с дуба рухнуть, матерь божья, отличная новость, полный аут, умереть не встать* [5].

В качестве функционирования *вау* в русском языке приведем следующие примеры:

– *И характер у москвичей также портится. Всё какие-то «****вау****», «упс» – как будто мы в Нью-Йорке, что ли* [5].

– *Дом был просто* ***вау****!* [5]

– *Некоторое количество денег на счёту есть, не прям* ***вау*** *и озолотиться, но есть* [5].

– *Я так рад тебя встретить* ***вау****, ты выглядишь... супер* [10].

В английском языке *blah blah blah* означает*: people say blah, blah, blah, when they do not want to give the exact words that somebody has said or written because they think they are not important or are boring,* например:

– *They said, «Come in, sit down,* ***blah, blah, blah****, sign here»* [9].

– He left side of a contract: "It is agreed that the insurance company, ***bla bla bla, bla bla bla, bla bla****..."* [10].

В русском языке его аналог *бла бла бла* означает *«что-либо понятное, тривиальное, очевидное; что-то пустое, бессмысленное»*, например:

– И все любые толкования насчет справедливости и равноправия – это только ***бла-бла-бла*** [2].

– Я думал, ты сейчас скажешь что-то наподобие: «И мы ведь даже не в отношениях, в таком случае мы могли бы уступить друг другу, потому что любили бы друг друга и ***бла бла бла****»* [5].

– А она мне на это отвечает, что это не она и ***бла бла бла****, и десять, и двадцать* [5].

Лексические единицы *окей, вау* и *бла бла бла*, которые мы относим *к* дискурсивным маркерам, изначально вошли в русский язык из английского и считались неологизмами, модными словами (vogue words), словами жаргонной лексики молодежи и студентов (buzz words, catch phrases). Чаще всего подобные единицы имеют недолгую жизнь в языке, но данные маркеры закрепились надолго, вошли в повседневный русский диалогический дискурс.

Мы полагаем, что их необычность, безусловно, до сих пор ощущается носителями русского языка. *Окей, вау* и *бла бла бла*, несмотря на длительность употребления в повседневном дискурсе русского языка, по-прежнему имеют оттенок новизны, актуальности, уникальности и привлекательности. В данном случае английский язык как один из самых динамичных языков в мире, каждый день пополняющийся новыми словами, обогатил повседневную русскую диалогическую речь, с помощью новых маркеров позволил выразить такие прагматические значения как акцентирование, благодарность, восхищение, одобрение, радость, согласие, удивление, утверждение и др. Здесь процесс глобализации затронул самый подвижный ярус языковой системы – лексический.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бессарабова И. С. Глобализация в современном мире. – СПб. : Библиотека, 2003. – С. 124.
2. Викисловарь. – URL : https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BD%D1%83 (дата обращения: 25.06.2021).
3. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14, вып. 3. – С. 14–21.
4. Кабакчи В. В. Английский язык межкультурного общения – новый аспект в преподавании английского языка // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 6. – С. 84.
5. Карта слов и выражений русского языка. – URL: https://kartaslov.ru (дата обращения: 25.06.2021).
6. Миронов А. В. Социально-гуманитарное образование сегодня: проблемы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 3. – С. 13.

7. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 4. – С. 41–52.
8. Kibrik A. A. Dynamics of attention focus in narrative discourse: The Plural case // Languages of the world. – 1992. – No 4. – P. 4–12.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 25.06.2021).
10. ReversoContext Контекстный словарь. – URL: https://context.reverso.net (дата обращения: 25.06.2021).

DISCOURSE MARKERS AS MEANS OF GLOBALIZATION (ON THE EXAMPLE OF EVERYDAY DISCOURSE)

O. N. Putina

The article focuses on one aspect of the process of linguistic globalization – the functioning of English discourse markers in everyday Russian discourse.

Globalization, English language, Russian language, discourse marker, function, everyday discourse.

УДК 811

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О. В. Байбурова
olga3079@mail.ru

В статье обсуждается один из аспектов процесса языковой глобализации – проникновение англицизмов в русский язык.

Глобализация языка, английский язык, русский язык, англо-американизмы.

Широко обсуждаемой тенденцией развития современного мира является глобализации. В «Большой Российской энциклопедии» *глобализация* (от лат. *globus* – шар) определяется как «современный этап интернационализации международных отношений, экономических, политических и социокультурных процессов, отличающийся особой интенсивностью. Наиболее очевидные проявления глобализации – консолидация единого мирового рынка, активное развитие межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, расширение денежных, товарных и людских потоков, ускоренная адаптация социальных структур к динамичным экономическим процессам, культурная универсализация, становление всеобщего информационного пространства на базе новейших компьютерных технологий» [1].

Глобализация – явление противоречивое, любой из ее аспектов оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на судьбы отдельных народов и мира в целом. Так, расширение людских потоков – это,

© Байбурова О. В., 2021

с одной стороны, развитие туризма, повышение академической мобильности, расширение научно-технического сотрудничества, но, с другой стороны, – это потоки беженцев, увеличение числа межкультурных конфликтов, ухудшение отношений между бедными и богатыми странами и т. д. [2].

Значимая особенность эпохи глобализации – интенсификация языковых контактов [3]. Процесс глобализации часто называют «американизацией» [4] или даже «макдональдизацией» [5], поскольку именно США оказывают наибольшее влияние на международные отношения, и английский язык (прежде всего, американский английский) прочно удерживает статус языка международного общения.

Во многих школах и вузах России английский язык становится обязательным иностранным языком, часто единственным, он же является языком поп- и рок-культуры, Голливуда, средством общения в «электронной деревне» [6, с. 302]. Поскольку молодежь традиционно считается наиболее открытой для ценностей глобального общества, с готовностью использует слова из разных языков и осваивает компьютерные технологии, не удивительно, что именно в интернет-коммуникации особенно ярко проявляется влияние английского языка.

«Глобализация языка – это процесс, в ходе которого все формы языковой системы преобразуются в единую глобальную языковую систему» [7, с. 358], или процесс взаимопроникновения языков [8, с. 74]. В настоящей работе мы рассмотрим один из аспектов языковой глобализации – активное распространение английского языка в России и проникновение англицизмов в русский язык.

Выделяют три основных способа вхождения англо-американизмов в русский язык: трансплантация, т. е. использование заимствованного слова с сохранением его графического и орфографического облика (например, WWW – глобальная гипертекстовая система Интернет) [9], транслитерация, или передача английского слова буквами русского языка (например, *скриншот* от англ. *screenshot* – снимок экрана, *лузер* от англ. loser – неудачник, слабый игрок, *читер* от англ. *cheater* – обманщик, нечестный игрок, *клан* от англ. *clan* – клан, сообщество игроков) [10, с. 63], и калькирование, т. е. замена составных частей лексической единицы (морфем или слов в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в языке перевода (например: *дефаться* от англ. *to defend* – защищать; *сейвить* от англ. *to save* – защищать, в значении защищать, защищаться; *рашить* от англ. *to rush* – торопить, ринуться, в значении атаковать стремительно, всем вместе) [11, с. 12].

Эта тенденция прослеживается как в онлайн-играх, так и при общении в социальных сетях и на форумах, где часто можно встретить слова *сори* (от англ. *sorry* – извини!), *плиз* (от англ. *please* – пожалуйста), *лол* (акроним от *Laughing Out Loud*, что переводится как «громко смеясь»

или «громкий смех»), *чекай* (от англ. *to check* – проверять, пришедшее на смену «зацени», т. е. «смотри, что у меня есть»), *флексить* (от англ. *to flex* – выпендриваться, хвастаться), *чилить* (от англ. *to chill* – релаксировать, отдыхать), *дебажить* (от англ. *debug* – отладка кода).

Общение в интернете представляет собой гибридную форму речи: «с точки зрения структурных характеристик – это устная речь, но при этом формально она остается письменной» [11, с. 12].

Как отмечает Е. А. Картушина, исследующая особенности финского молодежного жаргона, «в интернет-коммуникации английский язык выступает и как способ формирования идентичности – для большого количества в качестве так называемых интернет-ников для общения на форуме выбирается английское слово или словосочетание. Встречаются также и смешанные заимствования (blending) – одним из компонентов которых является английское слово, а другим – финское» [3, с. 122].

На наш взгляд, та же тенденция очевидна и для русского языка, и, вероятно, для большинства других языков. Например, среди игроков онлайн-игры World of Tanks Blitz [12] от компании Wargaming.net и на официальном форуме игры World of Tanks [13] практически не встречаются русскоязычные ники. Многие участники выбирают английское слово или словосочетание (FreeBlind, Redgremlin, FaceMcShooty, MonkAlex, EQUITES, CoolBoy, Shadowbeast, Chaos_Knight, Tube_Alloy, PsychoShogun, Honour AndFame, Scoutmaster, Residue, superhunter1979, Gonna_Like, GreatPEST), сочетание английского и русского слова (Sausage_tankist_09, Kvant Graviton, mr_serjik, master_tolik, Shurikdoom, Himick_Frost), транслитерируют свое имя с русского языка на английский с добавлением цифр или символов (GrishutkaV, Kirullia, Sergo_lee, Stanislav__khab, sanya0154, Evgen 230188, Sergey_126_Ru, mityai2020), полностью или частично транслитерируют какое-либо русское слово или словосочетание (PvP_My4eHHuk, kapamba, tot_samiy_Rak,NE_HIRURG, Agrokotik, SorviBashnu, Matan4ik). Вероятно, это вызвано стремлением соответствовать условиям «глобальной интернет-деревни», в которой чаще всего «говорят» по-английски.

По мнению выдающегося отечественного лингвиста С. Г. Тер-Минасовой, процессы глобализации являются «основным разрушителем языков и культур» [6, с. 311], а английский язык признается основной угрозой для существования других языков [14]. Проникновение и принятие чужой культуры на примере России можно объяснить «эффектом запретного плода (годы изоляции от «капиталистического мира»), помноженным на отсутствие иммунитета» [6, с. 312]. В культуру России проникает культура и идеология США, великий и могучий русский язык постоянно пополняется словами из английского языка, часть из которых надолго закрепляется в лексической системе. Такие слова как *топ-модель, имидж, сканер, Интернет, веб сайт, маркетинг, голкипер, презентация, фристайл, сно-*

уборд, блогер, онлайн и многие другие прочно вошли в наш лексикон и понятны большинству носителей русского языка.

Другая часть англицизмов понятна лишь отдельным группам россиян, причем встретить англо-американизмы можно абсолютно везде. Вот лишь несколько фраз, которые я услышала за последнее время: специалисты по дизайну ногтей обсуждали, обязательно ли «*бафить* ногти перед *топом*» (т. е. шлифовать искусственную поверхность ногтевой пластины с помощью специального инструмента в виде маленького блока с абразивностью до 100 грит перед нанесением верхнего покрытия), друг-программист в телефонном разговоре с коллегой пожаловался, что ему «не ясен *воркфлоу* и когда будет *релиз*» (т. е. непонятно, как будет организован рабочий процесс, и не известно, когда разработанное программное обеспечение будет выложено в продуктивную эксплуатацию), а в фитнес-клубе названия большинства групповых программ перевели на английский язык, и администратору приходится объяснять клиентам, что тренировка «*SuperABS*» – это интенсивный класс для проработки мышц *core*, а core – это пресс, спина и ягодицы. В некоторых случаях понять смысл русской фразы не помогает даже владение английским языком, требуется еще и знание специальной лексики.

И. М. Некипелова замечает, что развитие литературного и государственного языка (искусственная глобализация языка) невозможно без языковой стандартизации и формирования ядра языка, «состоящего из такого набора языковых элементов, которые будут понятны всем носителям языка» [7, с. 356]. «В том случае, когда искусственная стандартизация языка начинает сдерживать естественное развитие языковой системы … ученые фиксируют загрязнение языка и низкую языковую культуру населения. Но это лишь результат расхождения стандартов, потребностей общества и требований к владению языком» [7, с. 356]. Кроме того, образованный носитель русского языка прекрасно понимает, какую лексику уместно использовать на форумах и в молодежном кругу, но не следует употреблять в устной и письменной академической и деловой коммуникации. Стремление использовать отдельную группу слов в определенных ситуациях можно объяснить процессами полицентризма, противостоящими центризму в языке: играя в онлайн игру, человек стремится быть понятным пользователям, с которыми он общается, подстраивается под нормы данного коллектива, а значит, сознательно использует стандартную для данной сферы лексику. С этой точки зрения, употребление большого числа англицизмов при общении становится обоснованным. В этом случае речь не идет о низком уровне образования, незнании норм и правил русского языка до тех пор, пока язык компьютерного общения, а вместе с ним и чрезмерное употребление заимствованных слов, не переходит в повседневную, учебную, профессиональную сферу.

Глобализация языка – неизбежное следствие современной реальности. Новый этап развития русского языка, испытывающего мощное влияние английского языка, – это не только проблема, но и фактор усиления богатства и разнообразия русского языка. Англо-американизмы не всегда засоряют родной язык, в некоторых ситуациях их использование является средством самоидентификации личности и приобщения к традициям социальной или профессиональной среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большая Российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/sociology/text/2364517 (дата обращения: 25.06.2021).
2. Дробот Г. А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-ponyatie-etapy-protivorechiya-otsenki (дата обращения: 26.06.2021).
3. Картушина Е. А. «Глобальное» и «локальное» в лингвистическом измерении (к постановке проблемы) // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 17. – С. 116–123.
4. Покровский Н. Е. Глобализация и высшее образование в России // Университетский ученый в «мультиверсуме» культуры. – М., 2002. – С. 23–24.
5. Ritzer G. The McDonaldization. – London, 1998.
6. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. – М. : Слово, 2008. – 341 с.
7. Некипелова И. М. Глобализация языка: неизбежность или необходимость? // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 3(47). – С. 351–363.
8. Баландина Л. А., Ганина Е. В. Лингвистические аспекты глобализации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2016. – № 3(23). – С. 73–84.
9. Кузьмина Н. А., Макарова О. С. Трансплантация как способ заимствования новейших англо-американизмов (по материалам современной молодежной прессы) // ОНВ. – 2008. – № 5(72). – С. 130–134.
10. Тимофеева Г. Г. Новые английские заимствования в русском языке. – Рязань : Юна, 1995. – 108 с.
11. Буркова С. С., Дергабузов А. И. Англицизмы в современном русском интернет-языке // Актуальные проблемы филологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). – Казань : Молодой ученый, 2018. – С. 11–13.
12. Онлайн-игра World of Tanks Blitz. – URL: https://ru.wotblitz.com (дата обращения: 25.06.2021).
13. Официальный форум игры World of Tanks. – URL: http://forum.worldoftanks.ru/ (дата обращения: 25.06.2021).
14. Trabant J. Umzug ins Englische. Über die Globalisierung des Englischen in den Wissenschaften. – URL: http://web.fu-berlin.de/phin/phin13/p13t5.htm (дата обращения: 25.06.2021).

LEXICAL MEANS OF GLOBALIZATION IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

O. V. Baiburova

The article discusses penetration of Anglo-Americanisms into the Russian language as one aspect of linguistic globalization.

Linguistic globalization, English language, Russian language, Anglo-Americanisms.

ꕥ

Раздел 3

Диалектика локального и глобального в русской духовной культуре

УДК 94(470)

ДИСКУССИЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ В КОСТРОМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ИВАНУ СУСАНИНУ И МИХАИЛУ РОМАНОВУ: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Зябликов
a.zyablikov@yandex.ru

В статье анализируется состояние современной полемической культуры на примере дискуссии о восстановлении в Костроме исторического памятника Ивану Сусанину и Михаилу Романову. Выявляются типичные логико-речевые ошибки, уловки и манипулятивные приемы, характеризующие современное публичное пространство.
Логико-речевая ошибка, софистическая уловка, манипулятивный прием, виды аргументации, социокультурный контекст, логический закон, фразеологическая единица.

Несколько лет назад на одной научной конференции выступающий огорошил публику неожиданным суждением: *«Как известно, Владимир Соловьев был беспринципным человеком».* Пока слушатели переводили дух и пытались ухватить смысл сказанного, оратор развил свой тезис и предложил в качестве нравственной альтернативы автору «Оправдания добра» круг идей другого мыслителя порубежной эпохи, имевшего куда более неоднозначную репутацию морально «невменяемой» личности. Оратор применил известную и – надо признать – весьма действенную софистическую уловку, суть которой в том, что далеко не бесспорное частное мнение выдается за точно установленный и всеми признанный факт.

Развернувшаяся в конце 2020 г. дискуссия о восстановлении в Костроме исторического памятника Ивану Сусанину и Михаилу Романову (установлен в 1851 г.) – еще один повод задуматься о сомнительных приемах убеждения и аргументации, формирующих интеллектуальную

© Зябликов А. В., 2021

и эмоциональную основу современного публичного пространства. Сосредоточимся на риторических кондициях названного спора, который типичен для общественного обсуждения проблем, в решение которых оказываются вовлечены местные жители и региональные власти.

Несомненно, многие логико-речевые ошибки, возникающие в ходе полемики о необходимости возрождения разрушенного после революции 1917 г. монумента, проистекают из некомпетентности некоторых участников диалога. Эти погрешности рождены незнанием важных исторических реалий и обстоятельств, непониманием социокультурного контекста, простодушным доверием к мнению «эксперта» и столь же искренним недоверием к любым чиновным инициативам. Так возникает классическая риторическая ошибка, которую называют «потерей тезиса»: *«Памятник не нужно восстанавливать, потому что в Костроме слишком много разбитых дорог и обшарпанных фасадов».* Спор о том, нужно ли восстанавливать историческую справедливость, спонтанно перемещается в плоскость пересудов об инфраструктурной неустроенности города и о бесчисленных коммунальных проблемах, которыми костромичи завалены с головой. «Потерю тезиса» не нужно путать с «подменой тезиса» – вполне осознанной, манипулятивной по цели логической рокировкой: *«Памятник не нужно восстанавливать, потому что неизвестно, из чьего кармана будут взяты деньги на этот проект. Судя по всему, из нашего».* Таким ненавязчивым способом спонтанное предположение горожан о реализации проекта за счет и без того скудного городского бюджета обретает концептуальное очертание злокозненного умысла власти, которая, вместо того чтобы «закупить медицинское оборудование для больниц», тратит деньги на никому не нужные дорогостоящие и помпезные мероприятия. Важная деталь: участники дискуссии были посвящены в то обстоятельство, что выделяемые на восстановление памятника средства являются целевым взносом частного лица и нескольких благотворительных организаций. Таким образом, эти деньги, во-первых, не имеют никакого отношения к региональному бюджету, а во-вторых, не могут быть потрачены на обустройство детских площадок или на закупку канализационных люков. Возможность для апагогического доказательства (суть его в том, что временно допускается истинность противоречащего тезиса, а потом вытекающие из него следствия разоблачаются как не согласующиеся с реальностью) дезавуируется здесь заведомым передергиванием фактов.

Еще одна типичная логическая ошибка, которая незаметно переходит в софистическую уловку, связана с «предвосхищением основания» – то есть с использованием аргументов, которые, не будучи заведомо ложными, сами нуждаются в доказательстве [1, с. 148]. Вот ти-

пичный довод, который приводят противники восстановления исторического объекта: *«Памятник работы В. И. Демут-Малиновского не представляет никакой художественной ценности».* На чем основывается это суждение, обескураживающее своей агрессивной безапелляционностью? На каких экспертных заключениях? Вот, к слову, одно из них, принадлежащее искусствоведу Евгению Белову, который в 1913 г. опубликовал очерк о Костроме: «Памятник строгий и торжественный, работы талантливого Демут-Малиновского, мог бы служить украшением и не грязной костромской площади, окруженной торговыми рядами и невысокими приземистыми домами» [2, с. 68]. По мнению автора, для маленького провинциального города памятник даже слишком хорош! То, что за его создание взялся выдающийся русский скульптор, произведения которого украшают улицы и дворцы Санкт-Петербурга, – факт, мимо которого нельзя пройти безучастно.

Еще один довод, заставляющий сомневаться в его истинности: *«Памятник Сусанину и Романову не вписывается в общий план Сусанинской площади, задуманный П. И. Фурсовым».* Слушатель сразу представляет себе некий не подлежащий правке чертеж на пожелтевшей от времени бумаге, завизированный губернским архитектором Петром Ивановичем Фурсовым и, возможно, самим императором Николаем I. Сопоставим даты: Фурсов служил губернским архитектором с 1822 по 1831 г. – девять лет. Периметр Сусанинской (до июня 1835 г. она называлась Екатеринославской) площади начал формироваться в конце XVIII столетия. Строительство Красных рядов, оформивших юго-восточный рубеж площади, завершилось в 1793 г. – до рождения П. И. Фурсова. В начале XIX в. несколько зданий, возведенных по проекту архитектора Н. И. Метлина, очертили северную и восточную границы площади. Приведем выдержку из книги «Старая Кострома» авторитетного краеведа Виктора Бочкова: «Однако в 1830-х годах облик площади еще не сформировался окончательно – она выглядела слишком пустынной. Не хватало какого-то сооружения, которое объединило бы в единый ансамбль все восемь полуокруживших площадь зданий. Таковым необходимым сооружением оказался памятник Сусанину» [3, с. 22]. Последний штрих был внесен в конце XIX в.: в центре, возле Романовского столпа, был разбит сквер, названный Сусанинским. Таким образом, облик площади формировался на протяжении более чем столетия. Довод о якобы нарушенном замысле П. И. Фурсова рождает странные подтексты: люди, которые в середине XIX в. затевали возведение памятника, выглядят как злонамеренные осквернители прекрасного, а большевики, снесшие монумент, напротив, оказываются поборниками архитектурной гармонии и ревнителями чистоты градостроительных замыслов.

Давно известен и такой спекулятивный прием, как гипотеза, подменяющая факт: *«Восстановление памятника не увеличит поток туристов в регион».* Умозаключение, демонстрирующее характерную для нашего прагматичного времени аберрацию сознания. Мы тоже выдвинем смелую гипотезу: древние египтяне возводили пирамиду Хеопса с целью повысить туристическую привлекательность долины Нила.

Серьезной риторической проблемой является нарушение закона достаточного основания, в частности, логико-речевая ошибка «не следует» (non sequitur) [4, с. 10]. Суть ее в том, что доказываемая мысль никак не вытекает из предложенного аргумента, хотя сам аргумент можно принять как истинный. Таково высказывание: *«Памятник плох, потому что это продукт идеологии».* Является ли одно следствием другого? Любой монумент, связанный с историческими деятелями или событиями, в той или иной мере идеологически окрашен. Конечно, костромской памятник Романову и Сусанину – тоже. Однако он «идеологичен» не более, чем Медный всадник в Петербурге или памятник Тысячелетию Руси в Великом Новгороде.

Симптоматично, что разговор об идеологическом содержании памятника временами придает дискуссии ненужную эмоциональную взвинченность, а то и вовсе переходит в демонстрацию умственных фальсификаций и демагогических заявлений. Некоторые диспутанты охотно повторяют тезис о «ложной» идее, которую якобы несет памятник: *«народ стоит на коленях перед верховной властью».* Образ – для неискушенного сознания – действительно, порочный. Однако к реальности он не имеет никакого отношения, поскольку русский крестьянин изображен в молитвенной позе: в смертный свой час он обращает голос и взор к Господу. Эта очевидная и концептуально значимая подробность осознанно оставляется без внимания, образ искусственно огрубляется, искажается, дополняется несуществующими коннотациями, нагружается вульгарными смыслами, и в результате рождается сомнительная констатация: *«творение В. И. Демут-Малиновского возвеличивает не патриотизм, а деспотизм».*

Довод, подменяемый пафосом, – еще один расхожий полемический прием [5, с. 32]. Таков внешне эффектный, но антиисторичный и демагогический по своей сути лозунг: *«Русский мужик ни перед кем не должен стоять на коленях!»* В каком социокультурном и мировоззренческом измерении берется здесь «русский мужик»? Тем более мужик начала XVII столетия! Какими критериями измеряется в данном случае благочестие русского крестьянина, его представление о служении, долге и человеческом достоинстве? Всегда ли «стояние на коленях» (к слову, Сусанин стоит на одном колене) означает униженность

и рабскую покорность? Об этом вопрошает коленопреклоненный князь Александр Невский, застывший перед иконой Божьей Матери (памятник, установленный в Выборгском районе Петербурга в 2000 г.). Бронзовый солдат в берлинском Трептов-парке, который, опираясь на автомат, преклонил колено и скорбно опустил голову, задает нам тот же вопрос. Так что даже в терминах атеистического советского времени вышеприведенное суждение выглядит лукавым и плоским.

Фразеологические единицы «стать на колени» и «преклонить колена» семантически столь же далеки друг от друга, как, скажем, «опустить руки» и «держать в руках». Композиция уже упомянутого нами памятника Тысячелетию Руси в Великом Новгороде (1862, проект М. О. Микешина) включает в себя несколько «коленопреклоненных» фигур. Есть там «ставшие на колени» золотоордынец и швед, символизирующие покорность русским государям. Есть Козьма Минин, который, «преклонив колено», вручает юному Михаилу Романову скипетр и шапку Мономаха, символизируя духовное единение народа и царя. Кстати, горельефную фигуру Минина – и снова коленопреклоненную! – мы видим также на нижнем ярусе памятника. Там же находится Григорий Потемкин, преклонивший колено перед императрицей Екатериной II. Поза светлейшего князя свидетельствует о том, что стояние на коленях не было прерогативой простолюдинов. На фризе есть и фигура Ивана Сусанина, способная повергнуть в эстетический шок поклонников прямостоящих скульптур: народный герой изображен полулежащим! Особого внимания заслуживает скульптурная группа, венчающая памятник: женщина в русском национальном одеянии, преклонившая колено перед ангелом с крестом. Это сама Русь-Россия, благословляемая на подвиги и дела Христовы. Несомненно, костромской памятник Романову и Сусанину каноничен для своей эпохи, он в полной мере соответствует ее историческим, культурным, религиозным реалиям. Возмущаться коленопреклоненной фигурой Сусанина все равно что требовать от Ивана Осиповича, чтобы он был одет не в армяк, а в комиссарскую кожанку.

Накапливая мнения и факты в ходе индуктивного рассуждения, ораторы иногда допускают ошибку, которая известна как «поспешное обобщение». Заявление *«большинство костромичей выступают против восстановления памятника»* основывается на впечатлениях от двух-трех «круглых столов», организаторы которых не скрывали своего негативного отношения к проекту. Например, в одном из пост-релизов отмечалось, что подавляющее большинство присутствующих на дебатах высказалось против возвращения памятника на Сусанинскую площадь. При этом «за кадром» осталось то, что упомянутые дебаты проведены по инициативе и в офисе Костромского отделения КПРФ, где по понят-

ным причинам сторонники восстановления исторического объекта количественно уступали критикам этой идеи. Безосновательно присвоенное себе право *«выражать точку зрения большинства»* и говорить от имени народа – известный демагогический прием, прошедший хорошую обкатку в ту эпоху, которая начиналась разрушением и осквернением памятников и святынь дореволюционной России. К сожалению, этот полемический арсенал по-прежнему востребован.

Таким образом, дискуссия о восстановлении в Костроме памятника Романову и Сусанину высвечивает проблемные зоны, характеризующие диалог региональной власти и общества, хорошо иллюстрирует состояние современной полемической культуры. Уровень ее довольно низок. Он определяется не только рецидивами риторической практики, основанной на единомыслии, не только логико-речевой малограмотностью и политической экзальтацией, но и углубляющейся деградацией умственных запросов общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. – М. : Дело, 1999. – 475 с.
2. Белов Е. Казань. Кострома. Нижний Новгород. – М. : Т-во «Образование», 1913. – 82 с.
3. Бочков В. С. Старая Кострома. – Кострома : Эврика-М, 1997.
4. Зябликов А. В. Ораторское искусство. – Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2011. – 47 с.
5. Зябликов А. В. Риторика. 100 тестов с ответами и пояснениями. – Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2009. – 45 с.

DISCUSSION ON THE RESTORATION OF THE HISTORICAL MONUMENT TO IVAN SUSANIN AND MIKHAIL ROMANOV IN KOSTROMA: A RHETORICAL ASPECT

A. V. Zyablikov

The article analyzes the state of modern polemical culture on the example of a discussion about the restoration of a historical monument to Ivan Susanin and Mikhail Romanov in Kostroma. The author identifies typical logical and speech errors, tricks and manipulative techniques that characterize modern public space.

Logical-speech error, sophistic trick, manipulative technique, types of argumentation, socio-cultural context, logical law, phraseological unit.

УДК 72(470,317)

ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА В КОСТРОМЕ: ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕТЕРБУРГЕ

О. В. Румянцева
olga_rumyanceva@icloud.com

В статье анализируется место пожарной каланчи в архитектурном ансамбле центра Костромы, исследуется ее концептуальная и символическая наполненность, рассматриваются параллели между зданиями пожарной каланчи в Костроме и Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Строительство пожарной каланчи и гауптвахты представлено как итог пребывания Фурсова в Санкт-Петербурге.
Кострома, Санкт-Петербург, Петр Фурсов, пожарная каланча, адмиралтейство, архитектура, город, площадь, гражданственность.

Пожарная каланча на центральной площади Костромы (рис. 1) является одной из самых узнаваемых архитектурных построек города. С одной стороны, ей посвящено достаточно много материала, с другой, за исключением исследования Е. В. Кудряшова [1], в основном это популярные статьи из интернет-источников. Памятник нуждается в дальнейшем обстоятельном исследовании. В данной статье основное внимание уделяется смысловой и эстетической концепции памятника.

Рис. 1. Пожарная каланча, 1823–1826, арх. П. И. Фурсов, г. Кострома[1]

Кострома долго была городом деревянным, огонь неоднократно уничтожал ее практически дотла, особенно разрушительным был пожар 1773 года, поэтому строительство пожарного депо было делом чрезвычайно важным. Однако и каланча, и служебные постройки пожарного

[1] Пожарная каланча Костромы // Тонкости туризма: интернет-справочник для туристов. URL: https://tonkosti.ru (дата обращения: 7.07.2021).

© Румянцева О. В., 2021

депо в XVIII веке тоже были деревянными и страдали от пожаров. Когда на рубеже XVIII–XIX веков центр города начинают застраивать в камне, поднимается вопрос о строительстве нового здания пожарного депо. По предписанию костромского губернатора К. И. Баумгартена от 10 января 1824 года принимается решение о возведении каменной пожарной каланчи.

Строительство нового здания было поручено молодому губернскому архитектору Петру Ивановичу Фурсову, занимавшему эту должность в 1821–1831 годах. В 1817 году Фурсов окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге, получив аттестат архитектора второй степени. Во время обучения Фурсова в Академии преподавали такие выдающиеся архитекторы, как Ж.-Ф. Тома де Томон, А. Воронихин, А. Захаров, В. Стасов. В частности, Тома де Томон читал в Академии лекции по теории гражданской архитектуры. В процессе обучения большое значение придавалось изучению архитектурных проектов профессоров, чертежи которых часто копировались учениками. Тот же Тома де Томон был не только практиком, но и теоретиком искусства [2], его теоретические изыскания, офорты и гравюры оказали большое влияние на будущих архитекторов. Время обучения Фурсова в Северной столице – это период окончательного формирования городского ансамбля Санкт-Петербурга. Архитектурное ожерелье города дополнилось блестящими постройками Воронихина, Тома-де-Томона, Захарова. Впечатления от ампирного Санкт-Петербурга, без сомнения, оказали влияние на молодого Фурсова, что впоследствии сказалось на застройке Костромы.

Екатеринославская площадь в центре Костромы задумывалась как административная, однако здесь нет государственных учреждений, лишь с правой стороны на площадь торцом выходит здание Присутственных мест. Остальные постройки связаны с повседневной жизнью граждан: пожарная каланча, гауптвахта, гостиницы. Здание одной из гостиниц – бывший дом Борщова – впоследствии использовалось как помещение под суд, то есть стало типично административным, хотя изначально строилось как частный особняк. Постройки, лишенные какого-либо гражданственного пафоса, становятся воплощением и символом административной жизни города. Архитектурный образ этих зданий, прежде всего пожарной каланчи и гауптвахты, во многом этому способствовал. «Вся мощь торжественности и значимости административной городской площади приходится на столь, казалось бы, незначительные сооружения. Пожарная каланча в Костроме является архитектурной доминантой столь же мощной, как здание Адмиралтейства в Санкт-Петербурге» [3, с. 74].

Аналогия между костромской пожарной каланчой и санкт-петербургским Адмиралтейством (рис. 2), безусловно, прослеживается. Ути-

литарное по назначению здание Адмиралтейства, облаченное в античную оболочку, является «замковым камнем» трехлучевой композиции плана Санкт-Петербурга. Шпиль Адмиралтейства перекликается с городскими храмами и прежде всего со шпилем Петропавловского собора. Здание перестроено А. Захаровым в 1806–1823 годах, но центральный объем задуман и воплощен И. Коробовым еще в 1730-х. Петр Фурсов, обучаясь в Академии художеств, комплекс Адмиралтейства хорошо знал и, без сомнения, высоко ценил архитектурный замысел Захарова. Оказавшись в Костроме и приступив к обязанностям городского архитектора, Фурсов воплощает этот образ на Екатеринославской площади, не дожидаясь более значимых заказов. Как впоследствии оказалось, судьба не предоставила Фурсову второй шанс. Застройку центральной площади архитектор начинает именно с каланчи (1823–1826). Воспоминания о Санкт-Петербурге еще свежи, короткий период пребывания в Москве не заглушил в Фурсове мечты о творчестве. Губернским архитектором он стал совсем молодым, обычно в этом возрасте, несмотря на все трудности, жизнь еще кажется вполне радужной. Кострома предоставила возможность для творческой реализации архитектора, но впоследствии она же их и уничтожила.

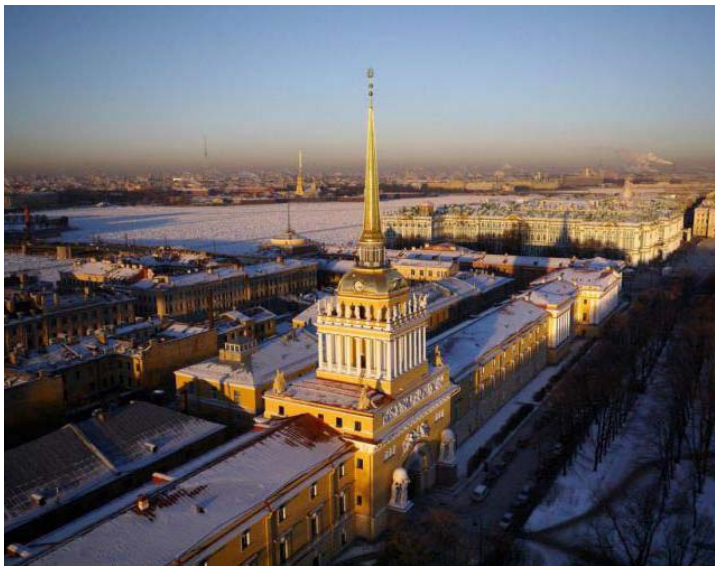

Рис. 2. Здание Главного адмиралтейства, 1823, арх. А. Д. Захаров, Санкт-Петербург[1]

Черты Адмиралтейства, построенного Захаровым в 1806–1811 годах, четко прослеживаются в костромской каланче: кубообразный основной объем, портик, перекликающийся с колоннами в верхней части центрального объема Адмиралтейства, тонко прорисованный скульптурный декор. Конечно, все это характерные черты русского ампира

[1] Адмиралтейство в Санкт-Петербурге // Интернет-портал Businessman.ru. URL: https://businessman.ru/new-admiraltejstvo-v-sankt-peterburge (дата обращения: 7.07.2021).

в целом, но влияние архитектуры Адмиралтейства на строительство пожарной каланчи в Костроме, на наш взгляд, очевидно.

Здание Адмиралтейства является точкой схода для трех основных улиц Петербурга. Возможно, и Фурсов сделал бы так в Костроме, но композиция Екатеринославской площади и уже существующая планировка центра города этого не позволили. Пожарная каланча в итоге закрепила левую точку основания полукруглой Екатеринославской площади. В 1860-х годах к зданию были пристроены крылья служебных корпусов. В итоге комплекс пожарной каланчи приобрел П-образную конфигурацию с закрытым внутренним двором, что еще больше прибавило ей сходства с ансамблем петербургского Адмиралтейства. Угловое расположение каланчи подчеркнуло ее связь с главной улицей города: Русиной (Кинешемской, ныне Советской). Как три главные композиционные оси Петербурга подводят к Адмиралтейству, так и главная ось Костромы ведет к пожарной каланче. И в Санкт-Петербурге, и в Костроме главная улица не является центральной в трехлучевой композиции. В Костроме бывшая Русина улица вообще не входит в это композиционную триаду. Тем не менее вертикальная доминанта каланчи закрепляет ее главенствующее значение.

В Санкт-Петербурге шпиль Адмиралтейства вторит шпилю Петропавловского собора. Обе постройки обозначают сакральные точки столицы: место основания города и место, символически обозначающее русский флот, столь значимый для новой России. Вертикаль пожарной каланчи в Костроме перекликается с вертикальными доминантами колокольни в костромском кремле и колокольни церкви Спаса в рядах. Все вместе они акцентируют наиболее значимые участки города: кремль – сакральное место, торговые ряды – экономическая и повседневная жизнь города, центральная площадь – административная сфера. Как было отмечено в статье «Архитектурный центр Костромы: к проблеме символической репрезентации города во временном пространстве», «утилитарное назначение пожарной каланчи, казалось бы, лишает ее права главенствовать в архитектурной композиции центра города» [3], но борьба с пожарами – дело государственной важности. В маленьких провинциальных городах редко происходят судьбоносные события. Здесь больше важна повседневная частная жизнь, что и символизируют торговые ряды, гостиница, гауптвахта и т. п.

Здание гауптвахты, расположенное справа от каланчи, приземистостью, лаконичностью и ампирной строгостью напоминает торцовые корпуса комплекса Адмиралтейства. И пожарная каланча, и гауптвахта выстроены Фурсовым практически в одно время, но в отличие от гауптвахты, брутальной по формам и концепции, каланча при всей своей ла-

коничности удивительно изящна. Однако одно из основных визуальных впечатлений от пожарной каланчи – это ощущение триумфа. Не поримски тяжеловесного, а легкого, радостного и в то же время торжественного. В образе же гауптвахты, наоборот, воплотилась некоторая тяжеловесность ампирного Санкт-Петербурга.

Вертикальное доминирование пожарной каланчи, превращенной в античный храм, являет собой триумфальное утверждение нового города. Благодаря классицистической архитектуре Кострома становится воплощением нового европейского провинциального города в такой же степени, как Санкт-Петербург – европейской столицей на русской почве.

В первой четверти XIX века архитектура вступает в последнюю стадию классицизма – ампир. Однако стиль пожарной каланчи скорее можно отнести к классицизму. По стилистической характеристике здание каланчи перекликается с постройками Адриана Захарова, автора санкт-петербургского Адмиралтейства, здание же гауптвахты ближе постройкам другого учителя Фурсова – Ж.-Ф. Тома де Томона, также одного из создателей архитектурного образа Санкт-Петербурга.

Учителя Фурсова: Тома де Томон, Захаров, Стасов, – занимались разработкой образцовых проектов для провинциальных городов, поэтому уже в Академии Фурсов мог научиться соотносить эстетические качества архитектурных построек с невысокой стоимостью строительства. Но главное, что воспринял Фурсов в Академии художеств, это умение мыслить градостроительными категориями. Красота Санкт-Петербурга состоит в первую очередь в цельности городского пространства. Когда Фурсов учился в Санкт-Петербурге, город еще не приобрел свой законченный ампирный образ, но создание единого городского ансамбля уже было основной задачей, которую ставили перед собой Воронихин, Захаров, Тома де Томон, и чему они обучали своих учеников. Именно идею цельного городского ансамбля и воплотил молодой архитектор, приступив к строительству в Костроме. Постройки Фурсова представляют собой прекрасный образец александровского классицизма и образцовый пример того, как архитектор продолжает уже существующую концепцию города, как умело вписывает архитектурные памятники в композицию площади и в итоге создает ансамбль, до сих пор являющийся символом Костромы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудряшов Е. В. Архитектурный ансамбль центра Костромы. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1992. – 64 с.: ил.
2. Шевченко В. Г. Произведения Тома де Томона: каталог коллекции / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – 320 с.: ил.
3. Румянцева О. В. Архитектурный центр Костромы: к проблеме символической репрезентации города во временном пространстве // Кострома. Genius Loci: аль-

манах / [сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина]. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – Вып. 1. – С. 69–76.

FIRE CILFPLAN IN KOSTROMA: MEMORIES OF ST. PETERSBURG

O. V. Rumyantseva

The article analyzes the place of fire calane in the architectural ensemble of the Kostroma Center, its conceptual and symbolic fullness is investigated, the parallels between the buildings of the fire calant in Kostroma and Admiralty in St. Petersburg are considered. The construction of fire calans and Haupwachta is represented as a result of staying Fursov in St. Petersburg.

Kostroma, St. Petersburg, Peter Fursov, Fire Calancha, Admiralty, Architecture, City, Area, Citizenship.

УДК 785.12«198»

ВОЕННЫЕ ДИРИЖЕРЫ КОСТРОМСКОГО ГАРНИЗОНА: ВИКТОР ВАЛУЕВ

Э. Г. Клейн

kleyn@list.ru

В статье раскрываются страницы биографии военного дирижера Виктора Валуева. Характеризуется его творческая деятельность в Костроме во 2-й половине 1980-х гг.

Костромской гарнизон, военный оркестр, военный дирижер, Виктор Валуев.

Имя военного дирижера Виктора Владимировича Валуева (1949–2016) достаточно прочно вошло в историю военной музыки Костромского края [1, с. 155]. Он прибыл в военный оркестр Костромского высшего военного командного училища химической защиты из Ковровского гарнизона в 1985 г. Начальником училища являлся генерал-майор М. Е. Мищенков. Участник нескольких парадов на Красной площади, выпускник Московской военно-музыкальной школы 1965 г. и Военно-дирижерского факультета по классу ударных инструментов 1970 г., майор В.В. Валуев на первом же общеучилищном разводе продемонстрировал на плацу отличную строевую выучку. За свой воинский путь военный дирижер поменял несколько мест службы. Он являлся дирижером оркестров Группы Советских войск в Германии, бригады химических войск в г. Кинешме Ивановской области, танкового полка в г. Коврове Владимирской области. Вероятно, Виктор Владимирович особо гордился службой в танковых войсках, так как в училище химической защиты продолжал носить петлицы с эмблемами танковых войск. Форма одежды на нем всегда была, что называется, «с иголочки».

© Клейн Э. Г., 2021

Майор Валуев был строгим и суровым руководителем. Солдатам и воспитанникам он ограничил количество увольнений, дежурному по оркестру из числа военнослужащих сверхсрочной службы вменил в обязанность ночевать в оркестре, осуществляя более жесткий контроль за личным составом. Собственными инструментовками военный дирижер не пополнял репертуар оркестра, заказывая их костромскому аранжировщику и инструментовщику, заслуженному работнику культуры РФ В. С. Громову.

Организаторские способности у руководителя коллектива были очень хорошие. Прибыв в Кострому, он наладил деловые отношения с городскими и областными властями, комсомольскими, партийными и советскими руководителями. У оркестра появилось больше платных игр. Здесь читателям необходимо пояснить, что в те годы согласно приказу министра обороны СССР оркестрам запрещалось выступать бесплатно в организациях, не относящихся к Министерству обороны. При этом 20 % полученных денежных средств направлялось на улучшение оркестрового дела (например, покупку мундштуков, тростей, пюпитров, нотной бумаги), а остальная сумма делилась между музыкантами по долям, согласно занимаемым должностям. В некоторых случаях военный дирижер В. В. Валуев мог принимать решения, балансирующие «на грани закона». Вот один из таких примеров.

Ежегодно оркестр училища обеспечивал Первомайскую демонстрацию на Советской площади. Эту почетную миссию военные музыканты выполняли по приказу начальника училища, причем делали это абсолютно бесплатно. При этом гражданские оркестры, участвующие в демонстрациях совместно с предприятиями и учреждениями города, получали вполне достойное по тем временам денежное вознаграждение. Как известно, музыкантов-духовиков в городе не хватало, и директора заводов и фабрик искали пути и способы сформировать для сопровождения своей колонны небольшой духовой оркестр. Известно, что в поздние советские годы постоянно действующие оркестры со штатными руководителями были лишь на нескольких предприятиях, например, льнокомбинате имени инженера И. Д. Зворыкина, заводе автоматических линий, ТЭЦ-1, льнокомбинате имени В. И. Ленина, заводе «Рабочий металлист». Учитывая то, что в 1980-е гг. состав оркестра военного училища был около 30 человек (20 сверхсрочнослужащих и 10 солдат и воспитанников), военный дирижер мог делегировать за плату часть музыкантов для обеспечения какого-то мероприятия, при этом оркестр училища оставался работоспособным. Так произошло 1 мая 1987 г. В этот праздничный день группа воспитанников оркестра была направлена для сопровождения колонны демонстрантов Костром-

ского фанерного комбината, при этом основная часть оркестра играла на Советской площади. Как были потрачены военным дирижером денежные средства, заплаченные ему руководством фанерного комбината за указанную услугу, мы не знаем. Возможно, деньги ушли на улучшение оркестрового дела, а может, и на иные, в том числе благотворительные цели… Больше подобных случаев в истории оркестра не было.

Время, в которое проходил службу в Костроме майор В. В. Валуев, совпало с началом так называемой «перестройки». Главной ее особенностью стало стремительное падение авторитета коммунистической партии. Глубокий кризис экономики «застойного периода», замаскированный высокими цифрами, говорящими о выполнении и перевыполнении государственных планов, и новые экономические реформы повлекли за собой глобальные последствия для населения. Статистика вещала о якобы значительном ускорении темпов экономического развития, а с прилавков костромских магазинов исчезали товары первой необходимости. Начался значительный отток из рядов КПСС.

Несмотря на все происходящее, военные музыканты продолжали обслуживать областные и городские партийные и комсомольские пленумы, конференции и др. форумы. Одним из любимых мест исполнительской деятельности коллектива была оркестровая яма дворца культуры «Текстильщик». В подвале этого учреждения культуры, с разговорами «за жизнь» с рабочими сцены оркестранты часто проводили время в ожидании выполнения своих творческих задач. Важнейшей задачей оркестра оставалось и музыкальное сопровождение парадов войск Костромского гарнизона. Об этом мы уже более подробно останавливались на страницах Костромского гуманитарного вестника в 2012 г. [2].

Весной 1987 г. проходил очередной конкурс военных оркестров Московского округа. 16 марта в Кострому прибыл начальник военно-оркестровой службы Московского военного округа подполковник Н. И. Пономарев. Он возглавлял конкурсную комиссию. Служебно-строевой репертуар музыканты исполняли на плацу училища, а конкурное прослушивание концертного репертуара проходило на сцене гарнизонного Дома офицеров. Надо сказать, что к конкурсу майор В. Валуев отнесся достаточно серьезно: в течение трех недель на сцене Дома офицеров репетиции шли в утренние и послеобеденные часы. Занятия в музыкальном училище воспитанниками оркестра временно были прекращены. Все воспитанники наряду со сверхсрочнослужащими музыкантами были вовлечены в репетиционный процесс.

В том же году в военном оркестре происходит смена дирижера. Майору В. В. Валуеву руководство военно-оркестровой службы предлагает должность начальника курса военно-дирижерского факультета.

В те годы эта должность позволяла офицеру получить очередное воинское звание – подполковник, что для военного дирижера очень престижно. Безусловно, Виктор Владимирович от этого заманчивого предложения не отказался и в скором времени убыл для дальнейшего прохождения службы в Москву.

Напомним читателям, что в 1970 году он сам, как и большинство отечественных военных дирижеров, окончил это прославленное учебное заведение. Совместно с В. В. Валуевым на курсе проходили обучение будущий главный дирижер Государственного духового оркестра России, Заслуженный артист Украинской ССР доцент А. Ф. Уманец, начальник военно-оркестровой службы внутренних войск МВД РФ, Заслуженный работник культуры РФ полковник Г. И. Чумаков, художественный руководитель Центрального концертного оркестра Военно-морского флота, Народный артист РФ В. М. Солодахин…

Приехав в Москву, майор Валуев принял курс у ветерана войны в Афганистане подполковника С. А. Прохорова. Здесь получил воинское звание подполковник. Являлся строгим командиром и отличным организатором. Вместе со своими курсантами – будущими военными дирижерами, в 1989 г. совершил концертную поездку на международный фестиваль военных оркестров в Бельгию. Это была первая зарубежная поездка в истории курсантских оркестров факультета. В 1991 г., передав свой курс более молодому офицеру, Виктор Владимирович был назначен на должность преподавателя кафедры военно-оркестровой службы. С этой должности он уволился из Вооруженных сил в 1994 г.

Своими воспоминаниями о В. В. Валуеве и его службе в должности начальника курса с автором статьи поделился начальник военно-оркестровой службы штаба Центрального округа Росгвардии подполковник М. Е. Еремеев.

«Зимой 1988 года к нам, в то время первокурсникам Военно-дирижерского факультета, в качестве начальника курса был назначен В. В. Валуев. Сразу было заметно, что офицер пришел „из войск“: он был жестким, суровым и немногословным. Мы понимали, что новый начальник курса прошел тяжелую армейскую службу. По внешнему виду напоминал Фредди Меркьюри. С подачи старшины курса Ю. П. Тавлуя мы стали звать его „папой“. Виктор Владимирович общался с подчиненными вкрадчиво, никогда не кричал. В 1989 г. один из курсовых оркестров факультета должен был отправиться с гастрольной поездкой на международный фестиваль в Бельгию. За право выехать за границу СССР боролись 4-й, 3-й и 2-й курсы. И здесь подполковник Валуев проявил отличные морально-деловые и организаторские качества, благодаря чему выбор был остановлен на нашем, 2-м курсе. Подготовку оркестра осущест-

вляли такие корифеи военной музыки, как заслуженный артист Украины подполковник А. Ф. Уманец и подполковник Г. В. Пучков. Память об этой блестящей поездке мы пронесли через всю свою творческую жизнь.

Несмотря на то, что наш курс выпускал уже другой офицер, мы сохранили о В. В. Валуеве самые добрые воспоминания. В последние годы он был глубоко верующим человеком. Собираясь на вечерах встреч выпускников, Виктор Владимирович всегда был благодарен нам за то, что военные дирижеры его помнят и приглашают на свои дружеские мероприятия» [3, с. 86].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клейн Э. Г. Из истории военных оркестров Костромского края. – Кострома : ДиАр, 2010. – 208 с.
2. Клейн Э. Г. Военная музыка в мероприятиях Костромского гарнизона 1-й половины 1980-х гг. // Костромской гуманитарный вестник. – 2012. – № 1(3). – С. 47–48.
3. Клейн Э. Г. «Нашей юности оркестр…» Из истории духового оркестра Военной академии радиационной, химической и биологической защиты : монография. – Кострома : ВА РХБЗ, 2020.

MILITARY CONDUCTORS OF THE KOSTROMA GARRISON: VIKTOR VALUEV

E. G. Klein

The article reveals the pages of the biography of the military conductor Viktor Valuev. His creative activity in Kostroma in the 2nd half of the 1980s is characterized.
Kostroma garrison, military orchestra, military conductor, Viktor Valuev.

УДК 394.21

ПРАЗДНИК КАК ДУХОВНАЯ СКРЕПА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Е. Мусинова, И. П. Петрюк
nataliyamysinova@yandex.ru, admin@kgsxa.ru

В данной работе рассмотрен феномен праздника в национальной культуре. Доказано, что многим праздникам, которые отмечают современные россияне, присущ синкретизм.
Праздник, национальная культура, преемственность традиций, культурные новации.

Феномен праздника являет собой многогранное явление. Понять сущность праздника в разные времена пытались многие исследователи.

© Мусинова Н. Е., Петрюк И. П., 2021

Первым наиболее близко подошел к изучению этого вопроса И. М. Снегирев еще в середине XIX века. «Самое слово „праздник“ выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединенную с весельем и радостью. Праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом» [18]. Работу в этом направлении продолжили А. П. Сахаров, А. В. Терещенко и другие отечественные исследователи. Праздник, по словам В. И. Даля, – это день, посвященный отдыху [6].

Праздник активизирует культурную жизнь, так как это время является свободным от будничных обязанностей, и сразу проявляются ценности, важные для празднующей группы и придающие смысл жизни для представителей конкретной культуры. Вместе с этим праздник, наряду с базисными представлениями и нормами, транслирует тенденцию обновления ценностей, обусловленную духом времени. То есть праздник выступает мощным механизмом передачи культурных традиций (и базовых, и обновленных) из поколения в поколение. Кроме того, праздник обычно и все чаще служит поводом для осмысления будущего, создания идеального общественного состояния, образца, являющегося существенной частью каждой развитой культуры [3; 5; 7; 10; 16].

Праздник фиксирует и кризисные явления в конкретной культуре. Они выражаются в резком (часто болезненном) отходе от давних, устоявшихся ценностей, тогда праздник превращается в собрание устаревших, архаичных обычаев, пустых условностей, «смешных» ритуалов. Праздник также является формой обновления и подтверждения ценностей коллективной жизни. Чем сильнее вера в ценности данного праздника, тем эмоциональнее он воспринимается. Праздник является мощным стимулом к творчеству, к активному участию в его художественном оформлении, к созданию произведений искусства. Праздник играет важную роль в процессе социализации личности, осознании ею своего места и отношения к социальным группам, в памяти которых он укоренен. Часто праздник сочетается с характерными формами развлечений, дающих индивиду возможность эмоциональной и психологической разрядки, которая действует на него очищающим образом [3; 5; 7; 10; 13; 16]. Но видеть в празднике некое идеальное состояние, наполненное только радостью и счастьем, было бы ошибкой. Праздничному периоду могут сопутствовать определенные трудности и даже печаль. Одиночество, отсутствие контактов с другими людьми во время праздника причиняют человеку боль сильней, чем когда-либо, и могут привести к душевному надлому [10].

Российские праздники имеют свою многовековую историю. Для многих из них, учитывая «драматургию» нашего исторического разви-

тия (с его эпохальными политическими переменами и культурными революциями), характерно сочетание языческих примет, христианских ценностей, советских ритуалов и признаков современного демократического общества. То есть многим праздникам, которые с удовольствием отмечают современные россияне, присущ синкретизм.

Синкретизм (*лат.* syncretismus, *от греч.* συγκρητισμός – *«федерация критских городов»*) – это «нерасчлененность различных видов чего-либо, слитность в каком-нибудь явлении», это «система, которая произошла от соединения нескольких противоречивых теорий», это «разновидность эклектизма, отождествляющего и соединяющего разнородные начала, игнорируя различия» [19]. Это значение термина мы будем применять в контексте описания феномена праздника в отечественной культуре.

Можно привести множество примеров, подтверждающих **синкретичный** *(неразделимо сочетающий в себе разнородные составляющие)* характер праздников, отмечаемых в современной России. Но рамки научной статьи не позволяют рассмотреть их все, поэтому ограничимся тремя наиболее показательными примерами и выявим характерные черты популярных среди современных россиян праздников.

В ходе социологического опроса, проведенного нами в 2019 году (всего было опрошено 60 курсантов ВА РХБЗ и 30 студентов Костромской ГСХА), было выявлено, что тремя самыми важными и популярными, по мнению респондентов, праздниками среди россиян являются: Новый год (так ответили 81 % респондентов), День Победы (58 % респондентов) и Пасха (64 % респондентов).

Новый год (в современном его понимании) вобрал в себя образы многих праздников: языческих, христианских (прежде всего, Рождества Христова), советских и современных.

Еще в древние времена люди отмечали день, когда на смену старого года должен приходить новый, только само слово «год» в обиходе наших предков отсутствовало, а принесено оно было в русский язык после реформ Петра Первого. До того для обозначения года использовалось слово «лето», и точную дату празднования новолетия установить сейчас очень трудно (либо в начале января, либо в начале сентября, либо 21–22 марта, либо 21–22 июня). Самым близким по времени празднования и по культурным традициям к современному Новому году торжеством был Коляда – праздник зимнего солнцестояния. Этот день посвящался Коляде – богу молодого солнца, доброму олицетворению зимы и покровителю детей. По сей день во многих российских селах и городах приближение новогодних дней отмечают колядованием. Дети наряжаются в костюмы зверей, ходят по домам и поют колядки – особые ритуаль-

ные песни, которые, как считали древние славяне, приносят в дом счастье. В обмен за это они получают разные сладости и угощения [9].

Когда Русь приняла христианство, то многие языческие традиции «подстроились» под христианскую веру. Так, например, рождение Коляды, молодого солнца, стали отождествлять с рождением Иисуса Христа. На местах капищ *(культовых мест, на которых устанавливались идолы языческих богов)* были построены церкви. Но до сих пор в рождественские праздники ряженые поют колядки и ходят по домам, только обязательным атрибутом этих шествий с приходом христианства является не солнце, как у язычников *(солнцепоклонников и огнепоклонников),* а звезда на шесте, которая символизирует рождение Христа. Соединение языческих и христианских традиций наблюдается в текстах колядок: «Пришла Коляда накануне Рождества…»

Впервые Рождество христиане стали отмечать в IV веке. Сначала праздновали его, а потом уже встречали Новый год, поэтому у христиан принято наряжать елки именно к Рождеству. В 1918 году Россия перешла на григорианское летоисчисление. Церковь же продолжает жить по юлианскому, старому календарю. Из-за этого сначала, 1 января, приходит Новый год и только потом, 7 января, – Рождество. Вероятно, именно тогда в России возникла парадоксальная традиция отмечать Старый Новый год по старому юлианскому календарю (14 января). День накануне праздника называется Рождественским сочельником *(от слова «сочиво» – это особое постное блюдо из обваренных зерен пшеницы или риса).* В этот строгий постный день христианам нельзя вкушать пищи до самого вечера, ибо земля готовится встретить Божественного Младенца, поэтому вечер этого дня называется Святым. Его традиционно проводят в кругу самых близких людей, а за стол садятся с первой звездой, которая символизирует собой Вифлеемскую, приведшую волхвов к родившемуся Христу. Верующие люди встречают праздник в храме. В ночь на Рождество во всех церквях происходят праздничные службы [9].

С Рождеством связано много народных традиций. Большинство из них Церковью признаются. Накануне, в Сочельник, наряжают елку. Ее верхушку венчает звезда – символ Вифлеемской. Но есть традиции, которые Церковь категорически отвергает как языческие. Например, гадания. Предугадывать будущее – грех, потому что этим человек отсекает участие Бога в своей жизни и Его заботу о себе.

В Советском Союзе во времена воинствующего атеизма проявление религиозных чувств и вера в Бога запрещалось, поэтому в 1929 году власть запретила празднование Рождества Христова. В 1930 году в Рождество повсеместно прошли комсомольские карнавальные «похороны религии», которые завершились сожжением елки. Но постепенно прави-

тельство Советского Союза поняло, что невозможно искоренить народные традиции, связанные со встречей Нового года и Рождества. И тогда Совет Народных Комиссаров в 1936 году ввел официальное празднование Нового года 1 января, подчеркнув нецерковный характер праздника. Так постепенно разрабатывался советский новогодний ритуал, наполнивший иным смыслом былую рождественскую традицию. С тех пор «рождественская елка» в Советской России устойчиво воспринималась как «новогодняя», которую венчала уже не восьмиконечная Вифлеемская звезда, а красная пятиконечная, а елочные игрушки изображали не только зверей и птиц, но и героев революции, красных трубачей и барабанщиков, а на шарах были портреты Ленина, Сталина, Маркса и Энгельса [9].

Образ Деда Мороза тоже изменился в контексте советской идеологии. Из некогда могучего, сурового русского языческого божества он превратился в доброго дедушку Мороза, который дарит послушным советским детям новогодние подарки. А на встрече Нового 1937 года в московском Доме Союзов у Деда Мороза появилась спутница – внучка Снегурочка, русский языческий персонаж, не связанный с празднованием Рождества. Эта сказочная парочка очень быстро полюбилась советским детям. С каждым годом светский Новый год отдалялся по смыслу от христианского Рождества.

А с появлением в 1950-е годы в советских семьях телевизоров зародился новый ритуал – провожание старого года водкой или вином, а встреча Нового года шампанским. С 1962 года появилась традиция смотреть новогоднюю телевизионную передачу «Голубой огонек». В 70-е годы появились новые новогодние «фетиши» – замечательный фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!» и китайские гороскопы. А в середине 1980-х годов страна шагнула в «перестройку», принесшую стране тот Новый год, который мы празднуем по сей день, – с изобилием разнообразных блюд на праздничном столе, ночными фейерверками и т. д. До сих пор Новый год и Рождество Христово (традиция его официального празднования была возрождена в России в 1991 году) воспринимаются россиянами как разные праздники: первый – как государственно-гражданский, второй – как православный христианский, но все же есть между ними историческая и смысловая связь [9].

В последние годы очень многие западные традиции проникают в наши праздники. В первую очередь это относится к новогодним торжествам. Так наш Дед Мороз все больше становится похожим на западно-католического Санта Клауса *(восходящего к образу Святого Николая),* а новогодние хвойные венки *(своим появлением обязаны гамбургскому лютеранскому теологу Иоганну Хинриху Вихерну)*, традиционно

использующиеся в западных странах для украшения помещений, теперь все чаще можно увидеть в домах современных россиян.

Все это говорит, с одной стороны, об активном проникновении в современную отечественную культуру традиций и обычаев западного мира, с другой стороны, свидетельствует об универсализации культурной жизни современного общества, в котором прослеживается тенденция доминирования западных культурных ценностей. Эта тенденция упрощает поликультурную палитру мира, подстраивая национальные культуры, в том числе и российскую, под единые культурные образцы и стандарты Запада.

Другим важным праздником для современных россиян является **День Победы,** который мы празднуем 9 мая.

Для каждого советского человека Великая Отечественная война была неимоверно тяжелым и трагическим временем, унесшим миллионы жизней. Поэтому и радость победы, которую испытали люди, была невиданной величины. Именно поэтому память об этом особом дне, Дне Победы, сохраняется в наших сердцах до сих пор. Это поистине великий праздник «со слезами на глазах».

Этот праздник родился в советскую эпоху, ему присущи атрибуты и символы советского государства, связанные с великой Победой над фашизмом: возложение цветов к памятникам героев войны и неизвестного солдата; минута молчания в память о погибших воинах; праздничный парад, который проводят во всех крупных городах; праздничный салют. В этот день чествуют ветеранов, организуют для них праздничные концерты, дарят им цветы и подарки. В учебных заведениях проводят уроки мужества, вспоминая войну и ее героев.

Но присутствуют в этом празднике и языческие мотивы. Так, например, российский журналист, издатель и общественный деятель Сергей Чапнин назвал странным обычай поклонения Вечному огню и сказал, что в основе этого лежит язычество. «Огонь, выходящий из земли, всегда есть образ ада, геенны огненной… Но даже представители Церкви, включая иерархов, продолжают участвовать в этом странном для сегодняшнего дня ритуале», – говорится в тезисах выступления С. Чапнина на заседании Совета по внешней и оборонной политике [17; 20]. Но с такой позицией согласны не все. Наиболее резко против такого подхода выступил глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин. В эфире телеканала «Союз» *(22 мая 2011 года)* он выразил несогласие с утверждениями о неприемлемости для православных символа вечного огня как элемента языческой культуры, вместе с тем все же признавая вечный огонь «не христианским символом», а наследием советской эпохи, но при этом говоря

о том, что верующие люди, подходя к могиле неизвестного солдата, на которой горит вечный огонь, поклоняются не самому огню, как это делали язычники, а памяти павших за спасение Отечества [2]. В связи с этим, чтобы примирить христианское и советское понимание символики вечного огня, было бы правильнее его называть, например, мемориальным и снять тем самым смысловое и ценностное противоречие.

По-своему выражена в этом празднике и религиозная христианская тематика. Так, например, современные россияне называют этот праздник святым, а воинов, павших за Отечество, святыми воинами *(святыми в христианстве называют тех, кто причислен к лику святых).* «День Победы – это святой праздник торжества добра над злом, отсвет Божественной Пасхи, праздник, соединяющий всех его участников, живущих на земле и отошедших в вечность, в единый народ, хранящий в сердце непреходящую любовь к истине», – считает священник Димитрий Шишкин *(настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в пос. Почтовое Бахчисарайского района; Симферопольская и Крымская епархия)* [14].

В современной России появились и новые традиции, связанные с этим праздником. Так, например, с 2005 года по инициативе «РИА Новости» и организации «Студенческая община» в День Победы проходит общественная акция «Георгиевская ленточка» на средства общественных организаций, предприятий и государственного бюджета. Волонтеры раздают на улицах георгиевские ленточки – символ праздника. Их повязывают ветераны и молодые люди – в знак памяти о войне и связи поколений. Акция проходит под лозунгами: «Победа деда – моя Победа», «Я помню! Я горжусь!», «Мы – наследники Великой Победы!», «Спасибо деду за Победу!» и др. [8].

А с 2011 года появилось движение «Бессмертный полк», которое было инициировано в 2011 году в Томске журналистами Сергеем Лапенковым, Сергеем Колотовкиным и Игорем Дмитриевым *(к слову, самая ранняя из известных подобных акций состоялась в 1965 году, когда учащиеся новосибирской школы № 121 прошли по улицам города с фотографиями ветеранов).* На сегодняшний день Бессмертный полк прошел по 1200 городам, в нем участвовало 12 миллионов наших соотечественников. Теперь это общественное движение по сохранению вечной памяти о героях Великой Отечественной войны стало международным [12].

«Праздник 9 Мая мы отмечаем по всей нашей огромной стране… Мы чувствуем кровное, пронзительное родство с поколением героев и победителей… Русский, российский солдат и сегодня, как во все времена, проявляя мужество и героизм, готов на любой подвиг, на любую жертву ради своей Родины, ради своего народа», – сказал Президент

России В. В. Путин 9 мая 2017 года на параде Победы в Москве, подчеркивая кровное и духовное единство всех россиян, которое особенно ярко проявляется в великие дни скорби и радости, коим является День Победы [4].

Еще одним значимым праздником для современных россиян является **Пасха (Светлое Христово Воскресение)**. Это древнейший и самый важный христианский праздник, «праздников праздник, торжество из торжеств», – так называли его на Руси [11]. Установлен он в честь Воскресения Иисуса Христа, которое является центром всей библейской истории и основой всего христианского вероучения [1]. У христиан название праздника понимается как «прехождение от смерти к жизни, от земли к небу». В Пасху, как в важнейший праздник церковного года, совершается особое ночное торжественное богослужение и крестный ход. Начиная с пасхальной ночи и последующие сорок дней принято «христосоваться», то есть приветствовать друг друга словами: «Христос Воскресе!» – «Воистину Воскресе!», при этом троекратно целуясь [15]. Дата Пасхи в каждый конкретный год исчисляется по лунно-солнечному календарю *(апрель – май)*.

Символ праздника – пасхальное яйцо. В христианстве считается, что пасхальное яйцо символизирует Гроб Господень *(главная святыня христианского мира, гробница в скале, где, согласно Евангелию, Иисус Христос был погребен после распятия и на третий день воскрес; находится в Храме Воскресения Христова в Иерусалиме),* напоминающий камень, которым в древности заваливали вход в гробницу. Однако яйцо дает начало новой жизни, поэтому для христиан это символ и воспоминание о воскрешении Иисуса к вечной жизни. Считается, что красное пасхальное яйцо как бы окрашено кровью Христа. Окрашенное в красный цвет луковой шелухой яйцо раньше называли крашенка, расписное – писанка. Однако еще в дохристианские времена яйцо у многих народов являлось олицетворением творящей силы природы. Так, например, древние славяне особым образом расписывали яйца, отражая в рисунках свои представления об устройстве мира. Потом эта языческая древнеславянская традиция органично соединилась с христианской, не порывая связи в коллективном народном сознании. Обычай преподносить друг другу пасхальное яйцо продолжается до настоящих дней.

В советские годы Пасха, как и все религиозные праздники, была запрещена. Однако верующие православные христиане продолжали ее отмечать: соблюдали Великий пост, исповедовались и причащались там, где остались храмы, и восклицали «Христос Воскрес!». Но все это было в разные годы советской власти с разной степенью осторожности. А во времена «красного террора» советских людей за то, что они тайно

участвовали в богослужениях, наказывали *(в 20–30 годы XX в. дружинники отлавливали верующих возле церквей).*

Наступили сороковые – фронтовые. В годы Великой Отечественной войны власть «потеплела» и даже изменила свое отношение к Церкви. В период с 1942 по 1945 гг. было разрешено проведение Пасхальных служб на территории, объявленной на военном положении.

Позже, во времена гонений на верующих в правление Н. С. Хрущева, интеллигенция никоим образом не обнаруживала своей религиозности, в Церковь ходили только дерзновенные бабушки в платочках и немногие женщины из простых рабоче-крестьянских семей. Советские мужчины любого социального положения обычно смотрели на веру, как на что-то отжившее, невежественное, суеверное, и поэтому встретить их в храме можно было крайне редко.

В 70–80 годы прошлого века наряды милиции отсекали молодежь, пытающуюся пройти в храмы на ночную службу. На Пасху по телевидению специально показывали новые фильмы и концерты западной эстрады, чтобы отвлечь людей от пасхальных гуляний. В качестве «замещения» полноценных пасхальных праздников в СССР сложился обычай на Пасху ездить на кладбища, что не соответствует православной традиции, поскольку для поминовения родственников есть специальные дни. Тем не менее, эта «советская» традиция по-прежнему жива, поэтому по сей день на Пасху власти пускают дополнительный общественный транспорт до кладбищ.

В настоящее время Пасха празднуется почти на официальном уровне, а пасхальные богослужения традиционно посещают руководители страны и большинства регионов.

В заключение хотелось бы сказать, что феномен праздника в современной российской культуре состоит в том, что наш праздник – и старый, и новый одновременно; наш праздник – «неслиянное единство» глубокой старины, эпохальных культурных изменений в истории нашего Отечества и противоречивого духа современного российского общества с его особым эмоциональным колоритом и неподражаемым национальным менталитетом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барсов Н. И. Пасха, христианский праздник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
2. Вечный огонь разжигает сильные страсти: РПЦ осудила высказывания Чапнина и причислила к «церковным диссидентам» // Независимая газета. – 24.05.2011. – URL: http://www.ng.ru/politics/2011-05-24/1_fire.html (дата обращения: 19.11.2020).
3. Воловикова М. И, Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. – М. : ПЕР СЭ, 2003. – 143 с.

4. Выступление на военном параде в ознаменование 72-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, 09.05.2017 г. // Офиц. сайт Президента России. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news (дата обращения: 19.11.2020).
5. Гуревич П. С. Культурология. – М. : Гардарика, 2000. – 280 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
7. Извекова Н. А., Латов Н. В. Праздник в семье. – М. : Педагогика, 1986. – 328 с.
8. История акции // Офиц. сайт акции «Георгиевская ленточка». – URL: http://gl9may.ru (дата обращения: 19.11.2020).
9. История празднования Нового года в России. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/lyubov55/post344966377 (дата обращения: 19.11.2020).
10. Лазарева Л. Н. История и теория праздников : учеб. пособие / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 3-е изд., испр. и доп. – Челябинск, 2010. – 251 с.
11. На Пасху все кругом ликует и играет. Пасхальное интервью // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/pashalnye-intervyu (дата обращения: 19.11.2020).
12. Набатникова М. С портретом прадеда. Как встать в ряды «Бессмертного полка»? // Аргументы и факты. – 2014. – № 17(1746). – С. 58.
13. Немиро О. В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. – Л. : Художник РСФСР, 1987. – 232 с.
14. Пастыри о Победе (9 мая 2014 г.) // Православие.Ru. – URL: http://www.pravoslavie.ru/70552.html (дата обращения: 19.11.2020).
15. Пасха. История праздника // Православие.Ru. Православный календарь. – URL: http://days.pravoslavie.ru/rubrics/canon416.htm (дата обращения: 19.11.2020).
16. Праздники, обряды, традиции. – М. : Молодая гвардия, 1976. – 128 с.
17. РПЦ назвала поклонение Вечному огню язычеством // Newsland : информационный портал. – URL: https://newsland.com/user/4296756165/content/rpts-nazvala-poklonenie-vechnomu-ogniu-iazychestvom/4179049 (дата обращения: 19.11.2020).
18. Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. – М., 1837.
19. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – М. : Альта-Принт [и др.], 2008. – 1239 с.
20. Чапнин С. Три огня (13 мая 2015 г.) // Православный мир. – URL: http://www.pravmir.ru/tri-ognya (дата обращения: 19.11.2020).

THE HOLIDAY AS A SPIRITUAL STAPLE OF NATIONAL CULTURE

N. E. Musinova, I. P. Petryuk

In this paper, the phenomenon of the holiday in the national culture is considered. It is proved that many holidays, which are celebrated by modern Russians, are characterized by syncretism.

Holiday, national culture, continuity of traditions, cultural novation.

УДК 791.62 (470.41-25)

СОВЕТСКИЙ ФИЛЬМ «О ЗАГРАНИЦЕ» – ПЛАВУЧИЙ КИНОТЕАТР МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ю. О. Хомякова
julia_khomiakova@list.ru

Художественные фильмы, действие которых происходит за границей, – забытый феномен советского кино. Инициатива создания таких фильмов исходила вовсе не от советских кинематографистов, а от руководства Коминтерна.
Коминтерн, Франческо Мизиано, «Межрабпомфильм», Вилли Мюнценберг, мировая революция, фашизм, вторая мировая война.

В советский период на экране появлялись отечественные фильмы, действие которых происходило в зарубежной стране, нередко – вымышленной, и не в прошлом времени, а в актуальном. Впервые они появились в 20-е годы – в основном на кинофабрике «Межрабпом-Русь» (с 1928 г. по 1936 г. «Межрабпомфильм»), не входившей в систему государственных киноорганизаций. Сначала она была акционерным обществом, затем перешла в прямое подчинение партийным функционерам. Межрабпомовцам был предоставлен особый режим: разрешалось снимать фильмы откровенно коммерческие. Отчисления с проката шли самой кинофабрике, благодаря чему она была технически оснащена лучше всех в СССР, а также на содержание Межрабпома, входившего в состав Коминтерна.

Межрабпомовские фильмы «о загранице» обычно были экранизациями зарубежных авторов, например, «По закону» (реж. Лев Кулешов, 1926), «Процесс о трех миллионах» (реж. Яков Протазанов, 1927), «Кукла с миллионами» (реж. Сергей Комаров, 1928), «Торговцы славой» (реж. Леонид Оболенский, 1929). Фильм «Саламандра» (реж. Григорий Рошаль, 1928) с немецким актером Б. Гётцке в главной роли частично снимался в Германии. За рубежом «Межрабпомфильм» действовал через своего партнера Prometheus Film во главе с разведчиком-коминтерновцем Вилли Мюнценбергом: кинодело было его прикрытием.

Вилли Мюнценберг работал, как считают, не только на СССР: он, по-видимому, охладел к коммунистической теории и особенно – к практике. Но свою роль Мюнценберг исполнял исправно: так, 20 июля 1928 г. он выступил на VI конгрессе Коминтерна о пропагандистских задачах советского кино за рубежом. После этого «Межрабпомфильм» совместно с ЦК водников, НКПиТ, МОПР, Союзом безбожников, ОДР и другими организациями приступил к созданию плавучего кинотеатра им. VI конгресса Коминтерна.

© Хомякова Ю. О., 2021

На благоглупостях «мировой революции» Мюнценберг научился делать деньги. Впоследствии продюсерский проект Мюнценберга – социальная кинодрама Златана Дудова «Куле вампе» (1932) – принес за границей неплохой доход. Картина и сейчас входит в курс истории зарубежного кино. Но, очевидно, ее пропагандистский заряд показался руководству Коминтерна недостаточным.

В начале 30-х СССР стал еще более закрытым. Доля импортных картин на советских экранах сократилась. А на карте мира вот-вот должно было появиться еще одно фашистское государство. За рубежом первыми почуяли неладное именно эмигранты: так, в начале 1932 г. из Германии уехал русский актер Григорий Хмара со своей тогдашней женой Астой Нильсен, звездой немого кино. В 1932 г. в Германии было принято правительственное постановление, почти совершенно запрещающее иностранцам сниматься в немецкой кинопродукции.

Тогда и появились советские картины «о загранице», многие – по авторским сценариям. Это был социальный заказ директора-распорядителя «Межрабпомфильма» Франческо Мизиано, члена исполкома Профинтерна. В те годы положение Коминтерна, «штаба мировой революции», и всех входивших в него организаций, включая Межрабпом, постепенно стало очень непростым.

В советском кино и театре деятельность зарубежных коммунистов изображали так же, как и нашу революцию: листовки, митинги, стачкомы и т. п. Советская элита тех лет знала, как на самом деле выглядит революционная борьба. Но все, что рядовому кинозрителю дозволяли знать об этом, сводилось к образам стройных колонн, похожих на первомайские, в которые пролетарии строятся и куда-то маршируют, стреляя по врагам и горланя при этом гимн Коминтерна: «Заводы, вставайте! Шеренги смыкайте!». А мировая революция откладывалась на неопределенное время. Европейский пролетариат все чаще прислушивался к ораторам профашистских партий, которые, используя «левую» терминологию, действовали легально. Коммунисты же то и дело попадали в своих странах под запрет, а в Москве – в «золотую клетку».

Руководство Коминтерна работало в здании рядом с Кремлем (его нынешний адрес – ул. Моховая, 16, а в 1933 г. Коминтерн переехал в более просторное здание, где ныне располагается Российский государственный социальный университет, а напротив него – ВГИК). Под жилье была выделена бывшая гостиница «Люкс» на Тверской. Там коммунисты-эмигранты вели, по воспоминаниям разведчика-невозвращенца Вальтера Кривицкого, образ жизни, «который совершенно отличался от образа жизни простых советских людей. <…> В 1932–1933 годах, когда средний советский трудящийся должен был как-то выживать

на хлебе и вяленой рыбе, <…> они могли закупать продукты, <…> которые тогда вообще нигде нельзя было купить за деньги. Гостиница „Люкс“ стала символом социальной несправедливости» [1, с. 90].

Но партийные склоки быстро доходили до «Люкса»: «Этот картонный мир „пролетарской революции“ всегда кипит интригами и взаимными обвинениями: каждый иностранный коммунист обвиняет другого в его недостаточной верности Сталину. <…> ОГПУ слушает все обвинения и контробвинения, а также записывает их и складывает в огромные досье» [1, с. 91]. Обстановку осложняло то, что разведчики Коминтерна, сильные в анализе тайных обществ, были плохо подготовлены к нелегальной работе и нередко проваливались, что обходилось Советскому Союзу дорого – во всех смыслах.

Причины частых провалов «сводились к нарушению правил конспирации, <…> незнанию страны пребывания, неготовности к оперативной работе в конкретных условиях иностранной диаспоры (например, неумению играть в гольф и теннис и танцевать, что совершенно недопустимо для представителей тех слоев европейского общества, за членов которого пытались выдавать себя разведчики, а также элементарному неумению общаться в светском кругу)» [2, с. 147]. Так, А. Улановский, типичный выходец из Коминтерна, проваливался трижды – в Китае, Германии и Дании, за что его начальника Я. Берзина сняли с должности и расстреляли. Эхом отзывались аресты обитателей «Люкса», а в дальнейшем и связанных с ними сотрудников «Межрабпомфильма».

Решение коминтерновцев использовать советское кино в политике было вызвано еще и тем, что фильмов, позже признанных в СССР классикой зарубежного социального кино, еще не было. Поэтому 5 мая 1931 г. Мизиано обратился в ЦК ВКП(б) с письмом о разрешении и содействии в проведении за границей съемок 6–7 фильмов, «отображающих борьбу рабочего класса на Западе, колониальную политику империалистов на востоке, предательскую роль социал-демократии и т. д.» [5]. Ведь найти за границей готовые фильмы (тем более – чтобы они еще и обличали «колониальную политику» и «предательскую роль социал-демократии») было просто негде.

Ставить такие картины должны были Борис Барнет, Эрвин Пискатор и Всеволод Пудовкин, который в 1932 г. назначался на фильм под названием «Грядущая война». Мизиано был уверен в успехе этого начинания. Большинство тех картин в прокате почти провалилось. Впрочем, сказать, что идея Мизиано не принесла ничего хорошего, было бы несправедливо.

Конечно, полноценное изображение зарубежной действительности на советской кинофабрике было невозможно — ее ведь никто из поста-

новщиков не знал! А приглашенный Пискатор, у которого полнометражная звуковая картина «Восстание рыбаков» была к тому же дебютом в кино, работать в советских условиях не умел. В 1931 г., приехав из Москвы в Берлин, еще не гитлеровский, Пискатор дал интервью о своей работе на советских киностудиях: «Я рассчитывал пробыть в России два месяца, а просидел целый год. <…> Пригласили ставить „Американскую трагедию“ Драйзера, вели переговоры два месяца, потом забраковали сценарий. Та же история повторилась с „Королевскими кули“. Для фильма „Восстание рыбаков на Св. Варваре“ <…> месяцы тянулось „приспособление“ сценария к требованиям советского дня. Наконец одобрили. Отправились крутить в Одессу. Здесь ателье не было готово. Наступил сентябрь. О съемках нельзя было думать. Хотели начать „натурный“ фильм, собирались в Мурманск. Забраковали сценарий. Съемки отложены на март» [3, с. 125].

В июне 1931 г. натурные съемки фильма «Восстание рыбаков» по рассказу Анны Зегерс наконец состоялись. Но на экраны картина вышла с трудом, только в 1934 г. Она не понравилась ни Сталину, ни зрителям, ни профессионалам: тяжеловесная, сильно отдающая «театральщиной» в плохом смысле слова, картина к тому же «опоздала» с темой восстания лет эдак на десять. Не порадовал «Межрабпомфильм» и другой немецкий режиссер-авангардист, теоретик кино Ханс Рихтер: его фильм «Металл» о борьбе рабочего класса в капиталистических странах Запада под руководством компартии даже не был закончен.

Впоследствии Сталин предоставил убежище многим немецким деятелям искусства, не видевшим своего будущего при Гитлере. Но Эрвин Пискатор и Ханс Рихтер, осмотревшись на месте, почли за благо улизнуть из СССР, пока не поздно. Время подтвердило их опасения. Актер и певец Питер Хольм, исполнивший небольшую роль в «Восстании рыбаков», остался – и был расстрелян. Репрессиям подверглись музыкант Гуго Бектор, актриса Карола Неэр, режиссеры и актеры Александр Гранах, Хельмут Данериус, Джино Де-Марки... Хельмут Данериус был одним из немногих счастливчиков, кого выпустили не только из подвалов Лубянки, но даже из СССР: помог писатель Лион Фейхтвангер. Судьба режиссера Герберта Раппапорта, приглашенного в СССР лично Борисом Шумяцким, сложилась благополучно: он трижды был удостоен Сталинской премии.

Режиссеры советских кинофабрик не рвались снимать «кино про заграницу», но отказаться от таких предложений не могли, а некоторые даже извлекали выгоду. Маргарита Барская, энтузиаст детского кино, воспользовалась моментом, чтобы снять свой дебют «Рваные башмаки» о детях из немецких рабочих семей, взрослеющих во время восстания.

Картина принесла автору и «Межрабпомфильму» огромный международный (хотя, конечно, не коммерческий) успех. Лев Кулешов вернулся к экранизации в фильме «Великий утешитель» (1933). Коммерческие сборы сделали звуковая комедия Якова Протазанова «Праздник святого Йоргена» (1930) и антифашистский фильм-памфлет «Марионетки» (1934).

В недостроенном здании объединенной фабрики «Союзкино» (будущего «Мосфильма») по сценариям Виктора Гусева и Михаила Ромма были поставлены картины «Рядом с нами» (реж. Николай Бравко, 1932) и «Конвейер смерти» (реж. Иван Пырьев, 1933). Картина «Рядом с нами» вскоре была забыта (описываемый в ней «польский национал-фашизм» в полную силу так и не развернулся, а саму «панскую Польшу» раздавили в первые же недели войны). Зато «Конвейер смерти», где действие происходит в вымышленной стране, но явно подразумевается Германия, стал первой звуковой картиной «Мосфильма». В «Белгоскино» Юрий Тарич поставил фильм-экранизацию «Ненависть» (1932), где действие также происходило «в панской Польше».

Многие постановщики вернулись к фабуле, использованной еще в 1924 г. Кулешовым в фильме «Приключения мистера Веста в стране большевиков». Так появились картины, в которых попавший в плен немец вместе с русскими встречает революцию и становится свободным и сознательным человеком: «Томми» (реж. Яков Протазанов, 1931), «Дезертир» (реж. Всеволод Пудовкин, 1933), «Окраина» (реж. Борис Барнет, 1933), сразу же высоко оцененная во всем мире. В дальнейшем фабула «иностранец попадает в СССР» с изменениями использовалась в кинокомедиях Бориса Юрцева «Изящная жизнь» (1932) и «Любовь Алёны» (1935) и Григория Александрова «Цирк» (1937) по переработанной пьесе И. Ильфа и Е. Петрова, ранее поставленной в Московском мюзик-холле.

Уровень картин «Межрабпомфильма», еще сохранявшего относительную независимость, был в целом выше, а на других кинофабриках в творческий процесс активно вмешивались рапповцы. По воспоминаниям Ивана Пырьева, «в литературе и искусстве это было время агонии РАППа. Его вредоносное влияние все еще затрудняло работу, выхолащивая из произведений все живое, человеческое, новое, интересное. <…> В искусстве доминировала рапповская эстетика» [4, с. 30].

В то время на смену пестрому многообразию литературных кружков, артелей, студий 20-х годов должна была прийти единая профильная общественная творческая организация, членство в которой не требует «родства душ». Конечно, многие опасались, что в таком творческом союзе будет своя бюрократия, что руководить будет только правление, и время подтвердило подобные опасения. Рапповцев тревожила пер-

спектива оказаться на равных с «попутчиками», которые, в свою очередь, называли их деятельность «раппством». Было ясно, что рапповцам в новом Союзе писателей СССР верховодить уже не дадут: в их рядах не было такой значительной фигуры, как Горький. Тогда рапповцы «вцепились» в кинодраматургию.

Энергичнее других действовал Константин Юков – с 1926 г. он уже был ответственным редактором журналов «Кинофронт», «Советское кино», «Искусство кино». После обследования комиссией РКИ работы 1-й кинофабрики «Совкино» было отмечено игнорирование творческих сил пролетарской общественности и отсутствие взаимодействия с РАПП в подготовке сценариев. Вскоре Юков и Киршон, «прихватив» Пудовкина, высказались в поддержку Ассоциации работников революционной кинематографии (АРРК). Некоторые кинематографисты поверили в таких «защитников» и через год даже написали открытое письмо в секретариат РАППа и МАППа с просьбой «взять на буксир» кинематограф, о чем вскоре пожалели.

Рапповское художественное шефство над кинодраматургией оказалось настоящей пыткой. Так, «сценарий „Конвейер смерти“ <…> мы вместе с Виктором Гусевым и Михаилом Роммом переделывали 14 раз» [4, с. 30].Чтобы подвергнуть автора такому насилию, надо быть, во-первых, полным дилетантом. Опытный редактор кино знает, что любой автор после трех-четырех переделок просто перестает чувствовать свой же материал; что профессионализм редактора в том и состоит, чтобы понять, на какой стадии сценарий уже не станет лучше, но только хуже. Но рапповцев это не смущало. Очевидно, демагогия и своего рода садизм постепенно вошли в их привычки благодаря регулярным контактам с ведомством Ягоды.

23 апреля 1932 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» были закрыты РАПП, Пролеткульт и прочие отжившие свой век объединения. Их театры и журналы были переданы другим ведомствам или реорганизованы. Пырьев не без иронии отметил: «Когда мы переписали сценарий в двенадцатый раз, РАПП ликвидировали… и мы начали переделывать его уже в обратную сторону» [4, с. 30]. На самом деле прошли еще две правки. После тринадцатого варианта авторы с облегчением вернулись к первому.

Для ознакомления с натурой предполагались командировки за границу, но они, конечно, не состоялись. А в СССР катастрофически не хватало подходящих объектов. Например, Маргарите Барской только личное знакомство с Карлом Радеком помогло добиться разрешения снимать «Рваные башмаки» в охраняемом дворе «Дома на набережной», где он жил. Ведь это был единственный в тогдашней Москве объект по-

вышенной этажности, хоть чем-то напоминавший капиталистический небоскреб. Пырьев же ограничился улочками, по которым маршируют фашисты: в Москве мрачные дореволюционные дома-муравейники для бедняков еще не все были снесены. Практически все остальное было «достроено» на территории кинофабрики.

О любом довоенном фильме «о загранице» можно было сказать то же, что Пырьев сказал о своем «Конвейере смерти»: «Поверхностное знание зарубежной жизни привело к тому, что фильм был лишен единого стилевого решения. Декорации <…> были сделаны в резко условной манере, на этот путь они толкали и режиссуру. <…> Натуру не удалось соединить с декорациями, в результате получилась эклектика. Здесь был и гротеск, и плакат, и импрессионизм, и натурализм» [4, с. 31–32]. Однако в зарубежных фильмах «о загранице», в том числе о России и СССР, «развесистой клюквы» было значительно больше.

В дальнейшем появилось еще несколько советских экранизаций, где действие происходило в фашистской Германии. После смерти Мизиано в 1936 г. антифашистская тема взяла другое направление – судьба еврейской семьи, в которой не сразу осознается опасность гитлеризма: «Семья Оппенгейм» (реж. Григорий Рошаль, 1936), «Профессор Мамлок» (реж. Адольф Минкин, Герберт Раппапорт, 1938). В картине «Болотные солдаты» (реж. Александр Мачерет, 1938) как бы «прочитывается» дальнейшая участь коммунистов-подпольщиков из «Конвейера смерти». Но в ходе подготовки пакта Молотова-Риббентропа подобные проекты были «свернуты», а уже снятые картины временно изъяты из проката.

В последние военные годы, несмотря на роспуск Коминтерна и его преобразование в международный отдел ЦК ВКП(б), вновь появились отечественные фильмы «о загранице». В этом особенно «набил руку» Михаил Ромм: «Человек № 217» (1944), «Русский вопрос» (1948), «Секретная миссия» (1950), «Убийство на улице Данте» (1956). Наши картины отразили ряд тем, которые в зарубежном кино вполне могли бы оставить без внимания. Так, в фильме «Секретная миссия» (1950) и впоследствии в телесериале «Семнадцать мгновений весны» (1973) использованы постыдные для США как страны-союзника по антигитлеровской коалиции факты тайных переговоров с фашистами, из-за чего СССР мог лишиться многих военных геополитических побед. Однако фабула сменилась: главным героем стал не «их человек у нас», а «наш человек у них». Чаще всего таким персонажем был советский разведчик, например, в фильме «Мёртвый сезон» (реж. Савва Кулиш, 1968).

После войны доля импортных фильмов на советских экранах значительно возросла, изображать зарубежную страну прежними способами стало труднее. Но в составе СССР теперь была Прибалтика, куда

охотно ездили съемочные группы, а местные актеры играли европейцев. Появились совместные картины о недавнем прошлом, например, «Урок истории» (реж. Лео Арнштам, Христо Писков, 1957) – о Георгии Димитрове. Эмигрант из Чили Себастьян Аларкон посвятил несколько фильмов своей вынужденно покинутой родине: «Ночь над Чили» (1977), «Санта Эсперанса» (1979), «Падение Кондора» (1982), «Выигрыш одинокого коммерсанта» (1984), «Ягуар» (1986).

Помимо многочисленных экранизаций взрослой и детской переводной литературы, по-прежнему ставились фильмы с действием в вымышленной стране: «Человек-амфибия» (реж. Геннадий Казанский, Владимир Чеботарёв, 1961), «Цирк зажигает огни» (реж. Ольгерд Воронцов, 1972), «Это сладкое слово – свобода!» (реж. Витаутас Жалакявичус, 1972), «Кентавры» (реж. Витаутас Жалакявичус, 1978), «Европейская история» (реж. Игорь Гостев, 1984). Картина «Тайна виллы „Грета“» (реж. Тамара Лисициан, 1984) впервые в СССР коснулась темы масонских лож.

Уровень наших фильмов «о загранице» значительно возрос благодаря опытному разведчику Юлиану Семёнову, автору сценария нескольких картин, самая известная – «Семнадцать мгновений весны». Фильмы Анатолия Бобровского «Жизнь и смерть Фердинанда Люса» (1976) и «Лицом к лицу» (1986) по сценариям Семёнова характерны для советских картин «о загранице» того периода. Все чаще практиковались съемки отдельных (или даже большинства) эпизодов за рубежом – например, в фильме «Тегеран-43» (реж. Александр Алов, Владимир Наумов, 1980). После 1991 г. таких картин стало больше. Но вместе с окончанием идейно-политического противостояния двух систем отечественные фильмы «о загранице» иссякли, что не опечалило ни кинематографистов, ни зрителей.

Не забудем, однако, что это направление дало нам несколько популярных и до сих пор любимых зрителями картин. Благодаря нашим послевоенным картинам в Европе и США появился яркий игровой политический кинематограф. Все политические темы сейчас разрабатываются только в неигровом кино. Впрочем, это предмет отдельного большого исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кривицкий В. На службе в сталинской разведке. Тайна русских спецслужб от бывшего шефа советской разведки в Западной Европе. – М. : Центрополиграф, 2017. – 319 с.
2. Куланов А. Рихард Зорге. Неудобный. – М. : Молодая гвардия, 2018. – 652 с.
3. Крузе Н. Фильм Эрвина Пискатора «Восстание рыбаков» // Киноведческие записки. – 1994/1995. – № 24. – С. 120–139.

4. Пырьев И. О пройденном и пережитом. – М. : Союз кинематографистов СССР, Бюро пропаганды советского киноискусства, 1979. – 160 с.
5. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 17. – Оп. 114. – Д. 259. – Л. 35–35 об.

SOVIET FILM "ABOUT ABROAD" – FLOATING CINEMA OF THE WORLD REVOLUTION

Yu. O. Khomyakova

Feature films in which the action takes place abroad are a forgotten phenomenon of Soviet cinema. The initiative to create such films did not come from Soviet filmmakers themselves, but from the leaders of the Comintern.

Comintern, Francesco Misiano, Mezhrabpomfilm, Willi Münzenberg, world revolution, fascism, World War II.

УДК 821.161.1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Л. Н. АНДРЕЕВА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ Д. В. ФИЛОСОФОВА И А. А. БЛОКА 1907 ГОДА: ПОИСК ДИАЛЕКТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО

Н. Г. Коптелова
nkoptelova@yandex.ru

В статье сопоставляются концепции творчества Л. Н. Андреева, созданные в литературно-критических статьях Д. В. Философова и А. А. Блока, написанных в 1907 году. Показывается, что оба критика для оценки духовных исканий Андреева в качестве критериев используют категории «локального» и «глобального», исходя из эталона гармонического равновесия «родного» и «вселенского», искомого русскими символистами в 1900-х годах.

Л. Н. Андреев, Д. В. Философов, А. А. Блок, литературная критика, интерпретация, глобальное, локальное, символизм.

В числе авторов, приковывавших к себе особое внимание литературной критики конца XIX – начала XX века, несомненно, был Л. Н. Андреев, ставший в 1900-е годы весьма популярным и обсуждаемым писателем. Творчество этого автора, в частности, стало предметом спора Д. В. Философова и А. А. Блока, представляющего собой пример внутрисимволистской полемики и свидетельствующего о том, что эстетика и идеология русского символизма воплощались в противоречивом единстве.

© Коптелова Н. Г., 2021

Опосредованно интерес к художественной индивидуальности Андреева проявился уже в статьях Философова «Конец Горького» (1907) и «Горький о религии» (1907), где автор драмы «Жизнь Человека» упоминается еще как «фоновая» фигура. В своем методологическом подходе к оценке творческого феномена Андреева, реализовавшемся в этих работах, Философов, по сути, совпадает с Д. С. Мережковским, который, по сравнению с критиками XIX века, более активно исследует внутренние конфликты, движущие развитие творчества писателя. В истолковании Философова художественно-философские искания как Горького, так и Андреева предстают противоречивыми и раздвоенными. Тем не менее, в рамках данных статей идейный путь, избранный Андреевым, противопоставляется позиции Горького и определяется критиком как более приемлемый и продуктивный. В статье «Горький о религии», характеризуя горьковскую концепцию, описывающую движение «религиозного чувства» писателя, Философов заявляет: «Что и говорить, религия благодушная. Устраняющая всякую трагедию. Но кого она может удовлетворить? Возьмем для примера Леонида Андреева и героя его новой драмы. Удовлетворятся ли они горьковским оптимизмом?» [1, с. 81]. Для того чтобы обнажить антагонизм миропонимания Горького и Андреева, критик дает «краткий конспект» художественной философии андреевской пьесы «Жизнь Человека», представляя ее трагическую квинтэссенцию: «Уже одно посвящение „Жизни человека“ заставляет задуматься. На первой странице драмы стоит: „Светлой памяти моего друга, моей жены, отдаю эту вещь, последнюю, над которой мы работали вместе“. Уже в этих строках чувствуется глубокое страдание личности, которое вряд ли утешится религией Горького. Герой драмы дошел до такого отчаяния, что стал даже (horribile dictum!) (страшно сказать. – *Н. К.*) *молиться* стоящему в углу, вот здесь, рядом, „Серому Некто“, молиться о сохранении жизни сыну. Молитва не была услышана, сын умер, а человек погиб в кабаке, среди страшных пьяниц. Такова судьба не именно *этого* человека, а почти всех людей. Потому что мир проклят. Какая-то ловушка дьявола. И люди стремятся не победить трагедию мира, преодолеть ее, а отвернуться, пройти мимо. Играют в игрушки. И мир мстит. „Когда ребенок умирает, проклятием для живых становятся его игрушки“» [1, с. 81]. Философов подчеркивает глобальный характер трагедии личности, воплощенной в «Жизни Человека». Свой «конспект» андреевского произведения он завершает цитатой, воспроизводящей реплику «Человека», которую в контексте рассуждений подвергает смысловой перекодировке. В его интерпретации «игрушками» оказывается «наивная философия оптимизма, религия грядущего „совершенного существа“» [1, с. 81], предложенная Горьким, невероятно упростившим противоречия жизни.

Более снисходительное отношение критика к Андрееву объясняется его тактической позицией в философском споре с Горьким о личности, ведущемся с позиции «нового христианства», концепция которого разрабатывается им совместно с его соратниками: Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. Философов склоняется к идейному компромиссу с художественной антропологией автора драмы «Жизнь Человека» именно потому, что в ней, как ему кажется, ключевой остается категория свободной личности. Горький же в своем «религиознотворческом» проекте, считает критик, совершенно обесценивает понятие личности: «растворяет» личность в коллективном. Слабость Горького-мыслителя, по Философову, состоит в том, что своей псевдорелигией «сверхчеловека» он «усыпляет» сознание человека, лишая его способности видеть мир в бесконечном богатстве противоречий и тем самым отнимая у него свободу. Для критика более близкой оказывается художественная интуиция Андреева, воплощенная в драме «Жизнь Человека» и оцениваемая им как жизнетворческий ориентир: «И уж если выбирать между отчаянием „босяка“, отчаянием героя андреевской драмы и оптимизмом горьковского сверхчеловека, то выбор, конечно, должен остановиться на отчаянии» [1, с. 86–87].

Андреевский путь познания мира и человека, отразившийся в драме «Жизнь Человека», импонирует Философову своим максимализмом и глобализмом. Он созвучен критику стремлением дойти до крайнего предела и так же трактуется в рассматриваемой статье в свете «апокалипсического», «Иоаннова христианства», пропагандируемого Мережковским и Гиппиус: «Только человек, дошедший тут до конца, не побоявшийся последнего отчаяния, способен победить трагедию мира» [1, с. 86]. Напомним, что в своих высказываниях, в том числе и в области литературной критики, Мережковский и Гиппиус тоже тяготели к максимализму и глобализму, навеянному их «апокалипсическими» чаяниями [2, с. 171–189]. Они считали, что «серединное» в жизни, религии, словесном искусстве выражает пошлое, мещанское и является воплощением той духовной «теплоты», которая отвергается в «Откровении Иоанна Богослова»: «…знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч: О, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (глава 3, ст. 15 и 16). В ценностной парадигме Мережковских «серединное» воспринимается и как признак демонического, и как предвестник «грядущего Хама», толкающего мир к глобальной энтропии [2, с. 331].

Симптоматично, что Философов, в сущности, верно и проницательно выявляет экзистенциальную, метафизическую природу андреевского отчаяния, в статье «Разложение материализма» (1907) подчеркивая

высокую степень философского обобщения, определяющего жанровое своеобразие драмы: «Оно (произведение Андреева. – *Н. К.*) реакционно потому, что уничтожает всякий смысл жизни, истории. „Жизнь человека“ – вне времени и пространства. Если жизнь действительно такова, как ее изображает Андреев, то она одинаково жалка, ничтожна, бесцельна и при самодержавии и при конституции и при социалистической республике. Стоит ли бороться, стоит ли жертвовать своей жизнью, идти на каторгу, виселицу, – когда жизнь человека – сплошное издевательство «„Серого некто“, когда здесь на земле – все обман и суета?» [3, с. 121]. В конечном счете, критик во многом предсказывает современные научные подходы, позволяющие проследить пересечение творчества Андреева с мировой экзистенциальной традицией [4, с. 108–142; 5; 6, с. 110].

Как известно, драма «Жизнь Человека» стала своеобразным апофеозом театрального модернизма. Она с триумфом шла на сценах Московского Художественного театра и театра В. Ф. Комиссаржевской. «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов» присудило Андрееву за эту пьесу Грибоедовскую премию 1907 года. Но шумный театральный успех «Жизни Человека» Философов объяснял по-своему: он связывал его с популярным в современной литературе течением «мистического анархизма», свидетельствующим о глобальном творческом и духовном кризисе начала XX века. Волна «мистического анархизма», как отмечает критик, неожиданно объединила самые противоположные тенденции русской литературы и, прежде всего, полярных ранее реалистов и символистов: «Кто бы мог подумать, что дети аристократических эстетов девяностых годов встретятся и подружатся с детьми наших „гражданственников“, что сборники „Знания“ сойдутся со „Скорпионами“ и „Грифами“» [3, с. 121].

Философов рассматривает явление «мистического анархизма» как продукт «разлагающегося материализма», лишившего личность религиозно-духовного начала. Критика возмущает «любовь к кощунству», характерная для «мистических анархистов» [3, с. 122]. Философова искренне шокирует их пренебрежительное отношение к «внутренним, интимным, религиозным переживаниям» [3, с. 122]. В результате и драму Андреева «Жизнь Человека» автор статьи «Разложение материализма» интерпретирует как художественный манифест «мистического анархизма», лишившего личность идеального содержания и воспринимающего ее исключительно как форму существования плотского начала, – некий «биологический комок». Отсутствием веры в сверхличные, божественные силы добра, крушением «святых идеалов» Философов объясняет философию «бунта» и «отчаяния», художественно воплощенную в андреевской пьесе и взятую на вооружение современной интеллигенцией: «„Биологи-

ческий комок“ жестоко мстит и старается вовсю использовать те минуты наслаждения, которые ему представляет „Серый Некто“» [3, с. 122].

Несомненно, статья Философова «Весенний ветер» во многом обобщает и развивает итоги анализа современного литературного процесса, проведенного в статьях «Разложение материализма» и «Дела домашние», написанных в том же, 1907 году. Символ «весеннего ветра», заимствованный из стихотворения Гиппиус, в истолковании критика превращается в метафору идейного «сдвига», произошедшего в общественно-литературной ситуации начала 1900 годов [7, с. 158]. В этой статье Философов продолжает «анатомировать» природу, а также общественный, эстетический и духовный смысл «мистического анархизма», определяющего многие искания современной отечественной словесности. Для исследования литературного «грунта» он выбирает стратегию «выборочной пробы» и, прежде всего, обращается к творчеству Андреева. Философов уверен, что именно в художественно-философских исканиях этого автора наиболее отчетливо отражаются характерные тенденции развития словесного искусства последних лет [3, с. 131–132]. Он высоко оценивает писательский талант Андреева [3, с. 132]. Однако в аксиологической иерархии критика автор «Жизни человека» не может занять нишу «гения», ибо его мышлению не хватает «творческого синтеза», духовного равновесия [3, с. 132].

По мнению Философова, Андреев-художник мыслит более многомерно и глубоко по сравнению со своими товарищами по «Знанию», в своем отношении к проблеме пола перекликаясь с В.В. Розановым. Но в то же время Андреев, как полагает автор «Весеннего ветра», еще не обрел цельного, гармоничного мировоззрения: в его произведениях «тайна пола и личности – убили общественность» [3, с. 132]. Именно эта лакуна в представлениях Андреева о мире и человеке и рождает, по Философову, крайне пессимистическое убеждение писателя, что «человек – раб „Серого Некто“» [3, с. 132]. Философов предлагает свою идейную шкалу, моделирующую структуру «нового религиозного сознания», поднятого на щит Мережковскими и объявленного критиком главной целью литературного творчества. Согласно этой шкале, «целостное миросозерцание, подлинная религия, должна обнимать в гармоническом равновесии все стороны человеческого бытия: личность, пол и общественность» [3, с. 150].

Главную ошибку представителей «мистического анархизма» Философов видит в метафизической односторонности, выразившейся в разрыве природы и культуры, личности и общественности, сознательного и бессознательного, язычества и христианства, локального и глобального. За этим раздроблением целостных феноменов, с точки зрения

критика, кроется отказ от идеи «религиозного синтеза» (в толковании Мережковского). Ущербность миросозерцания Андреева кроется в его отторжении «культуры», «сознания» и «религиозной общественности»: «Художественным инстинктом он ощутил силу иррационального и завопил с отчаяния о бессмысленности бытия, предал проклятию весь мир, как будто смысл мира должен совпадать с тем, как его понимает человеческий интеллект» [3, с. 138].

В группу писателей, объединившихся на платформе «мистического анархизма», наряду с Андреевым Философов включает и А. Блока. Критик вступает в спор с аргументами Блока, вставшего на защиту Андреева в статье «Реалисты» (1907). Примечательно, что высокая оценка Блоком художественных достижений и философских открытий Андреева, представленная в этой статье, вызвала резкое возражение не только у Философова, но и у других представителей символизма (например, у Андрея Белого и Эллиса).

Блок совпадает с Философовым в признании выдающегося художественного таланта Андреева, но более уверенно говорит о его расцвете и развитии: «Все мы знаем уже могущественное дуновение андреевского таланта, и можно только удивляться тому, что и годы не убивают это чудовищное напряжение. Я не берусь судить, превзошел или не превзошел себя Андреев в последней повести. Скорее – нет. Но сила изобразительности, „громадный внутренний фонд творчества“ (так выразился об Андрееве Андрей Белый <…>) как будто еще увеличились» [8, т. 7, с. 48].

В полемике с точкой зрения своего оппонента, выраженной главным образом в статье «Разложение материализма», Блок упоминает не только андреевскую драму «Жизнь Человека», воспринятую Философовым как манифест «небытия», но и только что напечатанную повесть «Иуда Искариот». Автор «Реалистов» не скрывает, что это произведение произвело на него сильнейшее впечатление. Он даже дает в своей статье его своеобразный лирический «пересказ», пытаясь эмоционально вжиться в андреевское повествование. Блок говорит об этом творении Андреева в весьма восторженном тоне: «Так вот какова эта повесть. За нею – душа автора – живая рана. Думаю, что страдание ее – торжественно и победоносно. Думаю, что и все упреки г. Философова, обращенные им к автору „Жизни Человека“, окончательно теряют свое основание с появлением в свет этой повести» [8, т. 7, с. 47].

По мнению Блока, погруженный в «аполлонический» «сон культуры», Философов оказался заворожен «*магией европеизма*» [8, т. 7, с. 48]. Поэтому он утратил острое критическое зрение и эстетическую восприимчивость: не может почувствовать специфику русской литературы, призванной выражать глубокие страдания современного человека

[8, т. 7, с. 48]. Эту трагическую миссию национального художника, с точки зрения Блока, и выполнил блистательно Андреев. В драме «Жизнь Человека» и повести «Иуда Искариот» он передал «голос народной души», чего «европействующему» критику Философову не дано понять [8, т. 7, с. 48]. С точки зрения Блока, в своей интерпретации творчества Андреева, Философов, в теории провозгласивший необходимость гармонического синтеза «глобального» и «локального», сам уклонился в метафизическую односторонность, выдвинув на первый план категорию «глобального».

В рецепции как Философова, так и Блока творческий феномен Андреева истолковывается в проекции на их собственные духовные искания и интерпретируется в ключе их концептуальных построений. Философов поворачивает свои критические суждения в русло создания целостного миросозерцания, основанного на «религиозном синтезе» трех начал человеческого бытия: «личность, пол и общественность» [3, с. 150]. Таким образом, он вносит свою лепту в создание и развитие «нового», «динамического», христианства, которое, по его убеждению и по убеждению его единомышленников Мережковского и Гиппиус, будет происходить во многом именно на почве русской литературы. Блок же в это время ставит в центр своей картины мира феномен «стихии», противостоящей «культуре» и позволяющей художнику слова слиться с «народной душой» [9, с. 490–493]. «*Рыдающее отчаяние»* Андреева, которое поэт-символист слышит в драме «Жизнь Человека» и в повести «Иуда Искариот», он воспринимает как силу, способную пробудить «стихию», таящуюся в глубинах народного сознания [8, т. 7, с. 48]. Несколько позднее, в 1909 году, соотнося «стихию» и «культуру» (в статье «Стихия и культура»), Блок выразится еще более жестко и определенно: «Перед лицом разбушевавшейся стихии приспущен надменный флаг культуры» [8, т. 8, с. 93]. Он выдвинет на первый план «стихию», как «дионисическое» начало, выходящее за все пределы бытия, и уведет на периферию современности «культуру», которая в системе его идейных координат ассоциировалась, прежде всего, с началом «аполлоническим», «европейским», глобальным, выражающим меру и равновесие. Тем не менее, соратник Блока по младосимволизму и мистическому анархизму Вяч. И. Иванов, считавший главным признаком русского национального самосознания синтез «родного» и «вселенского» (перифраз антитезы «локальное» – «глобальное»), видел присутствие этого синтеза и в блоковском толковании категории «стихии», представленном в статье «Стихия и культура». В 1909 году он писал: «Мистики Востока и Запада согласны в том, что именно в настоящее время славянству, и в частности России, передан некий светоч; вознесет ли его наш народ

или выронит, – вопрос мировых судеб. Горе, если выронит, не для него одного, но и для всех; благо для всего мира, если вознесет. Мы переживаем за человечество – и человечество переживает в нас великий кризис. И сделанное А. Блоком сближение калабрийской и сицилийской катастрофы с нашими судьбами – не простое уподобление. Поистине „всякий за всех и за все виноват“; и наша хотящая и не могущая освободиться страна подвизается и изнемогает за всех» [10, с. 364].

А вот Философов в своем «ответе» Блоку, данном в статье «Весенний ветер», повесть Андреева «Иуда Искариот» демонстративно замалчивает. Он опять делает смысловой акцент на драме Андреева «Жизнь Человека». Философов вновь говорит о негативном воздействии этого произведения на сознание читателей и зрителей. Критик полагает, что андреевская пьеса не только внушает обществу пессимизм, парализующий волю, и лишает его веры в смысл революционных преобразований, но и толкает Россию к анархическому бунту, который так легкомысленно романтизирует Блок: «А что как „некультурная Русь“ возьмет да и поверит Андрееву? Убедится, что все „прямые, равные и тайные“ – пустая забава, что все бесчисленные жертвы революции погибли бессмысленно, в усладу „Серому Некто“? Куда ей тогда податься? Что ей делать? Остается одно, провалиться в столь дорогое и любезное г. Блоку русское, самобытное, хулиганство» [3, с. 134].

Однако нельзя не видеть и настойчивого стремления Философова выстроить оптимистическую гипотезу духовной эволюции Андреева. Он явно старается направить этого талантливого художника по «правильному» идейному пути, повернуть, запрограммировать вектор его творческого движения. Примечательно, что критик все-таки выдает определенный «аванс» художественно-философским исканиям Андреева, желая видеть его среди своих единомышленников: «Может, это лишь переходная ступень душевного роста Андреева. Хочется верить этому» [3, с. 134].

В метаниях и заблуждениях Андреева, как и ряда других современных писателей, Философов обнаруживает обновляющие творческие порывы, несущие с собой зарождающееся желание идти по пути «религиозного возрождения» [3, с. 155]. В художественно-философских исканиях Андреева, как «пессимиста пола», по мнению автора статьи, все-таки выражается «потребность *полноты* жизни, жажда гармонического сочетания измучивших человечество противоречий, бессознательное стремление к действительно *религиозной* концепции мира» [3, с. 155]. Несомненно, в целом философия статьи «Весенний ветер» отчетливо ориентирована на творческий диалог с его соратниками по «религиознотворческому» проекту (Гиппиус и Мережковским) и составляет с их концептуальными построениями единый идейный комплекс.

Таким образом, оба критика в своих статьях, созданных в 1907 году, для оценки духовных исканий Андреева в качестве критериев используют категории «локального» и «глобального», исходя из эталона гармонического равновесия «родного» и «вселенского», искомого русскими символистами в 1900-х годах. Однако, интерпретируя творчество этого писателя, Философов делает акцент на «глобальном», общечеловеческом, экзистенциальном, в то время как Блок стремится подчеркнуть в андреевских произведениях доминирование «локального», репрезентирующего, с его точки зрения, приметы русского национального культурного кода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Философов Д. В. Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908). – СПб. : Типография Акц. Общ. Тип. Дела в СПб, 1909. – 324 с.
2. Коптелова Н. Г. Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 343 с.
3. Философов Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелева. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 680 с.
4. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на границах столетий : учеб. пособие. – М. : Флинта, 2002. – 304 с.
5. Плешков А. А. Тропами экзистенциализма: Леонид Андреев как философский писатель // Вопросы философии. – 1912. – № 9. – С. 109–119.
6. Демидова С. А. Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1(43). – С. 118–123.
7. Коптелова Н. Г. Творчество А. П. Чехова в оценке Д. В. Философова (на материале рецензий и статей 1900-х годов) // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, №2. – С. 156–163.
8. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – Т. 1–8. – М. : Наука, 1997–2010.
9. Минц З. Г. Блок и русский символизм // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб. : Искусство – СПБ, 2000. – С. 456–536.
10. Иванов Вяч. И. О русской идее // Иванов Вяч. И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачёва. – М. : Республика, 1994. – С. 360–372.

INTERPRETATION OF LEONID ANDREEV'S CREATIVE WORK IN THE LITERARY-CRITICAL ARTICLES OF DMITRY FILOSOFOV AND ALEXANDER BLOK IN 1907: THE SEARCH FOR DIALECTICS OF THE GLOBAL AND LOCAL

N. G. Koptelova

The article compares the concepts of creativity of L. N. Andreev, created in literary-critical articles by D. V. Filosofov and A. A. Blok, written in 1907. It is shown that both critics, to assess Andreev's spiritual quests, use the categories of “local” and “global” as criteria, based on the standard of harmonious balance of “native” and “universal” sought

by Russian symbolists in the 1900s. However, interpreting Andreev's work, Filosofov focuses on the “global”, universal, existential.
L. N. Andreev, D. V. Filosofov, A. A. Blok, literary criticism, interpretation, global, local, symbolism.

УДК 130.1

ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ИНТЕРЬЕРА ЭПОХИ

Е. А. Счастливцева, Л. В. Балабаева
abcr@yandex.ru, larisapocht@yandex.ru

В статье делается попытка раскрыть основания философии Павла Флоренского через понятие формы, определяющей путь символизма в постижении языка, духовных сущностей: имя, слово и т. д.
Философия Павла Флоренского, форма, математика, пространство, антиномичность, символ, искусство, философия Канта.

Введение. О Флоренском издано огромное количество работ, посвященных его творчеству и биографии. В этом море литературы утонуть несложно. Все это библиографическое наследие можно условно разделить на следующие временные отрезки:

1) работы досоветского периода (Булгаков, Бердяев, Лосев);
2) работы советского периода (30–40-е гг.);
3) работы постсоветского периода (конец 80-х – 90-е гг.);
4) 2000-е годы и последнее десятилетие – после 2010 года.

Эта литература составляет внушительный список [6].

Методом исследования является феноменолого-герменевтический метод, а также общие логические методы текстового анализа.

Теперь рассмотрим тематику, к которой обращаются исследователи Флоренского. Наиболее изученной является теория слова и имени, проблема символа и смежные с филологией темы. Мало внимания уделяется естественнонаучному познанию в творчестве Флоренского (за исключением диссертации А. С. Горелова [2]) и в целом его философскому мировоззрению, поэтому наша задача видится в том, чтобы дать более или менее целостное понимание философско-мировоззренческих взглядов о. П. Флоренского, определив принципы и основания его философско-символического учения. Методы творчества Флоренского определяются исследователями по-разному. Так, В. А. Ярешко говорит о контрапунктическом, ассоциативном, этимологическом методах,

© Счастливцева Е. А., Балабаева Л. В., 2021

а также методе символического описания (феноменологический метод) [18, с. 5]. Как отмечает Л. А. Микешина, Флоренского интересует проблема пробабилизма, и он дает анализ этого термина наряду с другими понятиями достоверности, тождества, интуиции и дискурсивного метода и т. д. [3, с. 404]. И в самом деле, не интуитивистская ли эта философия? Образуется «сетчатая ткань», напоминающая нам сейчас нейронные сети, и, может быть, наша нейронная структура и формировалась путем «проб и ошибок», а затем все эти участки включались в работу. Кто же знает, может быть, и наше познание в какой-то степени эклектично, и каждый исследователь заполняет известную лакуну при помощи своего метода? Но нет, мы будем говорить здесь о целостном методе Павла Флоренского, о целостном его философском мировоззрении.

П. Флоренский выявляет истоки предметного понимания мира, ведь и метод познания определяется познаваемым, то есть самим предметом. Исходным материалом для о. П. Флоренского служит органическое единство, или форма, в которой Флоренский усматривает основание идеализма (понятие, слово, имя). Символом для него является посредство между реальной вещью и ее изображением отдельного художника. Символ только указывает на подлинник, только намекает на него, только стремится к нему. Говоря о форме, мы сразу вступаем на путь символизма; когда мы говорим о слове или имени, или даже понятии, то это тоже путь символизма. Символ есть нечто неуловимое. Но символ живописи, художественного произведения архитектуры, скульптуры, графики нуждается в геометрии пространства, поскольку имеет дело с протяженными символами и протяженностью вообще.

Философ варьирует искусство, каждый вид которого имеет свои особенности, свою индивидуальную форму. Так, музыка и поэзия – наивысшие формы искусства, а театр, напротив, – низшая его форма, поскольку имеет дело с чувственным элементом, он *чувственно насыщен.* Вообще искусство, по Флоренскому, есть способ организации пространственных форм. Пространство является одной из высших форм («форма форм»). Самая высшая форма – Абсолют, абсолютный символ веры. Организация божественной жизни есть сложнейшая из всех организаций, сложнейшая из всех форм. В целом в учении Флоренского мы сталкиваемся с понятием формы как организованного единства, которое проявляется во всех уровнях познания (религиозном, философском, научном, социальном – хозяйство, этическом и эстетическом – культура). Определив основные ориентиры, мы сможем двигаться дальше в постижении метода Флоренского и способах его организации мыслительного пространства. Затем мы определим принципы как исходные установки его сознания, когда оно определяет истинность тех или иных положений.

Истоки мировоззрения Флоренского мы находим уже в философии Канта. Флоренский критикует антиномическое учение Канта за его ошибочность, но в то же время, как отмечает о. Трубачев, именно антиномичность ложится в основу его понимания символизма, антропотеодицизма и т. д. [7, с. 40]. Эта, на первый взгляд, парадоксальная мысль, имеет свои онтологические основания. Флоренский говорит, что антиномии заложены не в разуме, как у Канта (что и является его ошибкой, по мнению философа), а сокрыты в недрах самой природы (реальности). Понять глубже эту мысль Флоренского невозможно. Символ тоже имеет чувственную природу наряду с идеальной (формальной) структурой. Являясь, по сути, формой, символ находится на границе ноуменального и феноменального мира. То же можно сказать и о других формах. И это – кантовское понимание, указывающее на границы познания в философии Канта и на сущность символизма. Кантовское понимание о. П. Флоренский по сути превращает в один из основных принципов своей философии.

Но как работает этот философский принцип у Павла Флоренского? Например, он соединяет в человеке усийное, то есть генетическое, родовидовое начало (от греч. οὐσία φύσις) и ипостасийное, то есть именное, словесно-именное начало (от «ипостась» – «лик», греч. ὑπόστασις). С другой стороны, идеи, или универсальные понятия, по-другому общие понятия и суждения обладают, по Флоренскому, «загадочными свойствами»: единое относится к бесконечному множеству. Например, слово «слон». Мы можем сказать «слон плавает» и «слоны плавают», и это будет одним и тем же. «Слон» как общее понятие охватывает великое множество слонов. И тут, как говорит философ, применимо правило Аристотеля: «τό ἑν επί πολλών», что означает, что знание возможно там, где «единое направлено на многое» [12, с. 84], или, как еще можно сказать, единое вбирает в себя многое. По-другому, как считал Кант, разум стремится к унификации предметов. Общее суждение, с другой стороны, есть единый акт мысли, а вовсе не скопление многих суждений. Но каким образом бесконечное множество явлений может быть наличным в едином акте мысли? Вот здесь нам и понадобится формула Аристотеля – Канта. Но каким образом происходит унификация предметов, явлений и т. д.?

Унификация – это определенная логическая операция, стремящаяся превратить многое в единое для удобства обращения. Кантовский способ здесь – интуиция, по-другому, созерцание. Интуиция предполагает очевидность, которая сама по себе не нуждается в дополнительном доказательстве. С другой стороны, кантовский способ предполагает и второй пункт помимо созерцания – это понятие или суждение как форма мысли. Соединив очевидную данность с формой, можно получить множество в едином акте мысли. В этом заключалось великое но-

ваторство Канта. Именно форму и соединение реального и универсального в ней Флоренский берет в свою философию в качестве метафизического принципа.

Но почему мы должны верить в очевидность («самопонятность») зрения и слуха? Зрение дает нам свет (истину), которая и сама возможна только благодаря свету – в этом основание идеализма Платона. Если при помощи света мы получаем свыше 80 % информации, то слух более индивидуален – он связан с нашей чувственностью в большей мере, чем зрение, или лучше сказать – с чувствительностью – ведь слух у всех разный, и только сравнительно небольшое количество людей имеет абсолютный от природы слух.

А что видит зрение? Оно видит предмет. И если мы изображаем предмет, то это изображение – не его копия, не удвоение действительности, а символ, говорящий о том, что натурализм в смысле «внешней правдивости невозможен». Изображение есть символ, и именно поэтому символ еще нужно «разгадать», «ценность коего подлежит особому обсуждению». Символ есть форма, и именно форма, и только форма, занимает изобразительное искусство. Изображение пространства на плоскости разрушает форму изображаемого, поэтому «натурализм невозможен», поэтому мы сразу «вступаем на путь символизма». О чем говорит Павел Флоренский? Он пишет о том, что перспективность есть только прием; а это означает лишь одно, что человеческий глаз, хотя и видит истину, все же сквозь него проступает некоторая субъективность, символичность, «меоничность». Тогда все становится понятным – наши фантазии, воображение достраивают часть пространства, чтобы возможно было его реальное изображение, реальное с точки зрения определенного приема, ведь не все могут видеть предмет трехмерным в пространстве, то есть видеть саму эту трехмерность – для этого нужно обладать особым восприятием, видением этой самой перспективы.

В математических построениях Флоренского все та же субъективность – возможность различных систем счисления. Он, например, говорит, что «сродство» чисел уничтожается с изменением системы счисления [9, с. 28]. Это означает, что графическое изображение числовых точек не совпадает в разных системах координат. Ученый доказывает это геометрически на примере многоугольников [9, с. 29–30]. В своих теоретико-математических построениях Флоренский придерживается идей Пеано (кривая Пеано), Гильберта (кривая Гильберта). Все это идеи интуиционистской логики, или математики. Данные свои идеи философ называет математическим обоснованием символизма. Но у него есть еще анализ пространства и времени в изобразительном искусстве.

Флоренский исходит из теории относительности. Еще Н. И. Лобачевский высказал мысль о том, что разные явления физического мира протекают в разных пространствах [14, с. 5]. Это касается не только кривизны пространства, ведь Клиффорд, Пуанкаре, Эйнштейн, Вейль и Эддингтон выразили эту мысль и в отношении электромагнитных и механических процессов в целом. У Флоренского идея разных миров порождает образы «складок», «морщин», поскольку вещи в этих мирах выступают «сгустками» и истоками «мировой среды в пространстве» [14, с. 6]. Применительно к социальной организации пространство также должно быть специально организовано как пространство «наших жизненных отношений». Сюда же входит и вся мыслительная деятельность, в том числе наука и философия. Искусство же занимает такое пространство, которое находится между наукой и философией. Но именно *организация* такого пространства называется искусством. Здесь она выполняет роль техники в том смысле, что изменяет действительность, переустраивает пространство, например, настраивает театральный жест, натяжение которого производит новую энергию силового поля или, точнее, влияет на энергию силового поля, поскольку в нем самом есть эта энергия натяжения.

Выводы. Основания философии Павла Флоренского пролегают на границе метафизики, науки и религии, тем самым можно говорить о синтезе этих трех областей знания, что делает ее актуальной. Из кантовской метафизики философ берет сам принцип применения математики к природе через априорно-чувственные формы пространства-времени, понятие антиномичности, которое реализует в онтологии, что также актуально. Его символическая концепция выстраивается на границе чувственного и умопостигаемого мира, в чем видится продолжение и развитие кантовского метода, что также представляется актуальным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бужор Е. С. Философское преображение познания П. Флоренского и Вяч. Иванова в контексте теории всеединства Вл. Соловьева : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2017. – 197 с.
2. Горелов А. С. Концепция науки как символическое описание в философии П. А. Флоренского : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2001. – 142 с.
3. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. – М., 2010. – 575 с.
4. Мусаева Э. С.-Э. Философия символизма в творчестве П. А. Флоренского : дис. канд. филос. наук. – М., 1999. – 165 с.
5. Никитина Н. И. Онтологическое единство мира в философии П. Флоренского : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1999.
6. П. А. Флоренский: pro et contra. – СПб., 1996. – 752 с.

7. Трубачев А. История создания цикла «У водоразделов мысли» // П. А. Флоренский. У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики. – М., 2009. – 346 с.
8. Флоренский П. А. Вопросы религиозного самопознания. – М., 2004. – 235 с.
9. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии: Расширение области двухмерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимости). – М., 1922. – 69 с.
10. Флоренский П. А. Христианство и культура. – М., 2001. – 663 с.
11. Флоренский П. А. Иконостас: Имена. – М., 2009. – 318 с.
12. Флоренский П. А. У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики. – Т. 1. – М., 2013. – 684 с.
13. Флоренский П. А. Космологические антиномии Иммануила Канта: С приложением экскурса об антиномической структуре разума. – М., 1909. – 32 с.
14. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М., 1993.
15. Флоренский П. А. Общечеловеческие корни идеализма. – М., 2013. – 607 с.
16. Флоренский П. А. Философия культа (Опыт православной антроподицеи). – М., 2014. – 685 с.
17. Флоренский П. А. История и философия искусства. – М., 2017.
18. Ярешко В. А. Эволюция философского символизма в культурологических воззрениях П. А. Флоренского : дис. ... канд. культурол. наук. – СПб., 1999. – 115 с.

THE FOUNDING OF THE PHILOSOPHY OF PAVEL FLORENSKY IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC INTERIOR OF THE EPOCH

E. A. Schastlivtseva, L. V. Balabaeva

The article attempts to disclose the foundations of the philosophy of Pavel Florensky through the concept of a form determining the path of symbolism in comprehending the language, spiritual entities: name, word, etc.

Philosophy of Pavel Florensky, shape, mathematics, space, antinomicity, symbol, art, Cant philosophy.

Сведения об авторах

Аведова Ирина Вартановна	сотрудник библиотеки С. Лесневского в Тараканово (Культурный центр «Дом Станислава Лесневского» в Тараканово (Московская обл.)
Байбурова Ольга Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета
Балабаева Лариса Васильевна	старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права, Кировский филиал РАНХиГС
Зайцев Александр Владимирович	доктор политических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, директор Межрегионального научно-просветительского центра им. И. А. Дедкова
Зябликов Алексей Вячеславович	доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, член Союза писателей РФ
Ковалева Светлана Викторовна	доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Коптелова Наталья Геннадьевна	доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета
Мусинова Наталия Евгеньевна	доктор культурологии, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (г. Кострома)
Петрюк Иван Павлович	кандидат технических наук, доцент кафедры ремонта и основ конструирования машин Костромской государственной сельскохозяйственной академии

Путина Ольга Николаевна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета
Румянцева Ольга Валентиновна	кандидат культурологии, доцент кафедры дизайна, технологий, материаловедения и экспертизы потребительских товаров Костромского государственного университета
Саликов Андрей Эдуардович	кандидат культурологии, доцент, докторант Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск)
Страшнов Сергей Леонидович	доктор филологических наук, профессор отделения журналистики, рекламы и связей с общественностью Ивановского государственного университета
Счастливцева Елена Анатольевна	доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета
Тарковский Владимир Николаевич	кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Урюпина Марина Анатольевна	преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова
Хомякова Юлия Олеговна	старший научный сотрудник НИИ киноискусства (ВГИК им. С. А. Герасимова), член Союза журналистов, член Союза кинематографистов
Яковлев Виталий Юрьевич	доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Яковлев Сергей Ананьевич	прозаик, литературовед, член Союза писателей Москвы, лауреат премии им. И. А. Дедкова

Содержание

РАЗДЕЛ 1. Провинциальный мир и его место в глобальной культуре (Игорь Дедков как Genius Loci) 3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК В ПРОВИНЦИИ (ПРИМЕР ИГОРЯ ДЕДКОВА)
С. Л. Страшнов 3

И. А. ДЕДКОВ И КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА
С. А. Яковлев 10

ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛИ И СРЕДСТВ В ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ И. А. ДЕДКОВА
А. В. Зайцев 22

ПЕРЕПИСКА ИГОРЯ ДЕДКОВА И СТАНИСЛАВА ЛЕСНЕВСКОГО: К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОДНОГО ПИСЬМА
И. В. Аведова 36

РАЗДЕЛ 2. Русская культура в контексте социокультурной глобализации 42

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА В СССР В 1985–1991 гг.
В. Ю. Яковлев 42

ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
А. Э. Саликов 50

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОНТИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
С. В. Ковалева 55

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ: ОПЫТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
М. А. Урюпина 62

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ
В. Н. Тарковский 68

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР КАК СРЕДСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСА ПОВСЕДНЕВНОСТИ)
О. Н. Путина 73

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
О. В. Байбурова 77

РАЗДЕЛ 3. Диалектика локального и глобального в русской духовной культуре 82

ДИСКУССИЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ В КОСТРОМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ИВАНУ СУСАНИНУ И МИХАИЛУ РОМАНОВУ: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
А. В. Зябликов 82

ПОЖАРНАЯ КАЛАНЧА В КОСТРОМЕ: ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕТЕРБУРГЕ
О. В. Румянцева 88

ВОЕННЫЕ ДИРИЖЕРЫ КОСТРОМСКОГО ГАРНИЗОНА: ВИКТОР ВАЛУЕВ
Э. Г. Клейн 93

ПРАЗДНИК КАК ДУХОВНАЯ СКРЕПА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Н. Е. Мусинова, И. П. Петрюк 97

СОВЕТСКИЙ ФИЛЬМ «О ЗАГРАНИЦЕ» – ПЛАВУЧИЙ КИНОТЕАТР МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Ю. О. Хомякова 107

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Л. Н. АНДРЕЕВА
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ Д. В. ФИЛОСОФОВА
И А. А. БЛОКА 1907 ГОДА: ПОИСК ДИАЛЕКТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО
И ЛОКАЛЬНОГО
Н. Г. Коптелова 115

ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ИНТЕРЬЕРА ЭПОХИ
Е. А. Счастливцева, Л. В. Балабаева 124

Сведения об авторах 130

Content

SECTION 1. Provincial world and its place in global culture (Igor Dedkov as Genius Loci) 3

A LITERARY CRITIC IN THE PROVINCE (IGOR DEDKOV'S EXAMPLE)
S. L. Strashnov 3

I. A. DEDKOV AND LIBERALISM CRISIS
S. A. Yakovlev 10

DIALECTICS OF PURPOSE AND MEANS IN LIFE, CREATIVITY AND WORLD VIEW I. A. DEDKOVA
A. V. Zaitsev 22

CORRESPONDECE IGOR DEDKOV AND STANISLAV LESNEVSKY: TO THE QUESTION OF DATING OF ONE LETTER
I. V. Avedova 36

SECTION 2. Russian Culture in the context of sociocultural globalization 41

GLOBALIZATION AND PERESTROIKA IN THE USSR 1985–1991
V. Yu. Yakovlev 41

TRENDS OF CULTURE AND CREATIVITY OF EUROPEAN YOUTH IN THE CONTEXT OF GLOBAL INTEGRATION PROCESSES
A. E. Salikov 50

EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: ONTIC AND ONTOLOGICAL ASPECT
S. V. Kovaleva 55

WAR IN AFGHANISTAN: GLOBALIZATION EXPERIENCE
M. A. Uryupina 62

THE FATHE OF A PERSON IN CULTURE
V. N. Tarkovsky 68

DISCOURSE MARKERS AS MEANS OF GLOBALIZATION (ON THE EXAMPLE OF EVERYDAY DISCOURSE)
O. N. Putina 73

LEXICAL MEANS OF GLOBALIZATION IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE
O. V. Baiburova 77

SECTION 3. Dialectics of local and global in Russian spiritual culture 82

DISCUSSION ON THE RESTORATION OF THE HISTORICAL MONUMENT TO IVAN SUSANIN AND MIKHAIL ROMANOV IN KOSTROMA: A RHETORICAL ASPECT
A. V. Zyablikov 82

FIRE CILFPLAN IN KOSTROMA: MEMORIES OF ST. PETERSBURG
O. V. Rumyantseva 88

MILITARY CONDUCTORS OF THE KOSTROMA GARRISON:
VIKTOR VALUEV
E. G. Klein 93

THE HOLIDAY AS A SPIRITUAL STAPLE OF NATIONAL CULTURE
N. E. Musinova, I. P. Petryuk 97

SOVIET FILM “ABOUT ABROAD” – FLOATING CINEMA
OF THE WORLD REVOLUTION
Yu. O. Khomyakova 107

INTERPRETATION OF LEONID ANDREEV'S CREATIVE WORK
IN THE LITERARY-CRITICAL ARTICLES OF DMITRY FILOSOFOV
AND ALEXANDER BLOK IN 1907: THE SEARCH FOR DIALECTICS
OF THE GLOBAL AND LOCAL
N. G. Koptelova 115

THE FOUNDING OF THE PHILOSOPHY OF PAVEL FLORENSKY
IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC INTERIOR OF THE EPOCH
E. A. Schastlivtseva, L. V. Balabaeva 124

Information about the authors 130

Научное издание

Кострома
Genius Loci

Альманах

Выпуск 4

Составитель и ответственный редактор:
З а й ц е в Александр Владимирович

Корректор О. Батырова

Компьютерная верстка Н. И. Поповой

16+

Подписано в печать 17.11.20. Формат бумаги 60×84 1/16.
Печать трафаретная. Печ. л. 8,5. Заказ 210. Тираж 500.

156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
E-mail: cultural@kstu.edu.ru
Тел.: 49-80-67

Отпечатано ИПО КГУ. 156005,
г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
Т. 49-80-84 E-mail: rio@kstu.edu.ru